

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МАЛЫШЕВА ДИНА БОРИСОВНА

**КОНФЛИКТЫ В РАЗВИВАЮЩЕМСЯ МИРЕ,
РОССИИ И СОДРУЖЕСТВЕ НЕЗАВИСИМЫХ
ГОСУДАРСТВ:**

РЕЛИГИОЗНЫЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Выполнено при финансовой поддержке
Society for Global Social and Economic Integration,
United Kingdom

Москва 1997

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МАЛЫШЕВА ДИНА БОРИСОВНА

**КОНФЛИКТЫ В РАЗВИВАЮЩЕМСЯ МИРЕ,
РОССИИ И СОДРУЖЕСТВЕ НЕЗАВИСИМЫХ
ГОСУДАРСТВ:**

РЕЛИГИОЗНЫЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Москва 1997

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.	3
ГЛАВА 1. РЕЛИГИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КАК ФАКТОРЫ КОНФЛИКТУЮЩИХ ОБЩЕСТВ.	7
1.1. Религиозные и этнические противоречия и предпосылки конфликтов в Третьем мире и на Юге Содружества: общее и особенное.	8
1.2. Типология и классификация конфликтов.	18
1.3. Традиционные факторы в региональной и международной политике.	26
ГЛАВА 2. РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ В КОНФЛИКТАХ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ.	37
2.1. Политический экстремизм в религиозном обличье в палестино- израильском конфликте.	39
2.2. Алжир: террор во имя веры в условиях гражданской войны.	49
ГЛАВА 3. ЭТНОСЕПАРАТИЗМ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ НА КАВКАЗЕ.	63
3.1. Армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха.	65
3.2. Движение за национальное самоопределение Абхазии как фактор грузино-абхазского вооруженного противостояния.	74
3.3. Этносепаратизм на Северном Кавказе: российско-чеченская война.	82
ГЛАВА 4. МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ И КЛАНОВОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В КОНФЛИКТАХ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.	91
4.1. Афганистан: гражданская междоусобица и вооруженное этническое противостояние.	93
4.2. Таджикистан: война кланов и политиков.	101
4.3. Региональное измерение конфликтов в Афганистане и Таджикистане.	110
ГЛАВА 5. ПУТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В ТРЕТЬЕМ МИРЕ И НА ЮГЕ СОДРУЖЕСТВА.	120
5.1. Международно-правовая практика предупреждения конфликтов и основные методы их контролирования, урегулирования и разрешения.	122
5.2. Региональные и религиозные организаторы и миротворцы.	132
5.3. Некоторые модели международного миротворчества и урегулирования конфликтов.	138
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	152
ПРИЛОЖЕНИЯ.	160

ВВЕДЕНИЕ

Прекращение "холодной войны" хотя и снизило угрозу всеобщей ядерной катастрофы, но не привело автоматически к разрядке военной и политической напряженности, не уменьшило эскалации насилия в ряде стран и регионов мира, не отдалило вероятности всплеск конфликтов, которые стали приобретать все более непредсказуемый характер. Несмотря на то, что взаимозависимость все больше определяет отношения между народами и государствами, этнические, национальные, религиозные проблемы и создаваемые ими различия - межгосударственные и - самые болезненные - внутригосударственные - не исчезают и сохраняют свое значение. Именно на почве противоречий между национально-этническими и религиозными группами происходит большая часть бурных конфликтов, вооруженных столкновений, войн. Они создают угрозу безопасности отдельных граждан, национальных и религиозных меньшинств, а также целостности и стабильности государств и регионов, поскольку "защита соотечественников" или единоверцев часто становится оправданием для вмешательства одних государств в дела других. В контексте международной политики роль этнического фактора и религии приобретает опасное звучание из-за все более агрессивных проявлений этносепаратизма, из-за неспособности мирового сообщества противостоять этно-терроризму и терроризму во имя веры, пришедшим в 90-е годы на смену "идеологическому" терроризму.

Большая часть современных конфликтов приходится на африканский и азиатский регионы Третьего мира. С конца 80-х годов сохраняется высокий уровень конфликтности в исторически нестабильных южных республиках бывшего СССР, где уже произошли кровопролитные войны и вооруженные столкновения. Дестабилизация в сопредельных государствах Третьего мира оказывает негативное воздействие на внутривнутриполитический климат, политические процессы и конфликтные коллизии в постсоветском мусульманском пространстве в плане стимулирования здесь взрывов религиозных, межэтнических, клановых противоречий. В то же время вооруженные конфликты в кавказском и центральноазиатском регионах Содружества способны нарушить хрупкое этническое и политическое равновесие в соседних государствах Востока, где имеется множество собственных нерешенных этнических, религиозных и политических проблем. В целом же, от всех этих конфликтов, исходят наиболее серьезные угрозы безопасности, целостности и стабильности России.

Понимание причин конфликтов, их эволюции, поведения противоборствующих сторон облегчают возможности предупреждения и контролирования конфликтов. Знание о том, к каким последствиям может привести политическая игра на этнических и религиозных противоречиях, или же игнорирование традиционных факторов, важно как в плане выработки конфликтной политики России, учитывающей многообразие "мира наций", так и для минимизации воздействия сепаратизма, религиозного экстремизма и порождаемых ими конфликтов на общеполитическую ситуацию в странах Содружества. Упор на исследование этно-религиозной специфики конфликтных ситуаций позволяет выявить факторы, определяющие динамику развития многоэтнических и полирелигиозных государств, а изучение истоков, генезиса и динамики межрелигиозных и этнополитических конфликтов помогает отыскать оптимальные средства для их урегулирования и разрешения. В этой связи анализ конфликтных ситуаций в двух огромных и разнообразных подсистемах мира - Третьем мире и на Юге Содружества с уче-

том степени и масштабов воздействия на них религиозного и этнического факторов представляется важным и актуальным.

Предметом исследования данной работы являются вооруженные конфликты, в которых имеет место продолжительное и организованное использование военной силы с целью изменения существующего порядка вещей двумя или более сторонами, по меньшей мере одна из которых представляет правительство.

В качестве **объекта исследования** автором избран ряд развивающихся стран Ближнего и Среднего Востока. Опыт международного миротворчества анализируется на примере войны в Персидском заливе, а также конфликтных ситуаций в Тропической Африке - в Сомали и Руанде. Конфликт на Филиппинах рассматривается как одна из моделей урегулирования и разрешения конфликтов в Третьем мире. Не вдаваясь в дискуссию относительно правомерности сохранения в сегодняшних условиях понятия Третий мир, укажем лишь на то, что в диссертации оно употребляется как рабочий термин, служащий для обозначения стран Азии и Африки, к которым применимы основные характеристики, разработанные наукой о развивающихся странах: технико-экономическая отсталость, зависимость, периферийность в международной системе разделения труда, авторитаризм в политике, социо-культурные традиции, обусловленные специфической ролью религии и кланово-этнических проблем. Другой объект исследования автор определяет как Юг Содружества, включая в это понятие постсоветские общества Кавказа и Центральной Азии. Они примыкают к развивающемуся миру географически, сближаются с ним по ряду экономических и политических параметров и частично сохраняют в своих общественных структурах компонент традиций западного типа.

При выборе конфликтов для исследования автор руководствовался следующими **критериями**: ролью религиозного фактора и включенностью в конфликты этнической мотивации; наличием в конфликтных ситуациях прямых или опосредованных вызовов интересам России в государствах Содружества и тех странах Третьего мира, где она, как и в недавнем прошлом Советский Союз, имеет интересы и традиционные связи; результативностью мер по нейтрализации напряженности в "горячих точках"; опытом урегулирования конфликтов, как негативным, так и позитивным, который можно учесть при выработке конфликтной политики России и использовать для снижения конфликтности на Юге Содружества.

Разработанность проблемы. Огромную ценность для теоретического осмысления современного этапа международных отношений, геополитических перспектив России и государств Содружества в новом миропорядке имеют исследования О.Н.Быкова, Г.С.Гаджиева, Г.И.Морозова, Э.А.Позднякова и других. Важнейший вклад в разработку общественно-политических проблем Третьего мира, в исследование многих аспектов взаимосвязи и взаимовлияния религии, национализма, культуры и политики внесли работы российских востоковедов и африканистов (А.М.Васильева, А.Б.Давидсона, Б.С.Ерасова, А.И.Ионовой, Ю.М.Кобищанова, Г.Г.Косача, З.И.Левина, А.В.Малашенко, Г.И.Мирского, В.В.Наумкина, Л.Р.Полонской, Е.Б.Рашковского, Н.А.Симония, В.Г.Хороса и других).

Конфликты в развивающемся мире начали изучаться в отечественной науке сравнительно недавно. Преимущественное внимание при этом уделялось исследованиям международных конфликтов либо региональных конфликтов в рамках международных отношений. Ценные концептуальные разработки, касающиеся изучения конфликт-

ного потенциала развивающегося мира, отдельных его регионов, места региональных конфликтов в системе международных отношений, проблем их урегулирования в рамках международной дипломатии и через структуры ООН, военно-силового и дипломатического обеспечения политики великих держав в региональных конфликтах содержатся в работах В.И.Гантмана, И.Д.Звягельской, А.И.Кислова, В.А.Кременюка, А.А.Пирадова, Е.М.Примакова, А.М.Хазанова, и других. Обращает на себя внимание численное преобладание в отечественных конфликтологии и востоковедении работ, посвященных ближневосточному конфликту и политике США в этом регионе, что определялось тогдашними внешнеполитическими приоритетами СССР, в которых Ближний Восток и арабский мир занимали едва ли не главенствующие позиции.

Важное значение для понимания роли исламских традиций в международной политике стран Востока, в развернувшемся там движении мусульманской солидарности, в конфликтных ситуациях имел разработанный в работах отечественных исламоведов вопрос об отношении религии к политике в самом учении ислама и его истории. Ряд исследователей (Г.М.Керимов, А.В.Кудрявцев, Г.В.Милославский) при анализе ирано-иракского и ближневосточного конфликтов обращали внимание на роль в них исламского фактора, соотносили их с постановкой проблемы войны и мира в исламе. Другие (например, Л.В.Валькова, Ю.В.Ганковский, Е.А.Дорошенко) при изучении центрально-силовой активности ряда крупных государств Востока отдали дань религиозным вопросам. Комплексное исследование воздействия религии на конфликты в развивающихся странах Азии и Африки было предпринято и автором данной диссертации.

В 90-е годы ряд ученых-востоковедов (Р.Г.Ланда, А.В.Малашенко, Л.Р.Сюкияйнен и другие) обращается к изучению роли ислама в жизни Советского Союза, России и постсоветских обществ Содружества - проблеме, ранее всерьез не исследовавшейся в отечественной науке, но получившей определенное развитие в зарубежной литературе (например, в работах А.Авторханова, А.Беннигсена, Ш.Лемерсье-Келькеже и других). Специфическая роль кланов в центральноазиатских обществах анализируется в трудах С.П.Полякова.

Особое место в отечественной науке занимают специальные исследования, в которых наряду с теоретическими проблемами национализма всесторонне и глубоко разрабатываются вопросы этнической конфликтологии (работы В.А.Авксентьева, В.А.Тишкова и других), этнической социологии конфликта (А.Г.Здравомыслов, А.Ю.Шумихин), психологии этнического предрассудка (И.С.Кон), этнической истории (Л.Н.Гумилев).

Все эти исследования отечественных ученых сыграли роль важной фактологической и методологической базы при написании данной работы.

На Западе конфликтология, давно выделившись в самостоятельное научное направление, представлена солидными научными трудами таких ученых, как И.Валлерстейн, Д.Галтунг, Д.Горовиц, С.Липсет, Г.Моргентау, Р.Суни, С.Хантингтон и многих других. Большая часть вышедших на Западе исследований осуществлена в рамках общей теории конфликтов. С конца 50-х годов в научных кругах ведутся дебаты по поводу понятий "насилие", "мир". Попытки систематизировать причины и предпосылки возникновения заговоров, войн, конфликтов, насилия приводят к созданию ряда теорий и концепций, в одной из которых - теории насилия (Д.Галтунг, Д.Понтара и другие) - "мир" определяется как "отсутствие насилия", или отсутствие "конфликтующего поведения". "Насилие" же характеризуется как прямое, физическое насилие, исходя из чего

ненасильственные методы рассматриваются как основополагающий принцип достижения мира. Слабой стороной подобных теорий было то, что априори конфликтующие стороны рассматривались как равные силы, в то время как и во вьетнамской, и в последующей войнах в Третьем мире сверхдержавы воевали против более слабого государства.

Исследования многих ученых строились также на основе теории "баланса сил", которая стала популярна в годы "холодной войны" и в начале 80-х годов, когда противостояние СССР-США приобрело особенно острый характер и большинство конфликтов в Третьем мире анализировалось с точки зрения этой концепции. Большинство теоретиков признавало тогда конфликт средством достижения баланса, а также стратегией, используемой для ликвидации угрозы превосходства. Вслед за С.Хантингтоном, который своей теорией "политического развития" заложил основы концепции "взаимозависимости", с конца 60-х годов многие ученые подвергают критике теорию "баланса сил", пригодную, по их мнению, для объяснения характера международных конфликтов до второй мировой войны, но не способную интерпретировать войну и мир в новую эпоху, когда происходит научно-технологическая революция, а информационно-компьютерный прогресс объединяет мир.

Помимо общетеоретических конфликтологических исследований фундаментальные работы М.-Р.Джалили, И.Зартмана, Е.Карра, К.Энлоу, С.Шубина и других специально анализируют конфликты в Третьем мире. Подъем политического ислама и связанные с этим процессы исследуются в трудах А.Беннигсена, О.Карре, Н.Кедди, Ж.Кепеля, М.Крамера, Ш.Лемерсье-Келькеже, Е.Мортимера, М.Родинсона, Ш.Хантер, Дж.Эспозито и других. В работах по проблемам межнациональных конфликтов в СССР и Содружестве Ш.Акинер, Р.Даннрейтера, С.Зенковского, Э.Каррер д'Анкосс, М.Олкот, Я.Роя, О.Руа, Г.Фуллера и других содержится ценный фактический и теоретический материал, касающийся роли ислама, роста этнического национализма в постсоветских обществах Юга.

В отечественной научной литературе появилось уже несколько научных публикаций, в которых проецируется международный опыт развития и урегулирования конфликтов на ситуацию в России и отдельные страны Содружества (Я.Я.Этингер. Межнациональные конфликты в СНГ и международный опыт //Свободная мысль. М., 1993, N3; Л.Я.Дадиани, Ю.А.Шумихин. "Ливанизация" как модель этно-социальной конфликтности и положение в зоне Кавказа: сопоставительный анализ. М., 1994; Д.Б.Малышева. Конфликты на юге СНГ и на Ближнем и Среднем Востоке (сравнительный анализ) //Мировая экономика и международные отношения. 1995, N10; И.Бусыгина. Северная Ирландия и Чечня: некоторые параллели //Мировая экономика и международные отношения. М., 1996, N11). В статье А.Бельского и Е.Рашковского (Индия и Россия: фундаменталистский вызов //Мировая экономика и международные отношения. 1997, N4, с.88-99.) с точки зрения разработки религиозной политики России анализируется индийский опыт по созданию устойчивой модели светского государства.

Вопрос о воздействии традиционных факторов и особенно религии на внутренние и межгосударственные конфликты в развивающихся странах, а также в бывшем Советском Союзе остается практически малоизученным. Тем более, ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе не было осуществлено исследования конфликтов в развивающемся мире и на Юге Содружества в одной связке, под углом зре-

ния их соотношения с этно-конфессиональными проблемами. Данная работа является попыткой восполнить этот пробел. Обладая научной новизной, она позволит расширить знания о Третьем мире, России и Содружестве независимых государств, осмыслить и проанализировать многие болезненные для развивающихся и постсоветских обществ проблемы.

Полученные в ходе изучения такого рода конфликтов материалы и данные могут послужить базой для определения политики России в отношении предупреждения и урегулирования конфликтов в Третьем мире и на Юге Содружества с учетом религиозного и этнического факторов. Практическое значение данной работы состоит и в том, что в ней подробно анализируется вопрос о соотношении и оптимальности политических либо военных методов и средств для предотвращения, урегулирования или разрешения многих конфликтных ситуаций. Высказанные в ходе работы идеи и предложения могут не только облегчить достижение компромисса между конфликтующими сторонами, но и определить необходимые критерии для более стабильного развития, России и новых независимых государств Содружества, наметить пути решения таких важных проблем, как права человека, права национальных и религиозных меньшинств.

ГЛАВА 1. РЕЛИГИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КАК ФАКТОРЫ КОНФЛИКТУЮЩИХ ОБЩЕСТВ.

За истекшее десятилетие страны Азии и Африки редко находились в состоянии мира. Подавляющее большинство происходивших здесь конфликтов так или иначе было связано с этническими или религиозными проблемами. По сравнению с серединой 80-х годов в 90-е годы число конфликтов и их локация в Третьем мире сократились, не велось "классических" войн между государствами и главной проблемой в большинстве конфликтных ситуаций становился спор о территории и власти не между государствами, а между конфликтующими сторонами внутри государств, хотя региональные и международные компоненты в большинстве случаев присутствовали.

Хотя общее число конфликтов в СНГ уменьшилось за последние годы по сравнению с периодом конца 1980-х - 1993 гг., масштабы военных действий, интенсивные бои с применением военной техники и авиации привели здесь к многочисленным военным и гражданским жертвам, потоку беженцев, мигрантов, разрухе. Неконтролируемое распространение оружия и контрабандный транзит наркотиков из Юго-Восточной и Юго-Западной Азии через "горячие точки" создали дополнительную угрозу безопасности и стабильности новых независимых государств и их соседей за пределами СНГ - в Европе и Азии. Предсказать заранее, в каких случаях религиозные либо этнические противоречия могут привести к конфликту, весьма сложно, а порой и просто невозможно, ибо в этих противоречиях нет ничего предписанного заранее, они - результат факторов, содержание которых часто бывает глубоко скрыто. Рассмотрим вопрос о правомерности выбора в качестве объекта исследования связки - стран Третьего мира и государств Юга Содружества - и дадим оценку тем - общим и специфическим - религиозным и этническим предпосылкам, мотивам и факторам, которые лежат в основе конфликтного потенциала обеих групп государств.

1.1. Религиозные и этнические противоречия и предпосылки конфликтов в Третьем мире и на Юге Содружества: общее и особенное

Выход на политическую арену восьми новых развивающихся государств постсоветского Юга (Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана) коренным образом изменил геополитическую ситуацию в Азии и в мире в целом. Но и Третий мир - "этот огромный многообразный территориальный комплекс, охватывающий государства и страны, которые сильно отличаются друг от друга по многим существенным признакам и расположены в различных географических поясах" /1/ - претерпел серьезную эволюцию. Его место в мировой системе 90-х годов не соотносится с тем положением, которое он занимал, скажем, в 70-80-е годы.

По ряду экономических критериев - членству в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), установленному Всемирным банком среднегодовому доходу на душу населения - государства Юга Содружества отнесены в мировой практике к категории развивающихся стран. Многие западные специалисты склонны рассматривать страны постсоветского Юга как разновидность Третьего мира, как одну группу "южных государств" /2/, противостоящих развитому миру ("Запад" и "остальные" /3/). В некоторых российских исследованиях /4/ понятием "Юг" обозначают и развивающиеся страны, и бывшие союзные республики Средней Азии и Кавказа - ныне независимые государства.

И действительно, Третий мир и Юг Содружества дают немало примеров совпадения политических и экономических интересов. Существует некоторое сходство исторических, религиозных, культурных традиций. Проблема "разделенных наций" (казахов, уйгуров, узбеков, таджиков, азербайджанцев, армян, абхазов и многих других), оказавшихся в силу исторических обстоятельств в разных государствах, приобретают в настоящее время одинаковый смысл и значение для целой группы постсоветских и развивающихся азиатских государств. В целом сближается природа политических систем большинства этих государств с их ориентацией по преимуществу на авторитарные методы управления, опорой не на существующие там зачастую только номинально современные политические институты (парламенты, партии, профсоюзы), а на традиционные (племенные, клановые, родовые, конфессиональные) структуры общества. На Юге Содружества и в Третьем мире часто одинаково трактуют некоторые международные вопросы. И все же значительные и серьезные различия, существующие между кавказскими и центральноазиатскими республиками бывшего Советского Союза, с одной стороны, и Третьим миром, с другой, дают основание рассматривать их как две отдельные мирообщности, каждая из которых обладает своей спецификой.

Во-первых, в отличие от новых независимых государств Юга Содружества, страны Третьего мира - независимо от своей политической ориентации - развивались в рамках капиталистической системы, в то время как постсоветские территории Кавказа и Центральной Азии исторически являлись частью единого государства - сначала Российской империи, а затем Советского Союза. Более 70 лет их народы жили при социализме, что несомненно наложило отпечаток на их экономику, политику, культуру, общественную жизнь. Если даже всерьез не принимать тезиса о том, что за этот период возникла новая историческая общность - "советский народ" - термин, зафиксированный в официальных документах брежневской поры, - то трудно было бы отрицать тот факт,

что советизация и русификация надолго определили общественное развитие всех без исключения народов Советского Союза. Негативными сторонами этого явления стало подавление, а в ряде случаев и разрушение национальных культур, языков, традиций, религий. Но это был и способ приобщения народов более отсталого, "периферийного" Юга бывшего СССР к высокой "русскоязычной" культуре, а через нее и выход к современной технологической цивилизации.

Во-вторых, различны были обстоятельства, предшествовавшие обретению независимости народами Третьего мира и Юга Содружества. Многие народы Азии и Африки вели длительную национально-освободительную борьбу против колониальных империй. В ходе ее выдвинулись влиятельные политические организации, популярные идеологи и политики, харизматические лидеры, оформились религиозные и националистические течения, которые оказали огромное влияние на умонастроения и политическое поведение народных масс. В некоторых южных республиках бывшего Советского Союза - особенно в закавказских - лозунги и идеи национального освобождения захватили на какое-то время массы, привели к некоему "пассионарному порыву", но национальные движения быстро выдохлись, расплыли свою энергию в межфракционных столкновениях и вылились в большинстве случаев в вооруженные конфликты на межэтнической основе или междоусобную борьбу за власть. В Центральной Азии, помимо имевших место в годы перестройки конфликтов-бунтов и конфликтов-погромов, подоплека которых так до сих пор и не прояснена, не наблюдалось процессов, аналогичных национально-освободительным движениям в Третьем мире, не существовало организационно оформленной влиятельной и массовой политической силы, сформулировавшей бы на государственном либо региональном уровне идеи национального освобождения и привлекавшей бы в их поддержку широкие массы.

В-третьих, на Юге Содружества, в отличие от многих развивающихся стран, которые уже в колониальный период обладали атрибутами государственности, процесс национально-государственного строительства только начался, и он осложнен иерархическим делением народов на "коренные нации", ставшие обладателями собственной государственности, "титутельные нации", которые зачастую произвольно и по прихоти властей становились носителями названий республик или административных областей, и на остальные - "некоренные", или национальные меньшинства, лишенные "своей" территории /5/.

И в четвертых, имеются существенные различия во влиянии религии, традиций на жизнь общества, на внешнюю политику в Третьем мире и на Юге Содружества. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В развивающихся странах Азии и Африки религии принадлежит особая роль: это и влиятельный регулятор общественной деятельности, и одна из наиболее устойчивых форм массового сознания. Религиозность составляет важнейший элемент социальной психологии масс, религиозные регламентации пронизывают быт, семейные отношения, нормы нравственности, воздействуют на культуру. Разнообразны и далеко не пассивны проявления религии в сфере политики и этно-национальных отношений. Религия на Востоке, являясь важнейшим компонентом цивилизации, предопределила единство в подходе к мирозданию, нравственным ценностям, представителям других вероисповеданий. Ислам, например, по образной характеристике сенегальского политического деятеля, бывшего главы ЮНЕСКО А.-М. М[^]Боу, "это одновременно и религия, и мораль, и философия, а также кодекс организации общества и свод правил пове-

дения людей. Это стремление к единому пониманию всего разнообразия культурных и социальных аспектов безграничного множества социальных проблем" /6/.

В период становления государственности в 50-60-е годы XX в. правящие круги большинства арабских и африканских государств апеллировали к религии как к некоей "надклассовой" силе, призванной цементировать только формирующееся национальное и государственное единство. Ее использовали также для обоснования сепаратистских устремлений, консервации отсталых обычаев и традиций. Религиозные лозунги и идеи оказали воздействие и на развитие межгосударственных отношений.

Индустриальный Запад с его современной технологией и планами модернизации "архаичного" и "отсталого" Востока приложил немало усилий к тому, чтобы универсализировать и унифицировать пестроту и многообразие восточных обществ с их "закостенелыми" под гнетом веков религиозно-культурными структурами и традициями. Модернизаторы - и пришлые, и местные - рассматривали их как анахронизм, тормоз, препятствие на пути исторического прогресса, указывали на необходимость соотнесения современного научного знания со специфическими местными, национально-страновыми условиями. Усилия, направленные на разрушение религиозного и этнического многообразия в странах Востока, поддержали "слева" представители местной радикально настроенной интеллигенции, усмотревшей в подобном плюрализме препятствие для осуществления социальной революции, достижения равенства всех классов общества. "Религия разделяет людей одного государства на различные духовные сообщества, каждое из которых поддерживается и приспособливается колониализмом и его институтами", - подчеркивал Франц Фанон /7/.

В постколониальный период привнесенную с Запада идею унификации мира поддержали в освободившихся странах Азии и Африки местные режимы, которые задались целью сплавить в единое целое, в однородное централизованное государство разнородные религиозно-культурные общности - сколки предшествующих цивилизаций Востока. Подобный "сплав" свидетельствовал бы, по их мнению, о приобщении к современной технологической цивилизации. На протяжении нескольких десятилетий постколониального периода реформаторские идеи, концепции национализма, социализма, конституционно-правовые доктрины пускались в ход для того, чтобы примирить веру, традиционные институты с требованиями модернизации, с западными институтами государственной системы, поскольку предполагалось, что только модернизация, автоматически влекущая за собой секуляризацию общественной жизни, всей государственно-правовой системы, - ключ к развитию, к скачку "из отсталости в XX век" /8/. Есть и другая, более прагматическая сторона этой тяги к "единому". Идея унификации разнообразных структур, в том числе этнических и религиозных, в рамках централизованного государства отвечает целям авторитаризма - а именно к этой политической модели тяготеет большая часть азиатских и африканских правящих режимов /9/.

Идея модернизации как панацеи решения социальных и прочих проблем оправдала себя не во всех традиционных обществах Востока, не предотвратила возникновения конфликтов. Существующая в них система религиозных ценностей, базирующихся на исламе, не в состоянии перестроить традиционные стереотипы мышления и мотивации, даже в тех случаях, когда эту роль берет на себя политическая идеология, включающая важные элементы религиозного сознания.

Своего рода негативной реакцией на модернизацию и вестернизацию явился религиозный фундаментализм. Хотя этот термин заимствован из христианства, где он

используется для обозначения возникшего в 20-е годы XX века ортодоксального течения в современном протестантизме, его можно трактовать и в более широком плане как теологическую оппозицию либерализму /10/. Религиозный фундаментализм направлен на укрепление веры в фундаментальные, "божественные" источники. В то время как сторонники одного из его течений - традиционалисты отторгают на мировоззренческом и политическом уровнях западные модели развития, стремятся возродить прошлое, заняты поисками самобытного пути, другое течение фундаментализма представляет экстремистскую, категоричную форму сопротивления европейско-североамериканским духовным ценностям и взглядам на "добро" и "зло", которые неприемлемы для развивающихся обществ, следующих, как считают сторонники этого течения общественной мысли, по уникальному, своеобразному историческому пути. Подобная точка зрения невольно оправдывает явления интеллектуальной отсталости, импульсирует всплески воинствующего национализма, подъём средневековых эмоций, особенно в тех случаях, когда религия функционирует как идеология.

Это явление обусловлено и известным разочарованием населения результатами социального и экономического развития первых десятилетий независимости, когда для основной массы трудящихся "революция возросших ожиданий" 50-60-х годов обернулась просто беспросветным ожиданием, кризисом идеалов и националистических доктрин, крахом надежд на быстрый экономический рост. Это было и своеобразное следствие кризиса "догоняющего развития", проявившегося в насаждении всякого рода модернизаторских доктрин, "предписывавших" интенсивное проведение буржуазных реформ, насаждение рыночных отношений, болезненно сказавшихся в первую очередь на "простом человеке". Неприятие и разочарование различными вариантами развития, в том числе и теми, что вдохновлялись моделями социалистической ориентации или "общества потребления", утрата веры в преимущества промышленной цивилизации - все это способствовало успеху религиозного фундаментализма как политической доктрины. Подъёму "политического ислама" - одной из разновидностей религиозного фундаментализма - способствовали и периоды так называемых "кризисных ситуаций" (например, длительная военная конфронтация с Израилем, выдвинувшая исламские традиции в противовес сионизму и вестернизации, последствия арабо-израильской войны 1967 г., нефтяной кризис 70-х гг., войны в Персидском заливе), когда экономические трудности, политическая нестабильность, идеологическая путаница работали в пользу лозунгов "обновленного", "очищенного от западной скверны" исламского общества или сакрализованных национальных традиций.

Активизации религии во многих регионах афро-азиатского мира способствовала и сложившаяся в большинстве государств общественно-политическая атмосфера: отставание в утверждении структур гражданского общества, демократических прав и свобод, а также установление в ряде стран диктаторского или авторитарного правления. В условиях отсутствия, подавления или запрета политической оппозиции, партий, профсоюзов, массовых политических организаций, попрания гражданских свобод церковь, мечеть, религиозно-политические и националистические объединения и движения становятся единственно доступной формой противостояния властям, государству. Далекую не последнюю роль в сохранении устойчивости религиозного фактора в общественно-политической жизни в большинстве развивающихся стран Азии и Африки сыграла изменившаяся в них после независимости ориентация народного образования: изучению национального языка, традиций, а с ними и религий как части национальной

культуры стало отводиться значительно больше места по сравнению с предшествующим десятилетием или в колониальный период.

К числу обстоятельств, благоприятствующих превращению религии в политическое оружие, относится и то, что религиозный истеблишмент в политических структурах стран Азии и Африки - одна из немногих сравнительно независимых и сильных "групп давления". Она устанавливает нормы поведения, которым должны следовать общество и государственные руководители, ответственные за принятие решений. В отличие от европейско-христианского мира, где религиозные организации, духовные лица проявляют себя преимущественно в традиционной области своей деятельности (просвещении, здравоохранении, наблюдении за моралью, нравственным климатом общества), в странах Азии и Африки влияние религиозных институтов ощутимо в сфере экономики, политики, государственного управления.

Большая часть конфликтов в развивающемся мире приходится на страны традиционного распространения ислама, что связано с особенностями этой религии, ее специфической ролью в жизни общества. "Универсализм" ислама, которому не подвластны идеологические, национальные, расовые, территориальные границы, в теории создает основу для сплочения людей на базе религиозной общности. Религия определяет в основном и своеобразное культурное единство мусульманского мира. Этот всеохватывающий характер ислама, его "тотальность", прозелитизм (от греческого "прозелитос" - "пришелец"), означающий стремление обратить в свою веру лиц других исповеданий, наступательный характер в сочетании с сакрально обусловленной идеей мученичества, жертвенности (особенно в шиизме) направляют многие общественные процессы в мусульманских государствах, стимулируют выработку внешнеполитических концепций, базирующихся на положениях мусульманского богословия и правоведения. Повышенная напряженность на окраинах мусульманского сообщества, там, где "территории ислама" соприкасаются с другими, немусульманскими цивилизациями, вызвана продолжающимся культивированием идеи мусульманской гегемонии в страновых, региональных или глобальных масштабах.

Ускорителем исламского "взрыва" 70-80-х годов /11/ стало ущемленное национальное самолюбие как следствие бедственного состояния общества, контраста с развитыми "богатými нациями". Именно поэтому в мусульманских движениях, отдающих дань "национализму Третьего мира", базирующемся на концепциях "богатого Севера" и "бедного Юга", ощущается стремление создать новую модель общества, противостоящего "глобальной системе империализма", которую поддерживают "богатые в богатых странах совместно с богатыми в бедных странах". Религиозный традиционализм /12/, вовсе не присущий только "мусульманскому миру", послужил своеобразным естественным защитным механизмом, вызванным к жизни борьбой за ликвидацию зависимости экономики, политики, культуры развивающихся стран от Запада. Возвращение к истокам, традициям, в том числе и религиозным, - это и способ утверждения культурной самобытности, противопоставления "превосходящих духовных ценностей" Востока, занятого "поисками бога", Западу, погрязшему в материализме.

Подъем в мусульманском мире социальных движений, ставящих своей целью исламизировать все стороны общественно-политической жизни, возродить исламские институты - власти, семьи, права и других - в их традиционном или модернизированном виде, создать условия для развития исламской экономики как важнейшего средства решения вопросов социальной справедливости, удовлетворения материальных потреб-

ностей мусульман можно расценить и как возрождение традиции, и как усиление интереса к религиозным ценностям со стороны тех социальных групп, чья жизнь оказалась дезориентирована, нарушена в результате модернизации, быстрых социальных и общественных перемен. Ислам проявляет себя в этих условиях как активный регулятор общественной деятельности /13/.

В истории бывшего Советского Союза религия сыграла гораздо большую роль, чем это признавалось. Это касается в первую очередь исламской традиции, оказавшей влияние на этнокультурные, этносоциальные процессы, экономическое и политическое развитие народов Поволжья, Средней Азии и Кавказа /14/. Но за исключением короткого периода возрождения (джадидизма), которое пережило мусульманское движение в России в конце XIX - начале XX века /15/, и предпринятых в 20-е годы попыток "национальных" коммунистов" - Султана Галиева, Наримана Нариманова и других - адаптировать марксизм к условиям жизни мусульман южных окраин России /16/, отечественный ислам, в отличие от зарубежного, подвергся очень слабому воздействию идей реформации и модернизации. Национализм, преимущественно в пантюркистском облике, так и не стал массовой идеологией, а развернувшееся в 20-е годы в Средней Азии басмаческое движение было в целом ориентировано на отстаивание архаичных форм духовной жизни и быта. Значительный ущерб культуре народов, исповедовавших ислам, нанесла советская власть, осуществлявшая в масштабах всей страны мероприятия по "искоренению" религии. Антимусульманская кампания достигла своего апогея в сталинский период, когда было закрыто и уничтожено множество мечетей, медресе, мусульманских библиотек, культурных центров и изданий, осуществлен жестокий систематический террор против мусульманских священнослужителей и рядовых верующих, национальной интеллигенции, национальных коммунистических кадров /17/.

Одна из главных предпосылок этнических конфликтов на Юге Содружестве была заложена и в особенностях формирования Советского государства как прежде всего унитарного и централизованного. Советская правящая элита усматривала в этническом и религиозном разнообразии угрозу тоталитарному характеру государства и потому постоянно вела борьбу за унификацию последнего. Идеологическим оформлением советской национальной политики был тезис о том, что устранение эксплуатации, классовых антагонизмов, социального неравенства, неравномерного экономического развития станет залогом нового устройства общества и автоматически приведет к исчезновению межнациональных конфликтов и трений. Параллельно с этим шел процесс насаждения идеологии и практики "этнического национализма", превращения этноса в субъект политики /18/.

В послесталинский период во имя декларированного атеизма в Советском Союзе по-прежнему велась борьба с "исламскими предрассудками", правда, уже не такими репрессивными методами, как раньше. Одновременно с этим на международном уровне советские идеологи часто пускали в ход "исламское оружие" в ходе пропагандистских мероприятий и политических кампаний, особенно в период 70-80-х годов, ознаменовавшихся расцветом советско-арабской дружбы /19/. Исламская революция в Иране и война в Афганистане в известной мере стимулировали подъем исламского политического движения в республиках Советской Азии. Оно получило новый импульс в годы перестройки. Отчасти это было сделано в целях противодействия более опасным, с точки зрения властей, течениям фундаменталистского и "параллельного" ислама, который включал в себя неофициальные мусульманские структуры, развивавшиеся под

польно в виде доморощенных мечетей, медресе, тарикатов (от арб. дорога, путь), суфийских братств /20/. Последние, несмотря на полусекретный характер существования в годы советской власти, продолжают сохранять свое значение массовых организаций.

Распад СССР положил начало процессу втягивания "мусульманских" республик в орбиту экономического, политического и религиозного влияния мусульманского мира. Не обошло стороной и мусульманские регионы Юга Содружества своеобразное религиозное возрождение, охватившее со второй половины 80-х годов все народы бывшего Советского Союза. Усилению ислама в общественно-политической жизни способствовали следующие факторы: а) замена коммунистической идеологии религиозными и националистическими ориентирами; б) возрастание роли ислама как психологической опоры в быстро меняющемся мире на бытовом уровне и как механизма для выражения националистических устремлений, легитимизации власти, идейной основы для формирования оппозиции - на политическом; в) нарастающее влияние исламских стран Ближнего и Среднего Востока и распространенных там направлений ортодоксального ислама, в частности, ваххабизма.

Если сравнить отдельные аспекты исламского возрождения на Ближнем и Среднем Востоке с пробуждением ислама в мусульманских регионах Содружества можно усмотреть в этих процессах определенное сходство /21/. Оно проявилось в стремлении народов обрести идентичность, защитить и развить собственные культурно-религиозные ценности. Но процесс приобщения Юга Содружества к мусульманской цивилизации Востока не протекает бесконфликтно: на Северном Кавказе и в Центральной Азии уже вспыхивают столкновения между носителями "импортированного ислама" - ваххабитами из Саудовской Аравии и приверженцами переплетенного с местными традициям, упрощенного, "советского ислама", претерпевшего за истекшие десятилетия существенную трансформацию и имеющего мало общего с "высокими" исламскими традициями /22/.

Едва ли на Юге Содружества ислам способен в перспективе стать базой для устойчивых национальных и политических союзов: в историческом, географическом, культурно-политическом и религиозном планах исповедующие ислам народы среднеазиатских республик имеют мало общего с азербайджанцами, да и не стоит сбрасывать со счета существующих между народами региона этнических, языковых, клановых противоречий и различий, не говоря об экономическом (нефть и пути ее доставки) и политическом противостоянии. Это же относится и к идее единства исповедующих ислам тюркских народов, получившей широкое хождение в кругах местной националистически настроенной интеллигенции, студенчества. В отличие от Азербайджана, тяготеющего к Турции, народам бывшей Советской Средней Азии в целом не присуще чувство тюркской общности. Настороженно воспринимают пантюркизм нетюркоязычные народы Кавказа, персоязычные таджики, не говоря о враждебном отношении к этому политико-идеологическому и религиозному течению со стороны армян.

Анализ особенностей воздействия традиционных факторов на политическую ситуацию в постсоветских республиках Юга Содружества и мусульманского Третьего мира свидетельствует о том, что между ними существуют серьезные различия, которые не позволяют рассматривать их в качестве новой единой подсистемы: это два огромных и отличных друг от друга мира. Природа конфликтных ситуаций на Юге Содружества также имеет свою специфику, и конфликты, происходящие там, отличаются от соответствующих коллизий в афро-азиатском развивающемся мире.

Хотя в каждом конкретном конфликте, вспыхивающем в государствах рассматриваемых регионов, решающую роль играют собственные обстоятельства, существуют общие постоянно действующие противоречия и специфические предпосылки, которые позволяют определить потенциальную основу для возникновения конфликтов. Это те факторы, которые воздействуют на конфликтный потенциал постсоветских и развивающихся государств в сфере отношений между представителями различных этносов и конфессий.

К этой группе относится поликонфессиональный характер государств, который в сочетании со сложной этнолингвистической структурой, сохранением большого числа традиционных институтов при нерешенности социально-экономических проблем создает потенциальные возможности для возникновения кризиса. Определенное значение имеют и традиции складывания государственности, специфика ситуации, при которой оказались заложенными основы государственного устройства той или иной страны.

Некоторые постоянно действующие противоречия порождены политикой бывших колониальных властей - в Третьем мире - и политикой союзного центра в период существования СССР, что проявилось, в частности, в установлении государственных границ без учета интересов проживающих там этносов.

Большинство африканских государств возникло в результате распада колониальной системы, и их нынешние границы были установлены европейскими империалистическими державами в ходе колониальных разделов континента. Вследствие этого одни и те же этнические общности, исповедовавшие зачастую одну и ту же религию, оказывались разобщенными, что создавало дополнительную проблему в виде роста местного национализма и ирредентизма. На Ближнем и Среднем Востоке большая часть государственных границ была установлена после распада Османской империи или в результате соглашений между европейскими державами, которые заключались после мировых войн. Так, немалый конфликтный потенциал заложен в этом регионе вследствие неурегулированности пограничных вопросов между Афганистаном и Пакистаном, Ираном и Ираком, Турцией и Грецией и пр. Бесконечные беды Ливана, втянутого на протяжении нескольких десятилетий в гражданскую междоусобицу, уходят своими корнями во времена османского правления, а также в годы французского колониального господства, которое закрепило здесь тенденцию к разделению общин. Проблема "разделенных наций", омрачающая ирано-азербайджанские, армяно-турецкие отношения усугублена территориальными спорами между ними.

В ряде случаев религиозное соперничество да и сама конфессиональная неоднородность (особенно в Южной Азии и Тропической Африке), обостряющая межэтнические и территориально-государственные конфликты, является наследием колониального прошлого, когда отдельные страны или группы стран превращались в арену острого соперничества миссионеров ислама, католицизма, протестантизма.

В бывшем СССР конфликтный потенциал имеет специфическую природу: он порожден противоречиями национальной политики, проводившейся советской властью - произвольными территориальными изменениями, практикой "наказания народов" с их насильственной депортацией, и многим другим, что породило проблему "разделенных народов", территориальные, этно-национальные и этнические разногласия, а также этно-национальные движения, нацеленные на создание "своей" автономии или "своего" государственного "очага".

Некоторые постоянно действующие противоречия, лежащие в основе того или иного конфликта, порождены "холодной войной", являются следствием конфронтации двух сверхдержав - США и СССР. Яркой иллюстрацией этому могут служить конфликты на Ближнем Востоке, которым СССР и США придавали громадное значение в своей геостратегии времен "холодной войны".

Наконец, к числу постоянно действующих факторов, способных привести к конфликту, относится негативно-стереотипная идентификация национального и религиозного, прочно укорененная в массовом сознании. Подобные стереотипы широко используются для всякого рода идеологических и политических спекуляций деятелями, распространяющими в народе эмоционально и интеллектуально упрощенные, удобные обывателю мифы, слухи, которые порождают недоверие и враждебность к людям иной расы, нации, веры, словом, ведут к ситуации, определяемой Д.Галтунгом как "культурное насилие" /23/.

Помимо постоянно действующих противоречий существует группа внутренних факторов, создающих потенциальные предпосылки для возникновения межэтнических или религиозно окрашенных конфликтов. Практически все конфликты, вне зависимости от их типа, порождены социально-экономическими проблемами, нерешенностью экономических, прежде всего аграрных, проблем. Источник конфликтной ситуации часто может быть заложен в экономическом неравенстве отдельных этносов, конфессий, землячеств, кланов либо в осуществлении на практике "права большинства", дающего преимущество "господствующему этносу". В подобной ситуации национальные (или религиозные) меньшинства оказываются в менее привилегированном положении по сравнению с "господствующим этносом", который обеспечен "благосклонностью" и "покровительством" со стороны государственной власти. К этому же ряду относятся и противоречия, порожденные несправедливым - истинным или мнимым - распределением государственного бюджета, отношением властей к экономическим, социальным, экологическим проблемам тех или иных территорий, на которых компактно проживают отдельные этнические общности. Конфликт может быть гальванизирован отсутствием реформ или неудачей в их проведении, что, как правило, сопровождается коррупцией в верхних эшелонах власти и обнищанием "низов".

Сильнейшим детонатором конфликта становится в ряде случаев миграция, вызванная демографическим взрывом в отдельных странах и регионах, перемещением масс населения в поисках работы и лучших условий жизни (конфликты, вызванные причинами этого рода, произошли в районе Великих озер в Африке, в Центральной Азии, в Южной Азии).

К числу внутренних предпосылок возникновения конфликтов относится и положение религиозных групп в политической системе и органах государственной власти, а также культивируемое властями политическое неравенство в отношении представителей отдельных конфессий, их дискриминация в системе государственного управления или преобладание в ней, равно как в армии, полиции, службе безопасности, представителей какого-либо одного этноса или религиозной группы в ущерб другим. Например, в Уганде, Руанде, Бурунди, Сомали, в некоторых других африканских государствах конфликты вызваны преобладанием в госаппарате, армии представителей одной народности или клана. Подобная же ситуация легла в основу межтаджикского конфликта и частично внутриафганского.

Одним из факторов возникновения конфликтных ситуаций в многонациональном государстве может стать попытка правящей элиты укрепить свою легитимность с помощью таких мер, как ассимиляция национального меньшинства, провозглашение государственным языком "коренного" этноса в ущерб другим, словом, действия, осуществляемые от имени еще не сформировавшейся "нации" и воспринимаемые этническими меньшинствами как угроза размытия в рамках более многочисленного и господствующего этноса, как вызов их "национальной судьбе". Игра политиков и всякого рода "духовных пастырей" на национальных идеях, чувствах, предрассудках в большинстве случаев способна породить в обществе непримиримость и агрессивность, придать национализму экстремистские формы.

В конфессионально неоднородных государствах конфликт провоцируется попыткой правительства провозгласить какую-либо религию в качестве официальной, что воспринимается представителями других религий, толков и сект как ущемление их политических и гражданских прав. Но конфликт может быть вызван и поспешной секуляризацией, особенно в том случае, если она происходит в полирелигиозном обществе.

Наряду с агрессивным национализмом в постоянный источник нестабильности, провоцирующий конфликты, превращается религиозный экстремизм. Эта ситуация, характерная для развивающихся стран Третьего мира, пока не слишком сильно проявила себя в южных республиках СНГ, хотя и здесь подобная тенденция начинает просматриваться (в Таджикистане, Чечне).

Дестабилизировать политическую ситуацию в отдельных странах и за их пределами, создать обстановку неуверенности, небезопасности, подготовить почву для вспышки внутреннего конфликта или вооруженной конфронтации между государствами способны и внешние факторы, например, экономическая, военная, политическая поддержка антиправительственной оппозиции каким-либо соседним государством либо группой стран. Этот фактор играет особую роль в тех случаях, когда на территории двух или более государств проживают "разделенные народы" или же приверженцы одной религии. Например, поддержанное Пакистаном сепаратистское движение в индийском штате Джамму и Кашмир, участники которого требуют воссоединения со своими единоверцами в Пакистане, спровоцировало в Индии затяжной внутренний конфликт, создало напряженность в индо-пакистанских отношениях. В 70-80-е годы отношения Эфиопии с рядом арабских государств значительно осложнились из-за того, что последние в знак мусульманской солидарности оказывали поддержку некоторым сепаратистским движениям в Эритрее.

Фактором, способным привести к эскалации конфликта, становится и предоставление соседними государствами территории для опорных баз сепаратистских и других антиправительственных движений. Он действует, например, в израильско-ливанских, ирано-иракских, афгано-пакистанских, сомалийско-эфиопских, судано-эфиопских отношениях. Конфликты в Афганистане и Таджикистане, которые начинались как внутренняя гражданская междоусобица, едва ли приобрели бы свое нынешнее региональное измерение, если бы в них не втянулись внешние силы. Аналогичная ситуация складывается в армяно-азербайджанском конфликте, где Армения взяла сторону карабахского национального движения, а Турция помогает Азербайджану.

Негативно отражается на безопасности стран и регионов вмешательство одних государств в дела других под предлогом борьбы с нарушениями (истинными или надуманными) прав единоверцев или соплеменников, защиты их интересов. Характерный

пример - политика Исламской Республики Иран, которая, выступая в защиту прав "угнетенного шиитского меньшинства" в Ираке, Бахрейне, Кувейте, Ливане и других странах Среднего Востока, поддержала их требования культурной или политической автономии. Такой курс ИРИ привел к обострению в этих странах религиозных противоречий между суннитами и шиитами, стал одной из причин ирано-иракской войны, осложнил развитие нормальных межгосударственных отношений в регионе Персидского залива и на Ближнем Востоке.

Итак, специфика современных стран Азии и Африки, а также южных государств СНГ облегчают возможности вызревания конфликтных ситуаций. В них религиозным и этническим проблемам чаще всего принадлежит ведущее место.

Для того чтобы выявить степень воздействия вооруженных конфликтов в Третьем мире и на Юге Содружества на мировую систему и процессы глобального развития, требуется их типология и особая классификация, которая позволяет понять роль в этих конфликтах религиозного и этнического факторов, а также определить сходство и специфику сходство и специфику конфликтных коллизий в этих двух мирообщностях.

1.2. Типология и классификация конфликтов

Проблема выяснения причин и источников конфликтов неразрывно увязана с формулированием их типологии, в которой по мере возможности учитывается многообразие условий, факторов и предпосылок, являющихся первоосновой любого конфликта. Термины и понятия, используемые в таких типологиях, приобретают разный смысл в зависимости от трактовки, конкретной географической и исторической ситуации, политической конъюнктуры. Например, в советской научной литературе при выявлении источников и предпосылок спора основной упор, как правило, делался на империалистическое вмешательство как один из главных факторов обострения конфликтов в развивающемся мире. При таком подходе внутренние предпосылки и источники конфликтов отодвигались на второй план, а этнические и религиозные факторы становились как бы производными, несамостоятельными, в то время как истоки кризиса искали в первую очередь в "происках империализма".

Религиозное содержание конфликтов не является феноменом только афроазиатского мира, относимого, условно говоря, к "нехристианской цивилизации". Оно проявляется и в конфликтах в развитых странах (например, в Северной Ирландии). Но хотя религиозная вовлеченность, этническая мотивация присутствуют в ряде конфликтов, как показывает опыт, в современном мире почти не наблюдается "чистых" этнических, религиозных, территориальных конфликтов, да и само понятие "конфликт" можно трактовать по-разному - как спор, столкновение, распря, соперничество, борьба /24/. В работе "Государство в вооруженных конфликтах" (States in Armed Conflicts. - Uppsala: 1991), изданной Отделением мира и исследования конфликтов Уппсальского университета, приводится и такая трактовка понятия "вооруженный конфликт", как "продолжительное и организованное использование военной силы двумя или более сторонами, одна из которых по крайней мере представляет правительство"/25/. Данное определение не является вполне исчерпывающим, поскольку оно пригодно для выяснения вопроса о том, в какие именно конфликты вовлечено правительство и какие подходы следует искать для их разрешения. Но оно не подходит для объяснения других разновидностей конфликтов: начавшихся мирно и лишь затем переросших в стадию вооружен-

ной борьбы; столкновений группировок, не имеющих отношения к правительству; демонстраций с применением насилия либо к случаям массовых убийств, резни, погромов на этнической или конфессиональной почве /26/.

Отдавая себе отчет в том, что любая типологическая классификация схематична и условна, обозначим две крупные категории конфликтов (за основу принята методология Уппсальского проекта, разработанного на Факультете проблем мира и конфликтов Уппсальского университета и использовавшаяся в трудах Стокгольмского института проблем мира (СИПРИ) /27/):

1. Межгосударственные конфликты, в которые вовлечены вооруженные силы двух или более государств, признанных международным сообществом.

2. Внутренние, или государствообразующие, конфликты, основным содержанием которых является противоборство правительства с вооруженной и организованной оппозицией, ставящей своей целью захватить власть. К этой категории относятся гражданские войны и так называемые этнические конфликты, возникающие в результате стремления групп людей, идентифицирующих себя как самостоятельный этнос, порой инорелигиозный, к государственному обособлению или сепаратизму. Подобные конфликты развиваются, как правило, в форме гражданских войн, но они вовлекают в свою орбиту соседние страны, заинтересованные стороны, региональные державы.

Национально-этнические, идеологические и политические разногласия в бывшем Советском Союзе получили развитие в основном в форме второго типа конфликтов. Имели здесь место, главным образом в годы перестройки, и конфликты-бунты, конфликты-погромы: например, в Сумгаите 28 февраля 1988 г., в Ферганской долине в мае-июне 1989 г., в Новом Узене в июне 1989 г., в Баку в январе 1990 г., в Оше в июне 1990 г.

В настоящее время межгосударственный конфликт ведется в СНГ между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха. Что касается арабо-израильского конфликта, то он претерпел за истекшие годы кардинальные изменения и из фазы вялотекущего вооруженного противостояния Израиля с соседними арабскими государствами приобрел в иное качество - преимущественно внутренний конфликт между израильским правительством и "непримиримыми" мусульманскими организациями, среди которых лидирует Хамас. Сокращение числа межгосударственных конфликтов объясняется возросшим воздействием в межгосударственных отношениях (но не во внутренней политике государств!) международного законодательства, осуждающего территориальные притязания, агрессию и решительно реагирующего через ООН и другие институты на нарушителей международных норм, признанных мировым сообществом.

Некоторые конфликты, способные вызвать многочисленные жертвы, положить начало затяжной, кровопролитной войне как бы выпадают из этой схемы или вписываются в нее не в полной мере. К их числу можно отнести демонстрации с применением насилия, конфликты-бунты, конфликты-погромы, словом, выступления, которые некоторые специалисты квалифицируют как "конфликты неуправляемых эмоций" /28/.

В соответствии с существующей градацией, вооруженные конфликты различаются по степени интенсивности. Они могут быть крупномасштабными, когда число убитых с начала конфликта превышает 1000 человек и в дальнейшем военные действия влекут за собой многочисленные человеческие жертвы. Конфликты, не достигшие такого "результата" - с относительно незначительным числом погибших, считаются малоинтенсивными.

В международно-правовой практике существуют разночтения в трактовке ряда понятий и терминов. Одно из них, в частности, касается определения "стороны конфликта" /29/. Понятие "заинтересованная сторона" определяется некоторыми исследователями как величина, активно влияющая на ход конфликта и потому они именуют ее "включенной стороной" /30/. Установим три основные категории "сторон конфликта": 1) "ключевые" (противоборствующие, конфликтующие) стороны - непосредственные участники конфликта; 2) "заинтересованные стороны" - соседние страны или региональные державы, участвующие в конфликте опосредованно, но влияющие на его ход и ключевых участников; 3) "третьи стороны" - нейтральные посредники, заинтересованные в прекращении военных действий и в содействии мирному процессу. В этой роли чаще всего выступают ООН, крупные региональные государства или великие державы. Именуя себя "третьей стороной" посредники - чаще всего региональные державы - являются заинтересованными сторонами конфликта и в той или иной степени оказываются вовлеченными в него. В идеале для роли нейтральной "третьей силы" лучше всего подходят религиозные организации и представители духовенства, но на практике они не стали таковыми ни в большинстве конфликтов в Третьем мире, ни странах Содружества.

Многие понятия, дефиниции и термины являются подчас только лишь условным обозначением сложного и противоречивого содержания. Так, в условиях взаимосвязанной, взаимозависимой структуры различных стран и регионов Азии и Африки, а также новых независимых государств СНГ, очень сложно, а порой и просто невозможно найти внутренний конфликт в чистом виде. Разногласия, возникающие внутри государства между представителями различных этносов, народностей, конфессий, неизбежно расширяют географические рамки конфликта, вовлекая в него региональные "центры силы", а также другие государства или группы государств с "родственным" этническим или "единоверным" населением.

Трудно провести грань между "внутренним" и "региональным" конфликтом. В период "холодной войны" термином "региональный конфликт" принято было обозначать конфликты, в которых явственно присутствовало советско-американское глобальное противоборство, проявлявшееся в прямой или опосредованной поддержке сверхдержавами воюющих сторон в арабо-израильском, ангольском, афганском, никарагуанском, камбоджийском конфликтах, конфликте на Африканском Роге. Региональный конфликт подпадает и под понятие межгосударственный конфликт. Этим термином может обозначаться и столкновение региональных держав ("центров силы") в борьбе за сферы влияния, и территориальный спор, и конфликт, спровоцированный ирредентистским движением. Это могут быть конфликты, зародившиеся как внутренние, государствообразующие, но переросшие затем по мере эскалации боевых действий в масштабы региональной войны.

Не поддается однозначной трактовке и понятие "религиозный" конфликт. Во время исламской революции в Иране, которая может рассматриваться и как внутренний конфликт, в ходе других конфликтных ситуаций в Третьем мире (в Судане, Ираке, на Шри Ланке и Филиппинах) оппозиция с оружием в руках выступала за утверждение "своей" религии в качестве основы, регламентирующей экономику, политику, идеологию, духовную жизнь.

Религиозный компонент проявился в ряде конфликтов в Европе, в бывшей Югославии, в постсоветском пространстве. В новейшей истории имела также место не-

насильственная, религиозно обусловленная борьба: в США - за гражданские права, которую возглавил Мартин Лютер Кинг; в Польше, где движение "Солидарность" вкупе с католической церковью противостояло властям; в некоторых странах Латинской Америки и в ЮАР антиправительственные выступления вдохновлялись "теологией революции"; в балтийских республиках национально-освободительная борьба народов была поддержана рядом католических и протестантских священнослужителей. В современных кризисных ситуациях политики продолжают прибегать к религиозной аргументации, символической риторике для достижения своих целей. 8 августа 1990 г. в самом начале кризиса в Персидском заливе президент Дж.Буш в своем "Обращении к нации" призвал церковных деятелей "молиться за тех, кто защищает и обороняет американские интересы" /31/.

Но что же все-таки дает основание обозначить тот или иной конфликт как "религиозный"? Один из основных критериев - на него обращает внимание шведский исследователь Чель-Оке Нордквист /32/ - это принадлежность конфликтующих сторон (или одной из них) к религиозным организациям, движениям, объединениям. Важное значение имеет и задача утверждения приоритета какой-нибудь религии над остальными как основная цель противоборства. И наконец во многих конфликтах происходит религиозная самоидентификация участников, которые начинают воспринимать себя и своих противников в первую очередь как представителей определенных конфессий. Часто подобная самоидентификация совпадает с этнической, и тогда мы говорим об этно-конфессиональных конфликтующих группах.

В качестве "классических" примеров религиозных конфликтов обычно фигурируют североирландский, ливанский, суданский, шриланкийский, сикхский, индо-пакистанский, израильско-палестинский, афганский /33/. В них на первом плане стоит противоборство между приверженцами различных религиозных исповеданий. И все же религия используется противоборствующими сторонами этих конфликтов для вовлечения населения к участию в конфликте, реже - для его урегулирования. Следовательно, "религиозный конфликт" - это весьма условный термин, отражающий только один компонент сложной структуры конфликта.

Столь же непросто обстоит дело с так называемыми "этническими конфликтами", хотя бы потому, что в науке не достигнуто согласия даже относительно критериев (язык, территория, кровно-родственные связи, религия и пр.), из которых должны складываться понятия "этнос", "этническая группа", "нация".

В современной истории понятие "нация" давно стало идентифицироваться с понятием "государство". Мы говорим - Лига наций, Организация Объединенных Наций, национальный, то есть государственный, интерес. Западная концепция "национального государства" включает в себя оба этих критерия - и нацию, и государство /34/. "Нация" ("nation" - civitas, natio, populus) и "государство" (state, status,) определяются в английском языке одним словом - nation, а понятие "национальное государство" (nation-state), то есть государство, где "народ" - "сограждане" (state is the status of the civitas) давно уже прочно вошло и в международную политику, и в научный лексикон. По Е.Гэллнеру, национализм как доктрина проявляется в тех случаях, когда "нация" (народ) и "государство" - совпадающие явления /35/. В соответствии с определением Дж.Данна, "нация состоит из тех, кто объединен рождением (генетически, родственно, через язык и культуру, переходящие от поколения в поколения)" в то время, как государство состоит из тех, "кто полностью подчиняется их собственной суверенной, за-

конной (legal) власти" /36/. В идеале "национальное государство" - это такое сообщество, члены которого объединены общностью культуры, происхождения и территории. Иными словами, это - территория, принадлежащая тому населению, которое ее населяет, и никому больше.

Подсчитано, что из 180 государств мира только часть может быть определена как "национальное государство", менее 20 государств этнически однородно в том смысле, что в них насчитывается менее 5 процентов национальных меньшинств/37/. Большинство же государств в той или иной степени подвержено внутриэтническим разногласиям, принимающим порой форму вооруженной борьбы - с проявлениями сепаратизма (от латинского *separatus* - отделенный), сторонники которого выступают за политическое и территориальное отделение и обособление, либо ирредентизма (термин происходит от названия политической партии "Италия ирредента", или "Неосвобожденная Италия", которая боролась в конце XIX века за присоединение к Италии земель, не вошедших в ее состав при объединении) - политики, направленной на объединение в рамках одного государства народа, проживающего на территории нескольких государств /38/.

Проблема этничности продолжает рассматриваться многими специалистами как некая второстепенность, иррациональность мышления, проявление подсознательного инстинкта или пережитка первобытного сознания, миропонимания первобытного человека, склонного мифологизировать окружающую действительность и многие общественные процессы и явления, камуфлировать реальные экономические и политические противоречия и интересы рассуждениями о "кровном родстве", "корнях", "исторической родине" и тому подобном. Нередко отрицается сам факт существования феномена этничности в обществе, а его проявления связывают лишь с действиями отдельных личностей, политиков, прессы, которые манипулируют общественным сознанием, возрождают в обществе инстинкт этничности, с помощью которого и достигаются политические цели. Вера в способность ассимилировать меньшинства, свести на нет этнические разногласия, "вылечить" национальные и этнические разногласия с помощью демократизации, открытости и гласности, создать "нацию" в европейском понимании этого слова (нацию-государство, состоящее из граждан, а не этносов) при опоре на модернизацию, индустриализацию, урбанизацию, глубоко проникла в современное сознание, как на Западе, так и на Востоке.

Действительно, подъем этнического самосознания сопровождается усиленным мифотворчеством. С его помощью население мобилизуется для поддержки националистических (национально-освободительных) доктрин, утверждения "исторических", якобы неопровержимых прав какого-либо этноса на спорные территории, либо для дискредитации оппонента (нет такой нации, как азербайджанцы, а есть "турки", не было геноцида армян и т.п.). Это не означает, однако, что национализм, этничность, националистические концепции - мифы, проявление скрытой иррациональности, а конфликты, мотивированные этническими и религиозными причинами, - явление надуманное, не существующее в природе, камуфляж и результат мифотворчества или манипулирования сознанием.

Что же такое этничность? Несет ли она в себе только отрицательный заряд, некую конфликтогенность? Или же это данность, свидетельство такого же многообразия существующего мира, как и религия?

Термин "этнос" происходит от греческого слова "ethnos" - "компания", "народ", "нация", а сам феномен подвергся очень широкой интерпретации. Например, создатель "Энциклопедии национализма" Л.Снайдер различает понятия "национальность" и "этничность" и определяет первое как "общую территорию, язык, исторические традиции" /39/, а второе как "часть самоопределения индивидуума". "Главное в этничности - ощущение отличия от других" /40/. Другой видный специалист по этно-национальным проблемам, англичанин А.Д.Смит, исследуя исторические и культурные корни национализма, перечисляет такие критерии этничности, как самонаименование, миф об общем предке, общность культурно-бытовых традиций, территория, историческая память /41/. Согласно определению Дэвида Кармента, критериями этничности являются раса, кровно-родственные связи, общий предок, религия, язык как средство общения и символ этнической и культурной идентичности, а также проживание в определенном географическом районе (территория) /42/.

По Иммануилу Валлерстейну, "этническое сознание", или "этническая самоидентификация" - это "чувство, разделяемое группой людей, которые определяют себя в терминах культуры (общий язык, религия, цвет (раса - Д.М.), история, образ жизни). Они стремятся к тому, чтобы отстаивать или расширять свои права на политической арене, с тем чтобы защитить по возможности свое дальнейшее существование в качестве группы и /или/ - сохранить или улучшить материальные условия своей жизни. Предпочитает ли такая группа называть себя нацией, национальностью, этнической общностью, племенем или народом, не столь важно" /43/. Отсюда Валлерстейн делает вывод, что этническое сознание, будучи политическим явлением, является "формой конфликта" /44/. Вообще, национализм, этничность, как правило, и ассоциируются с конфликтом, разломом общества. Д.Хоровиц считает, например, что люди, для того чтобы защитить свои интересы, образуют группы, которые предпринимают коллективные действия, в том числе и для защиты от других групп. Этнические группы таким образом превращаются в "конфликтующие группы" /45/, а этничность, или национальный вопрос, способны "разбудить" этно-политический конфликт.

Но этот феномен несет в себе и положительные "заряды". Исследуя его, Л.Н. Гумилев подчеркивает, что этнос - это явление природы, он получает свою энергию из космоса (биосферы по В.И.Вернадскому). "Этнос - это коллектив, отличающийся от других этносов стереотипом поведения и противопоставляющий себя всем другим" /46/. Эта характеристика вполне применима, кстати, и для определения конфликтующего поведения приверженцев различных религий. Другие отечественные исследователи Г.Ч.Гусейнов и Д.В.Драгунский приходят к выводу о том, что "этничность как функция - это выход из социальной фрустрации, неизбежно возникающей, когда личность осознает свои права, но не может ими воспользоваться" /47/. В бывшем Советском Союзе этот выход начался "с пробуждения общества от гипноза социальной однородности и эгалитаристской мистики" /48/. Следовательно, этничность в посттоталитарном обществе превращается в способ самовысвобождения личности, в один из путей ее социальной идентификации.

Можно привести еще множество определений этничности или национализма, варьирующих эти понятия. Однако вряд ли они внесут окончательную ясность в понимание этой сложнейшей и "темнейшей" проблемы. Тем более непроста проблема этнических конфликтов, с которыми разбирается многочисленная армия ученых и полити-

ков и которую сегодня пытается - пока без особого успеха - разрешить мировое сообщество.

В нашем понимании в основе большей части конфликтов, которые принято обозначать как этнические, лежат коллективные действия групп людей ("групп, находящихся в состоянии конфликта"), вынужденных защищать свои права - истинно или мнимо нарушенные. Эти группы воспринимают себя как особый, отличный от других этнос, имеющий "свою" историю, культурно-бытовые традиции, кровно-генетическую связь, иногда также обладающий "своей" территорией, языком, религией. В ходе таких конфликтов собственно этнические разногласия столь тесно переплетаются с политическими, социальными, территориальными, религиозными проблемами и спорами, что зачастую просто камуфлируют друг друга. Условна и привязка этнического конфликта только к внутренней ситуации, отнесение его к категории внутренних конфликтов. В рамках взаимосвязанной, взаимозависимой структуры международных отношений разногласия, возникающие между представителями различных этносов и этноконфессиональных групп, неизбежно расширяют географию конфликта, вовлекая в него другие государства.

По устоявшейся традиции, а также по инерции феномен этничности продолжают ассоциировать с Третьим миром. Но ведь и "старая" Европа (Бельгия, Великобритания, Испания, Франция) так и не сумела справиться со своими этническими проблемами. Что касается Восточной и Центральной Европы, то и здесь некоторые государства бывшего социалистического лагеря (Югославия, Советский Союз) пережили настоящие этнические войны, другие (Чехословакия) - мирный "развод" по этническому принципу, а третьи (Албания, Болгария, Венгрия, Румыния,) продолжают испытывать давление межэтнических разногласий. Состояние национального вопроса, межэтнических, межрасовых отношений в США и в Израиле, заставляет усомниться в том, насколько успешно оправдала себя теория "плавильного котла", призванного "перемолоть" в единую "нацию" многочисленные этносы, продолжающие стекаться в эти страны со всех концов мира.

Итак, этничность, как и религия, не исчезает, несмотря на происходящие в мире перемены. Традиционные факторы все еще обладают огромными возможностями для воздействия на общественное сознание, а чувство принадлежности к определенной религиозной общности преобладает порой над чувством национальной солидарности в рамках единого государства.

Вне зависимости от типа конфликтов (государствообразующие или межгосударственные) большую их часть можно классифицировать следующим образом:

1. Конфликты, в основе которых лежит требование политической автономии или полного отделения инорелигиозных этносов, часто крупных, или же религиозных общин. Автономистские или сепаратистские движения возникают среди этносов, имеющих общий язык, происхождение, территорию, культуру, быт. У них уже появились элементы общего самосознания, основанного на этногенетическом или длительном хозяйственном, культурном, политическом взаимодействии. В контексте лояльности идее национального государства религия играет в таких случаях этносегрегирующую роль. Классическим примером конфликта такого типа служит религиозно-общинная конфронтация на Шри Ланке между буддистами-сингалами и тамилами - индуистами и мусульманами. Последние с 1983 г. ведут вооруженную борьбу за создание собственного государства "Тамил илам". Сюда же относятся сепаратистское движение исламизиро-

ванных народов морю на юге Филиппин, борьба христиан-ибо в Нигерии за отделение, завершившаяся в 60-е годы провозглашением государства Биафра, и многие другие конфликты.

2. Конфликты, вызванные религиозно окрашенными движениями мелких этнических групп. Последние, как правило, территориально обособлены, их культура и быт сохраняют некоторую специфику и они могут иметь отличные от основной части населения наречия и говоры. Эти национальные меньшинства могут не разделять религиозных верований большинства населения, исповедовать другую религию. Особая приверженность к "своей" культуре, собственной религии, стремление предотвратить их размытие в национально-этнических и религиозных традициях, обычаях более крупных народностей, доминирующих в государстве, страх, вызванный возможностью "потери национальной судьбы", - таковы главные побудительные причины возникновения движений подобного типа. К ним могут быть отнесены: конфликт сикхов-панджабцев с индийским правительством и их борьба за создание независимого государства "Халистан" ("земля чистых"); борьба курдов за создание собственного "национального очага"; политические движения в населенных этническими азербайджанцами северных и восточных провинциях Ирана; большая часть этно-национальных конфликтов в СНГ и странах Балтии.

3. Конфликты, близкие ко второму типу, вызваны ирредентистскими устремлениями народа, оказавшегося разделенным в результате миграционных процессов, изменения или перекройки государственных границ и т.п. Они оформляются в политические или общественные движения, ставящие своей целью воссоединение народа, проживающего на территории нескольких государств. Такие разделенные народы, сохраняя замкнутость в культурно-религиозном плане, представляют инорелигиозную общность в государстве, на территории которого они проживают. В Африке, например, конфликтные ситуации этого типа вызваны движением за воссоединение эве, населяющих западное побережье в пределах Ганы, Того и Бенина; борьбой сомалийцев, оказавшихся в результате колониальных разделов в разных государствах - в Сомали, Эфиопии, Кении и Джибути. Аналогичные движения имеются в Азии: среди малайцев Таиланда, Малайзии и Сингапура; белуджей Ирана, Пакистана и Афганистана; пуштунов Пакистана и Афганистана; азербайджанцев Ирана и Азербайджана; курдов Ирана, Ирака, Сирии, Турции. Ирредентизм проявляется в политической жизни некоторых народов Северного Кавказа (осетин, абхазов, чеченцев), а также таджиков, узбеков, уйгуров и других в Центральной Азии и сопредельных государствах Третьего мира. Многие другие "разделенные народы" - и в развивающемся мире, и в СНГ - способны серьезным образом дестабилизировать обстановку, создать почву для конфликтов.

4. Конфликты, в основе которых лежат противоречия на религиозно-общинной почве. Они имеют место как в конфессионально однородных, так и в неоднородных государствах. В первом случае приверженцы разных толков и сект борются против ущемления их прав со стороны господствующего религиозного толка или религии. Например, шииты Ирака, Бахрейна, Саудовской Аравии неоднократно выдвигали требование культурной и политической автономии. Религия способствует сплочению конфессиональной группы перед лицом господствующего этноса, исповедующего другую религию в поликонфессиональных, полиэтнических обществах, приводя при этом нередко к религиозно-общинным конфликтам и столкновениям, например, в Индии, Пакистане, Шри-Ланке, Ливане, Иране.

5. Конфликты, возникающие на основе абсолютизации, универсализации какой-либо религии. В чистом виде таких конфликтов не бывает, они всегда связаны с политическим фактором, с выступлением политических деятелей, организаций и даже групп государств, выдвигающих идею солидарности на основе религиозной общности без национальных границ и этнических различий. Конфликты, вызванные призывами такого рода, в странах Арабского Востока нередко провоцировались "Братьями-мусульманами", а в 80-е годы разного рода "хомейнистскими движениями" (Хезболлах, Хамас, Исламский джихад и др.). Их социальный и политический идеал - теократическое исламское государство. Иранские руководители, опираясь на эти идеи, ведут борьбу за гегемонию в странах традиционного распространения ислама. Подобных же "геополитических" целей пытался достичь в Африке лидер ливийской революции Муамар Каддафи, выдвинувший в начале 80-х годов план "геополитической перегруппировки кочевников в Федерацию исламских государств Сахеля", что оказало дестабилизирующее воздействие на внутривнутриполитическую обстановку в регионе, осложнило здесь межгосударственные отношения. Религиозный "универсализм" и подобные ему концепции имеют кратковременный и ограниченный успех и не способны доминировать над принципами, определяющими внешнюю политику того или иного государства.

Данная классификация свидетельствует о том, что конфликты постконфронтационной эпохи малопродуктивно подводить под имеющиеся в теории международных отношений типологии, и они лучше вписываются в хантингтоновскую схему межцивилизационных и внутрицивилизационных конфликтов, поскольку религия и этничность как реально существующие, долгосрочные факторы современного мира накладывают заметный отпечаток на социальные и политические процессы в развивающихся странах Азии и Африки и в новых, недавно образовавшихся государствах СНГ.

Развивающиеся страны и южные государства СНГ - достаточно сложная и неоднородная структура, где существует самый широкий спектр радикальных, экстремистских и умеренных правительств, течений и движений. Столь же неоднозначна ситуация и на региональном и международно-политическом уровне, где ряд крупных государств пытается утвердиться с помощью религиозного фактора. Рассмотрим эту проблему более детально.

1.3. Традиционные факторы в региональной и международной политике

Во времена "холодной войны" на гигантских просторах Азии, Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки "клиенты" СССР и США вели между собой своеобразные "войны по доверенности" - именно так выглядело большинство региональных конфликтов в Третьем мире. Несомненно определяющей оказалась и роль обеих сверхдержав в урегулировании и разрешении этих конфликтов. В соответствии с "доктриной Рейгана" (или иначе - "доктрины неоглобализма") со второй половины 70-х годов американская администрация рассматривает все происходящие в мире конфликты сквозь призму глобального противостояния СССР и США. Исходя из тезиса о советской военной угрозе, американский президент приравнивает поддержку оппозиционных сил в ряде конфликтных ситуаций Третьего мира к самообороне, а конгресс принимает решения об оказании военной и материальной помощи этим силам. Аналогичные шаги и решения принимались советским руководством в отношении "своих" союзников и партнеров в региональных конфликтах /49/.

С прекращением советско-американской конфронтации в Третьем мире необходимость поддержания советских "клиентов" в конфликтах отпала сама собой. Утратило смысл и дальнейшее продолжение региональных конфликтов как опосредованной формы советско-американского соперничества. Советский Союз в виду кризисного состояния экономики не был в состоянии нести бремя тяжелых военных расходов в Азии, Африке и Латинской Америке /50/. В целом, политический курс СССР времен перестройки определялся следующими факторами:

а) признанием неэффективности военно-политического контроля над территориями, ставшими зонами региональных конфликтов и включенных ранее советскими стратегами в сферу влияния СССР;

б) неспособностью союзников СССР (и союзников США) добиться перевеса в конфликтах военным путем;

в) невозможностью решить в Третьем мире военными средствами внутренние проблемы, вызванные политическими, этническими, религиозными противоречиями;

г) уменьшением военно-стратегической роли государств - очагов региональных конфликтов в условиях наметившейся разрядки;

д) падением значения государств социалистической ориентации - своего рода "аванпостов мирового социализма" - в связи с пересмотром в Советском Союзе собственной модели социализма;

е) нарастающим экономическим и политическим кризисом в Советском Союзе, создавшем серьезные проблемы в обеспечении советских партнеров военной и экономической помощью.

В перестроечные годы были заложены основы курса на политическое урегулирование региональных конфликтов с перспективой создания системы региональной стабильности и безопасности. Составные этого курса выглядели обнадеживающе: интересы национальной безопасности достигаются посредством дипломатии, а не через военную угрозу, безопасность одной страны не может быть гарантирована за счет безопасности другой или других стран, международные организации и двусторонние усилия могут служить решениям региональных и глобальных проблем /51/.

Несмотря на изменившуюся с начала 90-х годов геополитическую обстановку, связанную с окончанием "холодной войны", конфликтность развивающегося мира остается достаточно высокой. Это отнюдь не означает, что на смену идеологическим конфликтам времен "холодной войны" пришли конфликты "нового поколения" - религиозные, этнические или, как их определяет в своем известном труде американский ученый С.Хантингтон, межцивилизационные. Собственно и в период "холодной войны" большую часть конфликтов в развивающихся странах - в Шри Ланке, Индии, Эфиопии, Ливане, на Филиппинах, других странах и регионах Третьего мира - вряд ли можно было отнести к категории идеологических. Это были территориальные, политические, этнические, конфессиональные споры и распри и только некоторые конфликты (ангольский, мозамбикский, никарагуанский, частично, афганский - в период советской интервенции) несли на себе сильную идеологическую нагрузку. Великие державы, ведя в Третьем мире своеобразные "войны по доверенности", поддерживая военным, дипломатическим, экономическим путем ту или иную противоборствующую сторону в конфликте, руководствовались не только идеологическими соображениями, но преследовали вполне конкретные политические и экономические цели.

Опыт государств Третьего мира, в особенности ближневосточных, важных в экономическом и стратегическом отношении, свидетельствует о том, что чем привлекательнее территория с точки зрения природных ископаемых (нефть) или выгодного географического положения (перекресток транспортных путей и торговых коммуникаций), тем сильнее проявляется здесь соперничество великих держав и региональных "центров силы", имеющих собственные интересы и стремящихся заручиться поддержкой своих союзников.

В наши дни в условиях размывания биполярности мира и наступления эпохи "многополюсности" правящие группировки некоторых крупнейших развивающихся стран стремятся компенсировать прошлую и нынешнюю зависимость от "Севера" спешным приобретением внешних атрибутов регионального самоутверждения. Речь идет прежде всего о способности государства оказать значительное влияние на международно-политическую обстановку в их собственном и непосредственно прилегающем к ним регионе, так как соответствующими возможностями в более широком глобальном плане они не обладают. Их центросиловая политика /52/ отличается от обычной политики крупного политически стабильного и экономически развитого государства в основном тем, что региональное государство-носитель центросиловой политики не просто обладает внушительной военной силой. Оно должно продемонстрировать готовность пустить ее в ход с достаточными шансами на успех. Несовершенство в большинстве случаев самого государственного механизма принятия внешнеполитических решений приводит зачастую к ситуациям, когда режимы, претендующие на проведение центросиловой политики, усматривают в религии и национализме важнейшие элементы упрочения влияния в регионе.

К религиозной аргументации для успеха своих внешнеполитических акций прибегают руководители многих стран Азии и Африки, однако лишь некоторые из них доктринально обосновывают свое, освященное религией, право на роль арбитра в международных делах или в вопросах, касающихся отношений государств отдельно взятого региона /53/. Немногие режимы становятся носителями религиозно окрашенной идеологии государственного национализма или просто экспансионизма.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ, соперничающая с другими государствами за лидерство в арабском мире, издавна претендует на центросиловую роль и активно использует религиозную аргументацию дабы утвердиться в политической жизни региона Арабского Востока.

Отношение Саудовской Аравии к международной системе определяется следующими факторами: стремлением увековечить традиционно-религиозную форму правления и общественного устройства внутри страны, сохранить политический статус-кво, в первую очередь в арабо-мусульманском регионе, как можно дольше поддерживать роль Мекки как хранительницы исламского духа, идеи солидарности мусульман, их консолидации для отпора враждебных исламу сил.

Взлет Саудовской Аравии как религиозного "центра силы" приходится на 70-е годы. В первой половине 80-х годов ее влияние в мусульманском мире несколько ослабевает ввиду изменившейся расстановки сил, связанной с возросшей активностью послереволюционного Ирана и разрастанием ирано-иракского, афганского, ливанского конфликтов. Призыв Эр-Рияда к солидарности на основе религиозной общности звучал неубедительно, и эта идея - как впрочем, и раньше - не смогла привести враждующие стороны к примирению. Было очевидно, что апелляция к религиозным чувствам про-

тивников не способна была сгладить политические и идеологические разногласия, которые не поддавались эмоциональным заклинаниям.

Внешнеполитическая линия саудовских руководителей по-прежнему основывается на проведении политики, нацеленной на сохранение духовного и политического лидерства в мусульманском мире. Однако саудовский режим пытается отойти от традиционно пассивной внешнеполитической позиции в пользу курса, который создал бы Саудовской Аравии желаемый образ ведущей державы исламского мира. По-прежнему первоочередной задачей Эр-Рияда остается поддержание стабильности в регионе и в странах традиционного распространения ислама, ибо любые пертурбации - как справа, так и слева - могут оказаться губительными для режима. Именно поэтому саудовские руководители прилагают значительные усилия для противодействия подрывному, "заражающему" влиянию иранской исламской революции, которая, по их мнению, создает дополнительные условия для вмешательства европейских держав и США в дела региона под предлогом его защиты от экстремизма и терроризма.

Увлечшись отражением "исламской волны", накатившейся на мусульманский мир из Тегерана, саудовские власти, руководители других умеренных арабских государств проглядели становление и консолидацию нового агрессивного "центра силы" - Ирака, который к началу 90-х годов создал непосредственную угрозу их безопасности, неизмеримо большую, чем Иран. Роль последнего в регионе тем не менее рано сбрасывать со счета.

ИРАН в большей степени, чем Саудовская Аравия, преуспел в распространении своего политического влияния с помощью религии. Это государство считается оплотом мирового шиизма, хотя приверженцы этой ветви ислама составляют только 10 процентов от численности всех мусульман. Шиитские общины всего мира в большей или меньшей степени связаны экономическими, политическими, религиозными и иными узами с Ираном. Исламская революция, оказавшая воздействие на многие политические процессы в странах традиционного распространения ислама, активная "доля" Ирана в конфликтных ситуациях дают основание считать эту страну одним из наиболее влиятельных религиозных "центров силы". Но как раз этот аспект внешней политики Ирана вызывает за последние годы много противоречивых суждений.

В отношении иранской внешней политики, особенно в период правления Хомейни, сложился достаточно устойчивый стереотип: проводящие ее тегеранские лидеры фанатичны, ослеплены религиозно-идеологическими установками, отвергают законы, установленные международным сообществом, пренебрегают мировым общественным мнением /54/. Очень много для дискредитации Ирана сделали США, которые в рамках своей внешнеполитической стратегии, нацеленной на государства Персидского залива, отвели Тегерану роль "мирового зла", "рассадника международного терроризма" и государства, поставившего себя вне закона /55/. Как следствие подобного подхода внешнеполитическая доктрина Хомейни и его преемников стала рассматриваться многими аналитиками и специалистами как часть "всемирного мусульманского заговора", "глобальной стратегии ислама" /56/. Существует и иная точка зрения, сторонники которой считают Хомейни, других духовных и политических лидеров исламской революции прагматиками, отдающими дань революционной риторике только на словах, а на деле являющихся продолжателями шахского внешнеполитического курса /57/.

Между тем революционная риторика и "реальная политика" Исламской Республики Иран давно уже существуют независимо друг от друга, и им предназначены раз-

ные функции. Разработанная Хомейни и другими шиитскими идеологами концепция распространения ислама путем использования опыта иранской революции в целом легко укладывается в рамки "наступательного прозелитизма", традиционно присущего шиизму /58/. На практике эта концепция сводится к следующей схеме: разделение народов и правительств всего мира на два лагеря - "угнетателей" и "угнетенных"; установление контактов между "революционными исламскими правительствами"; создание союза, который мог бы бросить вызов "глобальному высокомерию угнетателей", подорвать их влияние в мусульманском мире /59/.

Центросиловые установки хомейнизма легко прослеживаются в статье 11-й Конституции ИРИ /60/: "В соответствии с установлением Корана, гласящим: "поистине, этот ваш народ - народ единый, и Я - Господь ваш, поклоняйтесь же мне"(21:92), все мусульмане - одна нация, и правительство Исламской Республики Иран ответственно за то, чтобы весь ее политический курс основывался на коалиции и солидарности исламских народов и на том, чтобы предпринимать постоянные усилия, направленные на реализацию политического, экономического и культурного единства мира ислама". Претворившись в концепцию экспорта исламской революции, эти установки надолго определили стратегию и тактику Исламской Республики в ряде стран и регионов мира. В соответствии с этим идеологизированным видением мира формулируются и такие принципы внешней политики ИРИ, как: 1) противопоставление исламской революции - этого "божественного дара", по выражению Хомейни, - мировой системе, отказ от законов этой системы; 2) следование доктрине "ни Восток, ни Запад", или, как сказано в политическом завещании Хомейни, "следование прямому, начертанному богом пути, который не зависит ни от безбожного Востока, ни от тиранического богохульствующего Запада"; 3) борьба с "прогнившими, коррумпированными режимами" в исламском мире, к числу которых в первую очередь относят Ирак и Саудовскую Аравию; 4) активная поддержка революционных, освободительных движений в различных районах мира, при том, что руководство ИРИ оставляет за собой право определять и степень "революционности" того или иного движения, и форму его поддержки; 5) придание революционного импульса международным организациям, обращение их в сторону "обездоленных", "угнетенных" народов, которые ведут борьбу за освобождение от "тисков двух мировых сверхдержав" /61/.

Хомейни был естественным центром притяжения исламской революции, харизматическим лидером, который питал ее символику и одновременно умело и ловко управлял "стихийным" порывом масс. Он поддерживал в народе огонь жертвенности, не давал угаснуть революционному рвению. Война с Ираком, точно рассчитанная антиамериканская истерия в период захвата американского посольства в Тегеране, поддержка шиитского движения Хезболлах в Ливане и фундаменталистов в Судане, Египте, ряде других государств, наконец, всколыхнувшее исламский мир "дело Салмана Рушди" - все эти акции, получившие благословение Хомейни, были в конечном счете направлены на поддержание революционного порыва масс в самом Иране. За его пределами миру навязывался облик Ирана как подлинно революционной модели. Именно при Хомейни Иран становится новым революционным и религиозным "центром силы". Лишь неудачи в войне с Ираком, физический уход Хомейни привели к затуханию на уровне практической политики революционно-мессианских амбиций Ирана, его гегемонистских устремлений.

Официально провозглашенный иранским руководством в конце 1988 г. отказ от "насильственного экспорта исламской революции", призыв президента Али Акбара Хашеми-Рафсанджани дать критическую оценку истекшему десятилетию исламской революции, исправить ее ошибки /62/, казалось бы, послужили признаками смены приоритетов в иранской внешней политике, отхода от хомейнистской стратегической линии. Этот широко афишируемый Тегераном "обновленный", "прагматический" внешнеполитический курс ложится в основу важного направления региональной активности ИРИ, нацеленного на СНГ и Россию. Стратегия ИРИ в новых независимых государствах Центральной Азии и Закавказья /63/ строится на закреплении своей экономической и политической гегемонии, на освоении выгодного обширного рынка, ставшего фактически "бесхозным". Иран ставит также своей целью утверждение здесь шиитских религиозных ценностей в противовес суннитским, доминирующим в этих мусульманских регионах бывшего Советского Союза.

Итак, "реальная политика" ИРИ в постхомейнистский период претерпела определенные изменения. Позиции сторонников экспорта исламской революции всеми средствами подорваны, но не сломлены окончательно, и они продолжают оказывать влияние на внешнюю политику как на уровне идеологии, так и практики. Продолжаются и теоретические разработки хомейнистской внешнеполитической доктрины.

Наряду с субъективными факторами, которые позволяют Ирану претендовать на роль "властителя дум" хотя бы в пределах "мира ислама", существуют и довольно серьезные препятствия к тому, чтобы Иран надолго оставался средоточием религиозной центростремительной активности.

Механическое перенесение хомейнистской доктрины на другие страны оказалось практически невозможным в силу уникальности и специфики иранской ситуации, особой роли шиизма в культурно-историческом процессе в Иране. Сохраняется острота противоречий между суннитами и шиитами, между шиитами-двунадесятниками - они составляют большинство иранских мусульман - и остальными направлениями в шиизме, между арабами и персами, между Ираном и другими претендентами на роль региональных и религиозных "центров силы". Социальный и политический идеал хомейнизма - "великое исламское сообщество", теократия, объединяющая мусульман всего мира, освобожденных от влияния Востока и Запада, - завис и кажется все более нереальным и недостижимым. Наконец, насилие, возведенное идеологами исламской революции чуть ли не в главный принцип политики ИРИ, террор, развязанный в Иране и за его пределами, оттолкнули многих приверженцев исламской революции, которая первоначально выглядела как "революция угнетенных". Вследствие этого, возможности Ирана играть былую роль "центра силы" ограничены, а стало быть, у иранских "догматиков" и "радикалов" остается все меньше шансов реализовать хомейнистскую доктрину в региональном и глобальном масштабах.

Центростремительной активности Ирана на Юге Содружества мешает его восприятие там как государства, потворствующего распространению исламского экстремизма и фундаментализма, что является неприемлемым для светских режимов в новых независимых государствах. Официальная риторика руководителей ИРИ, которая включает в себя рассуждения об особом, исламском пути развития, которому должны следовать все мусульманские государства, ассоциируется в представлениях центральноазиатских лидеров с насильственным навязыванием их государствам иранской модели, с экспортом исламской революции. Власти в южных республиках СНГ настороженно встречают

инициативы Ирана, потому что усматривают самый серьезный вызов себе не со стороны слабых и разрозненных демократических партий, объединений и "фронтон", а в мусульманском возрожденчестве, которое способно - пример Таджикистана налицо - стать идейной и политической альтернативой правлению постсоветской националистической номенклатуры. Логично предположить, что именно Иран как потенциальная опора оппозиционных религиозных сил вызывает у правящих режимов наибольшие подозрения.

За последние годы в качестве региональной державы, нового "центра силы" пытается утвердиться в Центральной Азии, на Кавказе и в тюркоязычных районах России (Татарстане, Башкирии, на Северном Кавказе и др.) и ТУРЦИЯ /64/. Государство монополизировало здесь все сферы общественной и политической жизни, и потому ислам оставался единственным каналом выражения оппозиционных настроений. В условиях неразвитого гражданского общества в Турции, как и в большинстве других государств Востока, произошло усиление роли религии /65/. Пока внешняя политика Турции - в отличие от Ирана - носит подчеркнуто светский характер, однако религиозный аспект центросиловой активности Анкары нельзя сбрасывать со счетов, хотя бы потому что в 1996-1997 годах внешнюю политику Турции определяла находившаяся у власти фундаменталистская Партия благоденствия.

Центросиловая активность рассмотренных выше стран протекает в основном в регионе Ближнего и Среднего Востока. В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ наблюдается такое специфическое явление, как деятельность своего рода коллективного "центра силы" - арабских государств /66/. В условиях фрагментированного полирелигиозного общества каждого африканского государства некоторым арабским лидерам без особых усилий удается манипулировать религией для достижения политических целей, разумеется, чаще всего в тех странах, где есть арабоязычные общины приверженцев ислама. По утверждению ряда африканских политиков, "исламская ориентация" внешней политики арабских государств сыграла дестабилизирующую роль, породила в Тропической Африке конфликты на религиозно-расовой основе. Особенно ощутимо эти процессы протекали в государствах Тропической Африки со смешанным расовым составом населения - в Танзании, Судане, Мавритании, Мали, Чаде, где все еще сохраняются пережитки расового антагонизма между белыми арабами и черным африканцами, а в общественной мысли влиятельные позиции занимает течение, рассматривающее ислам как орудие, с помощью которого арабы закабаляют африканцев.

Проблема усугубляется и тем, что в Тропической Африке исламизации всегда сопутствует арабизация, принимающая самые разные формы - от насаждения арабского языка и культуры до принятия проарабского курса во внешней политике, что также приводит к конфликтам между разнорелигиозными этническими или расовыми группами населения. Ярким примером в этом отношении служат такие страны, как Судан и Чад, где определяющее политическую жизнь противоборство двух тенденций - центростремительной, устремленной к Тропической Африке, и центробежной - к арабскому миру, - дестабилизирует обстановку уже в течение нескольких десятилетий.

В целом же в регионе Тропической Африки нет государства, которое решилось бы использовать религию в качестве орудия центросиловой активности. Это связано с тем, что в отличие от государств Ближнего и Среднего Востока, где язык и религия выступают мощными объединительными факторами, Тропическая Африка представлена мозаикой разноязыких, разнорелигиозных племен и народностей. Усиление религиоз-

ных элементов в политике того или иного государства неизменно встречает сопротивление со стороны представителей других конфессий, расценивающих это явление как ущемление их прав, подрыв их престижа. Доминирующее значение в официальных идеологиях в Тропической Африке приобрела не идея единения на основе религиозной общности или перспектива создания какого-то религиозного центра, а концепция национального государства. Африканские политики и государственные деятели вообще избегают публичного обсуждения религиозных проблем и практически ни один из них не ставит их в качестве приоритетов внешней политики.

Крупнейшее государство Тропической Африки, НИГЕРИЯ /67/, на опыте собственной истории убедилось в той взрывоопасной силе, которой обладает религия в государстве со смешанным конфессиональным составом населения. В 60-е годы Нигерия превратилась в арену кровопролитной гражданской войны, которую центральное правительство вело с христианизированной народностью ибо, попытавшейся провозгласить создание независимого государства - Биафру. Другое событие - вступление Нигерии в 1986 г. в Организацию исламской конференции - вызвало настоящий раскол в стране по религиозному признаку, вспышку религиозных волнений в северных штатах.

Правящая администрация Нигерии, традиционно формирующаяся по преимуществу из представителей мусульманского Севера, не стремится усиливать свое влияние и вес в африканских делах за счет проявления мусульманской солидарности или использования каким-либо другим способом религиозного фактора. Официальный Лагос прохладно воспринял иранскую революцию и внешнеполитические инициативы религиозных руководителей ИРИ. Правительство Нигерии сохраняло прекрасные отношения с Египтом, изгнанным в 80-е годы из мусульманского сообщества после Кэмп-Дэвида. Благодаря светскому и прагматичному курсу нигерийским властям удавалось до недавнего времени сглаживать непростые отношения, существующие между двумя крупнейшими религиозными общинами страны - христианской и мусульманской. Нигерия, как и некоторые другие влиятельные неарабские государства Тропической Африки, сумела за истекшие десятилетия избежать крупномасштабных религиозных и этнических столкновений главным образом благодаря тому, что отдает предпочтение светским принципам во внутренней и внешней политике.

Как и для Тропической Африки, для региона ЮЖНОЙ АЗИИ характерно отсутствие религиозных доктрин, на основе которых разрабатывались бы на государственном уровне основы внешней политики. Крупнейшее и наиболее влиятельное государство региона - ИНДИЯ /68/ на протяжении нескольких десятилетий независимого развития сознательно выдвигает концепцию государственного секуляризма в качестве основного принципа своей внутренней и внешней политики.

Что касается главного соперника Индии в регионе - ПАКИСТАНА, то его руководители, напротив, постарались максимально использовать ислам в интересах своей политики. Особенно преуспел в этом Исламабад во время войны в Афганистане. Мусируя тезис о своем превращении в бастион на пути распространения враждебной исламу коммунистической идеологии, буфер, отделяющий "красный Афганистан" от "мира ислама", пакистанская пропаганда поддерживала идею о сильном Пакистане - защитнике исламской уммы. Эта идея послужила отправной точкой для активного участия Исламабада в системе коллективной безопасности стран Персидского залива, попыток оказать воздействие на решение многих проблем, конфликтных ситуаций /69/.

Вместе с тем апелляция к панисламским лозунгам вовсе не свидетельствует о том, что внешнеполитические концепции пакистанского руководства основываются на религиозных предписаниях. Речь скорее идет об активизации политики в странах традиционного распространения ислама. Она преследует вполне конкретные материальные цели, задачи и потребности. Несмотря на временные взлеты, у Пакистана в плане проведения религиозно обусловленной центростремительной политики шансов еще меньше, чем у Саудовской Аравии и Ирана.

Итак, лишь немногие государства мусульманского мира проводят активную идеологическую, миссионерско-проповедническую, агитационную работу, стремятся утвердить религиозную идеологию во всех сферах жизни общества, воздействовать на региональную политику, закрепить за "мусульманским блоком" определенную политическую нишу на международной арене.

А в какой мере РОССИЯ учитывает в своей политике в развивающемся мире и на Юге Содружества религиозный и этнический факторы? Хотя она утратила то влияние, которое имел СССР в Третьем мире, в силу своего геополитического статуса, экономического, демографического, военного, ядерного потенциала Россия остается ведущей державой СНГ. Для того чтобы сохранить этот статус, закрепить свои экономические и политические позиции, Россия участвует в мероприятиях по поддержанию мира и безопасности в постсоветском пространстве, в урегулирование здесь конфликтов. И в этом плане проблема учета этно-религиозного фактора имеет огромное значение для формирования ее тактической и стратегической линии по отношению к происходящим на Юге Содружества конфликтам. Ведь Россия - евразийская держава, и в ней самой сосредоточено многообразие культур, этносов и религий. Но для того, чтобы ее политика успешно реализовывалась, России необходимы тщательно выверенные государственные ориентиры, цели, которые следует реализовать в ближнем и дальнем зарубежье в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Между тем на практике в российской политике на первый план зачастую выдвигаются либо чисто ведомственные интересы (военной верхушки, военно-промышленного комплекса, газовых и нефтяных монополистов), либо - взамен старых - новые идеологемы (вместо пролетарского интернационализма и поддержки социалистической ориентации - борьба с пресловутым исламским фундаментализмом). Кроме того, на российскую политику в ближнем зарубежье и на ее подходы к происходящим там конфликтным ситуациям пытаются оказывать воздействие сторонники и носители псевдодержавной идеологии. Отсюда берет начало стремление ряда официальных лиц, политиков и идеологов рассматривать Содружество Независимых Государств как временное образование, которое уступит вскоре место обновленной державе, являющейся чем-то вроде аналога исчезнувшего с географических карт СССР /70/.

Война в 1994-1996 годах с Чечней, наращивание российского военного присутствия в Таджикистане и стремление расширить его в Закавказье, намеки политиков на возможность российского вмешательства в афганский конфликт - все это можно расценивать как попытки реанимировать в новых исторических условиях - но с куда меньшими, чем у СССР, возможностями - былую великодержавность. Существуют и другие объяснения этого явления: Запад, дескать, заинтересован в оттеснении России на периферию, в конфликтные зоны Юга, чтобы она не мешала устанавливать новый мировой порядок и заодно поддерживала на Востоке какую-то стабильность. Нейтрализация исламского фундаментализма также входит в эти геополитические планы. Российский

историк И.Севостьянов подчеркивает в связи с этим: "В оттеснении России на Восток и Юг проглядывает стремление НАТО столкнуть волны нестабильности мусульманского и постсоциалистического пространства, чтобы они взаимно гасили друг друга и локализовались вдали от Западной Европы и Америки. Одновременно западный мир становится бы арбитром нового противостояния в Евразии" /71/.

Как ни соблазнительно поверить в силу подобных хитроумных геополитических конструкций, базирующихся на теории "заговоров", они все же выглядят во многом надуманными. Ведь не Запад, а ведущие российские политики разрабатывают планы "бросков на юг", выступают с псевдодержавной риторикой, призывая "вернуть утраченные позиции" в Средней Азии, Закавказье, Третьем мире. Они восстанавливают отношения с "естественными" союзниками СССР времен "холодной войны" - Ираком, Ливией, другими маргинальными режимами Третьего мира и, сознательно или бессознательно, подыгрывают антироссийским силам в США и Западной Европе, требуя радикально развернуть внешнюю политику России от Запада к Югу и Востоку, как во времена "холодной войны".

В военных кругах есть немало сторонников придания армии функции несущей конструкции "нового порядка" в СНГ. Командующие контингентами российских вооруженных сил в конфликтных зонах, имеющие, как правило, опыт афганской войны и службы в "горячих точках" СССР, если и не являются по политическим убеждениям "державниками", то уж по крайней мере ощущают себя больше представителями советских, а не российских войск. Не случайно же все "миротворческие" российские операции в Закавказье, в Таджикистане, недавнее "наведение конституционного порядка" в Чечне осуществлялись под красными знаменами уже не существующего советского государства. И в чисто военном плане тактика российских войск в конфликтах на Юге Содружества явилась вариантами одной и той же, апробированной в Афганистане модели. Так что политику России на Юге Содружества и в Третьем мире определяет все-таки не Запад. Функцию "жандарма СНГ" пытаются навязать ей некоторые политики и военные, пытающиеся в новых исторических, геополитических, экономических условиях реанимировать балансы и контрбалансы сил, подстраивать под подобные внешнеполитические конструкции российскую стратегию в отношении развивающихся стран зарубежного Востока, постсоветского Юга, существующих там конфликтных зон.

Помимо этих тенденций, в российской политике дают о себе знать и противоречия переходного периода: незавершенность процесса формирования государственных структур, борьба элит, разновекторная внешняя политика, размытость и незавершенность государственной идеологии, формулирующей национальный интерес, отсутствие скоординированной внешнеполитической доктрины, которая учитывала бы не ведомственные, а национальные интересы страны.

Но все же справедливости ради следует признать, что трудности, которые встают перед российской политикой на Юге Содружества, порождены объективными причинами, обстоятельствами, зачастую просто не зависящими от усилий, предпринимаемых Москвой. Большая часть конфликтов в СНГ вызвана сепаратизмом, а как известно из мировой практики, этот вирус практически не поддается лечению. Миротворчество России приходится осуществлять в условиях скрытого и явного сопротивления, которое оказывают посредническим усилиям России правящие элиты в новых независимых государствах, ставших ареной конфликтов. Но здесь речь идет о конфликтах, доставшихся России в "наследство" от СССР. Россия же оказалась слабо подготовленной к

предотвращению конфликтов. И здесь определенную роль сыграло игнорирование ее политиками роли традиционных факторов, точно так же как Запад недооценил эту проблему в шахском Иране, на Арабском Востоке полагая, что модернизация автоматически снимает с повестки дня и национализм, и межэтническую рознь, и религиозный фанатизм.

ВЫВОДЫ.

1. В странах Востока религия продолжает оказывать влияние как на государственную политику, так и на участников массовых социально-политических движений. Политическая партия или общенациональный лидер, не владеющий языком религиозной символики, не могут рассчитывать здесь на успех своей программы, ее поддержку среди населения. Официальная идеология порой предназначает религии функцию некоей сдерживающей силы, барьера на пути проникновения западных идей и культуры, которые, по мнению традиционалистов, способны подорвать "самобытность" общества, оказать разлагающее воздействие на различные социальные группы, в особенности на молодежь и интеллигенцию, в поддержке которых власть особенно нуждается.

Религия и этнические проблемы служат в Третьем мире "теоретическим оружием" в руках идеологов и политиков, которые помощью этих факторов осуществляют нередко фальсификацию истинной природы отношений между обществом и государством, народом и властью. Социально-политические вопросы, проблемы межгосударственных отношений, являющиеся как бы внешними для религиозных институтов, все больше становятся их внутренними проблемами, в результате чего происходит приобщение массы верующих к активному участию в политическом процессе. Сохраняется тенденция использования религиозных традиций в целях консервации отсталых общественных отношений, для разжигания национально-этнической или расовой розни.

2. Для развивающихся государств и постсоветских республик Юга СНГ характерно отсутствие или зачаточное состояние структур гражданского общества, демократических ценностей, прав человека и свобод индивидуума. В результате этнические или религиозные группы внутри большинства государств склонны развивать коллективную идентичность основанную на этно-религиозных принципах или идеях коммунизма. Государственный национализм, понимаемый прежде всего как согражданство независимо от национальности, приходит в такой ситуации в противоречие с "этническим". На почве обострения отношений между ними, а также борьбы того или иного этноса за автономию, отделение либо воссоединение со своими соплеменниками и единоверцами, проживающими в других странах, и в Третьем мире, и на Юге Содружества происходит большая часть бурных конфликтов, вооруженных столкновений, войн.

3. В большинстве государств "перемалывание" разноязыких, разнорелигиозных народов, принадлежащих к разным культурам и идентифицирующих себя как отдельные этнические либо конфессиональные группы общества, превращение представителей разных этносов в "граждан", членов государственного сообщества протекает медленно и с невероятными трудностями. Нередко компонентом этого сложного и мучительного процесса становятся вооруженные конфликты. Как показывает опыт многих из них, они не обязательно завершаются слиянием "мятежных этносов" с остальными гражданами государства.

4. Конфликты на религиозно-этнической почве неизбежны на стадии становления национальных государств, формирования в рамках государства наций, у которых идея согражданства выступала бы на первом плане, а этническая, клановая, племенная, конфессиональная самоидентификация занимала бы второстепенное место.

5. Конфликтная политика России на Юге Содружества и в Третьем мире станет более успешной и конструктивной, отвечающей прежде всего интересам экономического и политического развития самой России, если она будет принимать во внимание то обстоятельство, что конфликты в этом регионе происходят в традиционных обществах незападного типа, и религиозным и этническим факторам принадлежит в них значительная роль.

6. Попытки России восстановить на Юге Содружества влияние, аналогичное тому, каким обладал СССР, неизбежно приведет к перенапряжению экономической и военной системы России и, почти вероятно, к коллапсу ее внутриэкономических преобразований.

7. Ставка на поддержание Россией функции "моста", связывающего Юг Содружества с внешним миром, в новой исторической ситуации становится анахронизмом: в современном мире все большее значение придается двусторонним или многосторонним межгосударственным контактам без посредников, а экономические, международные отношения все больше глобализуются, поскольку Запад и транснациональные корпорации инициируют процесс интеграции "Незапада" - стран Третьего мира и новых независимых государств - в русло глобального развития.

Более оптимальным представляется иной вариант: признание Россией за постсоветскими республиками Юга права заново определять свою идентичность - религиозную, культурную, этническую, строить (Азербайджану и центральноазиатским государствам) новые отношения со странами общей для них мусульманской цивилизации, а Армении и Грузии развивать более близкие отношения с христианским миром.

Сложность и противоречивость воздействия религиозно-этнического фактора на региональную и международную политику в Третьем мире и на Юге Содружества, сохраняется, и она ярко проявляется в конкретных конфликтных ситуациях. Рассмотрим некоторые из них.

ГЛАВА 2. РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ В КОНФЛИКТАХ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ.

Хотя целый ряд "горячих точек" Третьего мира (например, в Шри Ланке, Пенджабе) породил специфическую форму этно- и религиозного экстремизма, именно конфликты на Арабском Востоке привели к появлению профессиональных террористов, осуществляющих свои акции за пределами региона - в Европе и США, что обусловлено особым местом региона в мировой экономике и политике, в стратегии великих держав. Речь идет о нефти и борьбе мировых центров силы за контроль над этим важнейшим энергоресурсом Арабского Востока, о положении региона как средоточия многих транспортных коммуникаций и торговых путей. Одна только борьба за контроль над Суэцким каналом на протяжении нескольких десятилетий арабо-израильского конфликта свидетельствовала о его тесной "привязке" к трансконтинентальным транспортным коммуникациям.

В период "холодной войны" ни СССР, ни США не сумели добиться заметного перевеса либо утвердиться единолично на Ближнем Востоке. Произошел здесь и своеобразный раздел сфер влияния: Израиль поддерживался Соединенными Штатами, на них же ориентировались "умеренные" нефтедобывающие государства Персидского залива. Союзниками Москвы стали насеровский Египет, Ирак, Сирия, Ливия, Алжир. Кажется бы баланс интересов был найден, но именно в этот период вспыхивают на Арабском Востоке самые острые конфликты и войны. Тогда же начинает расцветать терроризм, который приобретает окраску этническую (поскольку связан, главным образом, с арабскими, армянскими, курдскими террористическими организациями) и религиозную (ливанские шииты-смертники).

В наши дни Арабском Востоке на доминирующие позиции в ряде государств выдвинулись исповедующие антиамериканизм и антизападные настроения исламские экстремисты, радикальные движения, стимулирующие нестабильность - Исламский джихад, Хезбаллах, Исламская армия спасения и многие другие. Отвергая общепринятые международные нормы, они охотно прибегают к терроризму для осуществления своих целей. Истоки этого явления, помимо всего прочего /1/, лежат также в подъеме в арабском мире социально-политических движений, ставящих своей целью исламизировать все стороны общественно-политической жизни, возродить исламские институты - власти, семьи, права - в их традиционном или модернизированном виде, создать условия для развития исламской экономики как важнейшего средства решения вопроса социальной справедливости, удовлетворения материальных потребностей мусульман. Этот феномен может расцениваться и как противодействие западно-христианской цивилизационной модели, и как возрождение традиции, опирающейся на ценности ислама. Это явление связано также с выходом на политическую арену тех социальных групп, чья жизнь оказалась дезориентирована, нарушена в результате модернизации, быстрых социальных и общественных перемен. Ислам проявляет себя в этих условиях как активный регулятор общественной деятельности, как влиятельный политический фактор.

Палестино-израильский и алжирский конфликты избраны в качестве объектов исследования по нескольким причинам.

Во-первых, они породили специфическую форму религиозного терроризма, вышедшего за страновые и региональные рамки, и потому представляют реальную угрозу международной безопасности.

Во-вторых, новейшая история государств, на территории которых происходят рассматриваемые конфликты, была тесно переплетена с Советским Союзом. Москва сыграла решающую роль при образовании государства Израиль (какие цели при этом преследовало тогдашнее советское руководство - вопрос иной). В наши дни репатрианты из теперь уже бывшего СССР составляют пятую часть его населения, способную через собственные экономические и политические структуры ("русская партия" Натана Щаранского) влиять на политику страны.

В настоящее время Россия является коспонсором ближневосточного мирного процесса и вопреки усилиям американской дипломатии, стремящейся вытеснить ее и из этого процесса, и из региона вообще, Россия намерена со временем активизировать здесь свою роль в сфере поддержания безопасности. Это отвечает интересам арабских государств: и тех, которые, избрав в свое время социориентацию и став союзниками и партнерами СССР, стремятся к налаживанию связей с Россией, и тех, прозападных ре-

жимов Ближнего Востока, в том числе и нефтеэкспортеров, кто заинтересован в создании в регионе противовеса американо-западноевропейскому влиянию /2/.

В-третьих, особенности постсоциалистического развития Алжира и роль там религиозного фактора представляют несомненный интерес для судеб демократии в России, так как позволяют проследить, как в новейшей истории этой арабомусульманской страны решаются проблемы взаимоотношения власти и оппозиции, власти и интеллигенции, власти, армии и общества. Опробованная алжирским режимом стратегия, заключающаяся в чередовании политических и силовых методов при решении внутренних проблем, также может быть востребована в сегодняшней России и других государствах Содружества Независимых Государств. Опыт Алжира позволяет также просчитать все те возможные последствия, к которым может привести использование недемократических методов при защите стабильности, демократии, правопорядка.

В-четвертых, названные конфликты имеют непосредственное отношение к России и к Югу Содружества ввиду географической приближенности к ним стран, где они происходят. Как и Центральная Азия и Закавказье, регион Арабского Востока находится на стыке сфер влияния Запада и России и происходящее там косвенно или прямо отзывается на ситуации на Юге Содружества. Это означает, что процветающий в этих странах религиозный экстремизм и терроризм обладают возможностью воздействовать на конфликтный потенциал новых независимых государств бывшего СССР.

Анализ этих двух конфликтных ситуаций, происходящих в государствах арабо-мусульманского региона, позволяет выявить и ряд других проблем, имеющих важное значение для развития политического процесса в России и в постсоветских республиках Юга и, в частности, вопрос о том, при каких условиях вызывает экстремизм и как он перерастает в терроризм. Накопившийся в этих конфликтах негативный и позитивный опыт может быть учтен в процессе разрешения и урегулирования конфликтов в Содружестве.

Рассмотрим вначале под углом зрения этих проблем, а также специфики проявления религиозного экстремизма и терроризма палестино-израильский конфликт - один из самых старых, кровопролитных и продолжительных из всех региональных конфликтов, зародившихся еще в период "холодной войны".

2.1. Политический экстремизм в религиозном облике в палестино-израильском конфликте

Начиная с 1948 г., арабо-израильский конфликт вобрал в себя пять войн, десятилетия идеологической риторики и воинствующего национализма, религиозный экстремизм, геостратегическое противоборство сверхдержав и многое другое. Его средоточием является палестинская проблема, имеющая несколько аспектов /3/: национальный, или собственно палестинский, суть которого состоит в обеспечении законности устремлений палестинцев к независимому национальному развитию в рамках собственного государства; региональный, поскольку нерешенность палестинской проблемы затрагивает интересы и судьбы всех арабских народов; международный, где проблема Иерусалима и сохранения доступа верующих к святыням иудаизма, христианства и ислама занимают одно из центральных мест.

Трудно найти какой-либо другой политический вопрос - помимо, быть может, проблемы борьбы с апартеидом в ЮАР, - по которому в течение нескольких десятиле-

тий взгляды и практическая деятельность развивающихся стран были бы столь едины и очевидны, как вопрос о необходимости решения палестинской проблемы и осуждения в связи с этим позиции Израиля. Идея справедливого и всеобъемлющего ближневосточного урегулирования, решения палестинской проблемы до сих пор встречает поддержку в самых разных политических кругах, в том числе и религиозных. Существует, однако, целый спектр мнений и предложений по всей проблеме в комплексе и палестинской в частности. Религиозные партии, организации, группировки в странах Ближнего и Среднего Востока не остались в стороне от этих дискуссий не только в плане чисто теоретической разработки проблемы, но и в конкретной деятельности. Этот вопрос имеет свою предысторию.

Еще в эпоху английского мандатного правления в Палестине духовные лидеры пытались навязать конфликту между еврейскими поселенцами и палестинским национальным движением религиозный характер. В странах мусульманского Востока широко пропагандировался тезис о "сионистско-еврейском заговоре", создающем угрозу "миру ислама". На протяжении всей истории арабо-еврейского конфликта мусульманские деятели принимали активное участие в борьбе против сионистского проникновения в Палестину, английского колониального господства. Нередко они блокировались с националистическими элементами, выдвигавшими экстремистский лозунг "войны за освобождение всей Палестины", выступали с критикой сионизма с религиозных позиций /4/. Наибольшую активность в этом плане проявляла Ассоциация "Братьев-мусульман", зародившаяся в 1929 г. в египетском городе Исмаилия и распространившая свое влияние на все страны Арабского Востока.

В нашу задачу не входит анализ организационной структуры и программных установок "Братьев-мусульман" /5/, а также других религиозно-экстремистских движений, прочно занявших определенный спектр в политической жизни Арабского Востока /6/. Эти движения являются фундаменталистскими в том смысле, что их конечная цель - "исламское государство", и для достижения ее пригодны любые методы, включая вооруженное насилие и террор.

Остановимся на вопросе о воздействии политического экстремизма в фундаменталистском облике на решение палестинской проблемы, которая, как отмечалось выше, имеет региональное и международное значение.

"Братья-мусульмане" рассматривали конфликт арабов с Израилем исключительно в религиозных терминах, в рамках религиозной конфронтации. Появившиеся в 40-е годы первые ячейки "Братьев-мусульман" в Иерусалиме, Яффе, Хайфе, Наблусе, других городах развернули активную подготовку к Палестинской войне под лозунгами джихада, организовывая сбор средств, оружия для "спасения" Палестины /7/. Несмотря на противодействие некоторых арабских правителей, "батальоны джихада" из числа "Братьев-мусульман" приняли активное участие в первой арабо-израильской войне 1948 г. После разгрома Г.А.Насером Ассоциации "Братья-мусульмане" прекратили в Египте легальное существование, и в арабо-израильских войнах 1967 и 1973 гг. принимали участие только отдельные их представители.

Арабо-израильский конфликт 1967 г., исламская революция в Иране, вторжение Израиля в Ливан в 1982 г. стали своего рода катализаторами идей "воинствующего ислама" на всем Арабском Востоке и в самом Израиле. Действия шиитов-смертников в Ливане способствовали выводу из этой страны израильской армии, а акты самопожертвования и террора религиозных фанатиков придали иной характер борьбе палестинцев

на оккупированных территориях. В палестино-израильский конфликт были втянуты новые участники - молодежь и учащиеся. Произошел определенный сдвиг в традиционно светском конфликте палестинских арабов с властями Израиля. В нем все заметнее стало воздействие религиозного фактора, в обоих противоборствующих лагерях возросла роль фундаменталистов и религиозных фанатиков. Эта тенденция нашла свое яркое проявление в ходе массового народного восстания против израильской оккупации (его обозначают арабским словом "интифада"), вспыхнувшим в декабре 1987 г. на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа.

К настоящему времени "Братья-мусульмане" официально признаны в качестве легальной организации не только в Египте и Иордании, но и в Израиле. Исходя из своей долгосрочной стратегии - ликвидировать Израиль как сионистское образование и установить на территории всей Палестины исламское правление, - "Братья-мусульмане" отвергают и осуждают любые контакты с израильскими властями, считая, что переговоры о создании палестинского государства лишь на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа следует рассматривать как предательство палестинского дела и ислама /8/. Но это долгосрочная стратегия, планы, которые предстоит осуществить в будущем. А как действовать сегодня в условиях, когда у палестинцев нет достаточных сил, чтобы уничтожить Израиль?

Для этого "Братьями" разработана краткосрочная стратегия. Речь идет в первую очередь о том, чтобы трансформировать Палестину в исламское государство, живущее по законам шариата. Поскольку для этого потребуется время, идеологи организации предлагают избегать конфронтации с израильскими властями. Попутно они критикуют руководство Организации освобождения Палестины (ООП) за ее светскую ориентацию, выдвигая себя в глазах населения оккупированных территорий единственной альтернативой израильскому господству.

"Братьями-мусульманами" предприняты и практические шаги в целях "исламского решения" палестинской проблемы. Так, созданные ими низовые мусульманские ячейки, сплоченные и подчиняющиеся единому руководству, занимаются разоблачением "предателей, агентов, сторонников национализма", а также привнесением в антиизраильскую борьбу "осознания истинной природы битвы с сионизмом". Разработанная "Братьями" программа просвещения должна помочь "палестинским массам прийти к полной вере в бога", понять природу "религиозного конфликта с евреями" /9/.

На всем протяжении интифады "Братья-мусульмане" отвергали ООП как законного представителя палестинского народа, подвергали резкой критике Палестинскую национальную хартию этой организации, ее политическую программу за светский характер последней /10/. Скорее всего именно это обстоятельство послужило основанием для достаточно терпимого отношения к "Братьям-мусульманам" израильских властей. Они, действуя вполне скоординированно с иорданским руководством, не возражали в принципе против создания альтернативы ООП в лице "Братьев-мусульман", которых они считали более умеренными по сравнению и с ООП, и с другими религиозными организациями.

Помимо "Братьев-мусульман" активное участие в конфликте с израильскими властями принимают организации и группировки экстремистского толка: Партия исламского освобождения, Исламская священная война, а также Мусульманская молодежь, Семейство священной войны, Мусульманское содружество и др. Особое место среди них заняло Исламское движение сопротивления, или Хамас, что является аббре-

виатурой арабского названия. Основанная в декабре 1987 г. и финансируемая государствами Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравией, эта организация выбилась в авангард борьбы с израильскими властями в ходе интифады. Кстати сам термин "интифада", означающий "сотрясение", "дрожание", как утверждают, впервые появился в листовке Хамас 14 декабря 1987 г./11/.

Лидеры Хамас трактуют войну с Израилем исключительно в религиозных и националистических терминах как борьбу ислама с иудаизмом, а арабизма с сионизмом ("Хамас - передовой отряд борьбы с международным сионизмом, а джихад - средство и путь такой борьбы" /12/). Принятая в 1986 г. "Хартия Хамас" утверждала, что Палестина - "священная земля ислама, принадлежащая мусульманам до скончания времен". Не признается и самого факта существования Израиля, а какие бы то ни было переговоры с ним вообще исключаются. При этом "Хартия" допускает только один способ решения палестинско-израильского спора - создание путем вооруженной борьбы исламского государства на всей территории Палестины - от Иордании до Средиземного моря /13/. В действиях лидера Хамас Ахмеда Ясина и его сторонников несомненно присутствует и сильный элемент религиозного фанатизма, антисионизма.

Хамас с самого начала своего существования выдвинуло претензии на то, чтобы стать единственно законным представителем палестинского народа. Как утверждалось в датированном январем 1990 г. памфлете "Подход Хамас к палестинской проблеме", "для палестинского народа нет ничего лучше, чем исламское религиозное руководство" /14/.

Жесткая позиция Хамас в палестинско-израильском конфликте, в вопросах ближневосточного урегулирования в целом, борьба за лидерство в Объединенном национальном руководстве интифадой привели эту организацию к очень противоречивым и непоследовательным отношениям с ООП. 15 ноября 1988 г. проходившая в Алжире 19-я сессия Национального совета Палестины провозгласила палестинское государство. В одном из важнейших документов, принятых на сессии - Декларации независимости, - оно определяется как государство для всех палестинцев, включая и тех, кто живет в диаспоре. В декабре 1988 г. в ходе первых за 13 лет официальных контактов ООП и США Ясир Арафат признает право Израиля на существование и от имени своей организации отрекается от политики терроризма. Фактическое признание Израиля и призыв к мирному сосуществованию двух государств - палестинского и еврейского - на территории бывшей подмандатной Палестины, Хамас заклеило как "предательскую позицию, одобренную теми палестинцами, которые выступают за уступку некоторых частей Палестины". Развернув террор против евреев, Хамас не щадило и "предателей"-палестинцев, сторонников Ясира Арафата. Тем самым достигалась двойная цель: громкими террористическими актами Хамас поднимало свои ставки и уничтожало политических конкурентов - арафатовцев ООП.

Несмотря на существование такой достаточно опасной и влиятельной террористической организации, какой является Хамас, в целом в исламском движении в Израиле отсутствует единая организационная структура, координирующий центр и общая программа, принятая всеми группировками. В зависимости от политических установок, от источников финансирования мусульманские организации придерживаются различной ориентации: проиранской, проиорданской, просирийской и даже проправительственной, израильской. И тем не менее у всех участвующих в конфликте мусульман-

ских группировок есть много общих черт, позволяющих рассматривать их как влиятельное оппозиционное движение, одну из сторон во внутриизраильском конфликте.

Все они, согласно опросам, проводящимся с 80-х годов, признают следующую иерархию "врагов ислама": "империалисты", к числу которых отнесены США и их партнеры по военному блоку; Израиль - враждебное антиисламское образование в сердце мусульманского мира; "местные неисламские силы", связанные со сверхдержавами и действующие в их интересах, что противоречит чаяниям палестинцев /15/. Что касается этой третьей категории "врагов ислама", то они, в интерпретации исламских экстремистов, насаждают секуляризм, олицетворяют "неверие", "джахилию", являются наибольшим злом и потому первоочередной задачей должна стать борьба с "атеистическими режимами" /16/.

Общими для всех экстремистских мусульманских группировок являются формы и методы борьбы. Практически все они представляют собой глубоко законспирированные организации, часто имеют военизированные ответвления и легко прибегают к террору и насилию в целях "исправления" существующей политической системы. Хамас, например, давно уже вышел за страновые рамки, обосновав свои отделения во всем регионе. Его политические представители вступают в контакты, ведут переговоры, словом, занимаются политической рутинной, и военизированной, подпольную ветвь. Она-то и осуществляет террористические акты, готовит боевиков, фанатиков-самоубийц. Специалист по мусульманскому экстремизму, профессор социологии Американского университета в Каире Саад ад-Дин Ибрахим подчеркивал, что каждый член религиозно-экстремистской группировки или организации "представляет собой бомбу замедленного действия, готовую взорваться в любую минуту" /17/. Характерно также, что все они ориентируются в своей деятельности на молодежь, считая, что только она способна еще без сомнений и колебаний положить свою жизнь в решающей схватке с врагом.

Исламисты сумели привлечь к себе большое число сторонников, умело манипулируя антиимпериалистическими лозунгами, призывами ко всеобщей социальной справедливости, равенству, которые, как они утверждали, можно достичь лишь при условии возврата населения Палестины к нормам шариата. При этом исламисты выглядели особенно привлекательно на фоне политиканов и демагогов, функционеров ООП, зачастую погрязших в коррупции и в значительной степени утративших доверие народа. Несмотря на то, что лидеры религиозно-экстремистских группировок так же, как и политики, придерживающиеся светской ориентации, отдают дань демагогии и риторике, им пока с успехом удается выдавать себя за защитников "униженных и оскорбленных". Проникновенный и доступный язык, на котором обращаются к народу шейхи и религиозные деятели, резко контрастирует с пустыми, бодряческими фразами и лозунгами профессиональных политиков. Благодаря своим эмоциональным проповедям, призывам к вооруженным выступлениям, фанатичный лидер Хамас шейх Ахмед Ясин превратился со временем в настоящего "властителя дум", неформального духовного лидера не только мусульманских экстремистов, но и всего арабо-палестинского населения Западного берега и Газы.

В ходе интифады ООП призвала к созданию светского демократического государства, объединяющего мусульман, евреев и христиан. Одновременно с этим, а возможно, и задолго до восстания палестинцев ООП попыталась действовать сообща с мусульманскими организациями, поскольку стало очевидно, что последние перехватывают у нее инициативу на многих ответственных участках, в особенности в борьбе за умы

молодежи. В своем интервью еженедельнику "Ньюсуик" /18/ Арафат вынужден был признать, что на палестинскую молодежь оказывают воздействие исламские группировки фундаменталистского толка, однако он отрицал какое бы то ни было серьезное влияние хомейнизма. Арафат объявил о том, что исламские группировки имели своих представителей в высшем органе власти, формирующем политику и программу действий ООП, - Национальном совете Палестины и в Центральном совете, являвшемся связующим звеном между НСП и Исполкомом ООП. Это свидетельствовало, по словам Арафата, о демократическом характере палестинского движения сопротивления, представляющего широкий спектр мнений всего палестинского общества. "Восстание на оккупированных Израилем территориях охватывает весь палестинский народ, все его слои. Оно не носит фундаменталистского характера, но это вовсе не означает, что в нем не участвуют религиозные движения, которые выступают под флагом ООП" /19/.

Учет исламского фактора помогает лидерам ООП расширить массовую базу их организации, вовлечь в нее новых членов, а также заручиться финансовой, политической, военной поддержкой влиятельных религиозных центров (Саудовской Аравии, Ирана, Пакистана). Принимает во внимание Я.Арафат и рост симпатий к мусульманским фундаменталистам в самой ООП, и то обстоятельство, что большая часть мусульманских политических группировок на оккупированных территориях - противники сирийского президента Х.Асада, с которым Арафат и подчиняющиеся ему организации неоднократно вступали в открытый конфликт.

Контакты ООП с мусульманскими группировками, с религиозными "центрами силы" в мусульманском мире - скорее вопрос тактики, нежели стратегии. Например, сближение с Ираном после победы там исламской революции (в Тегеране было открыто посольство ООП, а сам Арафат демонстративно выражал солидарность с руководством ИРИ и был одним из первых арабских политиков, нанесших в эту страну визит в 1979 г.) не было долговременным. И не только потому, что палестинским руководителям как будто бы пришлось не по душе настоятельные рекомендации Хомейни исламизировать ООП /20/. Трудно было представить адептами хомейнизма Арафата и других лидеров ООП - последовательных приверженцев светской ориентации, убежденных сторонников арабского национализма. А уж после того, как вспыхнула ирано-иракская война, Арафат, как опытный политик, понял, сколь невыгодной для него стала дружба с режимом, ставшим врагом арабского мира. Разрыв лидера ООП с Тегераном был несомненно обусловлен и политическими причинами, в числе которых не последнюю роль сыграло сирийско-иранское сближение: ведь именно сирийские войска вытеснили проарафатовские отряды ООП из Бейрута в 1982 г., заставили их искать убежище в Багдаде. Видимо, тогда же Арафат сделал выбор в пользу Саддама Хусейна, которого он открыто и безоговорочно поддержал в ходе Операции "Буря в пустыне" в 1990-91 гг. Но это произошло не в силу того, что Арафату якобы изменило политическое чутье, как утверждали тогда многие обозреватели и политики, а вследствие безвыходной ситуации, в которой оказалась ООП, лишившаяся в 90-е годы могущественного "спонсора" - СССР - и вынужденная искать покровительства у иракского диктатора. Но вернемся к внутреннему конфликту в Израиле и роли в нем ООП.

13 сентября 1993 г. на лужайке перед Белым домом в Вашингтоне И.Рабин и Я.Арафат подписывают соглашение о палестинской автономии, а 4 мая 1994 г. в Каире - полномасштабное палестино-израильское соглашение об автономии палестинцев в секторе Газа и Иерихоне /21/. Важной вехой мирного урегулирования явилось времен-

ное израильско-палестинское соглашение (сентябрь 1995 г.), включившее в себя частичное расширение полномочий самоуправления палестинцев на Западном берегу путем создания собственных учреждений /22/. В соответствии с этим соглашением на территории Западного берега и в секторе Газа 20 января 1996 г. состоялись демократические выборы президента и Совета палестинской автономии, в результате которых впервые на палестинских территориях был создан легитимный орган национального самоуправления палестинцев и избран его законный руководитель, которым стал Ясир Арафат.

Палестинский Совет и президент избраны на переходный период до мая 1999 г., когда, в соответствии с палестино-израильскими договоренностями, должны закончиться переговоры об окончательном урегулировании конфликта. Арафат провозгласил главной целью построение светского демократического государства, базирующегося на рыночной экономике. Предполагаемая модель палестинского общества, возможно, близка к египетской или турецкой и представляет собой политическую систему, типичную для стран Третьего мира, где авторитаризм руководства и традиционный образ жизни сочетаются с элементами демократии.

Активное включение исламских группировок в борьбу поставило перед властями Израиля новую проблему - предотвратить возможность слияния "палестинского фундаментализма" с иранским и ливанским, не допустить перерастания палестинско-израильского конфликта в религиозную войну /23/. Последнее стало вполне реальным в свете последовавшего за подъёмом "политического ислама" бурного ответного взрыва фундаментализма и экстремизма в среде еврейских ортодоксов. Выразители этих настроений - ряд еврейских религиозно-националистических партий и организаций - ратуют за прекращение любых переговоров с палестинцами и против ухода с оккупированных территорий, рассматриваемых ими как неотъемлемая историческая часть Израиля. Еврейские фундаменталисты считают, что политика правительства в отношении оккупированных территорий должна подчиняться религиозной идее с тем, чтобы "народ Израиля" смог осуществить "богоданную миссию воссоздания библейского царства Израиль" (как известно, частью своей исторической родины евреи считают Западный берег реки Иордан, именуемый ими, в соответствии с библейской традицией, Иудеей и Самарией) /24/.

Практическую реализацию фундаменталистских призывов все активнее берет на себя экстремистски настроенная часть израильских поселенцев, которые не намерены идти на какие-либо уступки арабам. Следовательно, те израильские политики, которые пытаются найти выход из кризиса, "навести мосты" с противоборствующей стороной, с умеренными палестинскими лидерами, попадают, также как, собственно, и умеренные палестинские деятели, под огонь двойной критики - со стороны мусульманских и еврейских фундаменталистов. Гибель израильского премьера Ицхака Рабина от рук молодого фанатика, члена еврейской экстремистской организации, обвинявшей Рабина в излишних уступках арабам, свидетельствует о драматизме и остром накале борьбы, которой сопровождается процесс мирного урегулирования арабо-израильского конфликта.

В то же время и руководители ООП вынуждены считаться с увеличением влияния религиозно-экстремистских организаций на палестинцев. Например, по оценкам журнала "Мидл ист", в эти организации в 80-е годы было вовлечено до 10% населения Газы /25/. Некоторые социологические опросы показывали, что 26,5% палестинских

арабов на оккупированных территориях поддерживали идею установления там исламского правления, введения норм шариата /26/.

В результате действий еврейских и арабских фундаменталистов, каждый из которых стремится навязать противной стороне идею собственного культурного, религиозного превосходства, осуществить "культурное насилие" /27/, палестино-израильский конфликт приобрел трудноразрешимый характер. Он усугубляется региональным соперничеством.

Палестино-израильский конфликт невозможно анализировать в отрыве от региональной и международной ситуации, а его религиозный аспект становится понятнее только при учете сложных и неоднозначных подходов арабских соседей Израиля к религиозному экстремизму и терроризму во имя веры, к которым прибегают Хамас и другие радикальные мусульманские группировки на Арабском Востоке. Наряду с ООП активными участниками конфликта с Израилем являлись арабские государства. Масштабы ближневосточного конфликта определялись в прошлом "холодной войной", но и многие арабские лидеры внесли свой вклад в его разжигание. Некоторым арабским режимам и особенно экстремистским и террористическим организациям заключение мира с Израилем вообще было невыгодно. Ведь состояние войны с "сионистским образованием" и "американским сателлитом" давало возможность ряду арабских лидеров прятаться за конфликт, списывать на него внутренние экономические и политические трудности, оправдывать свою несостоятельную политику. Кроме того, не только для таких репрессивных режимов, как иракский и сирийский, но и для "умеренных" арабских государств борьба с Израилем служила удобным прикрытием для наращивания военной мощи, а также получения колоссальных финансовых поступлений, которые шли на поддержание арабского единства.

"Непримиримые" (Ливия, Ирак, ряд религиозных и националистических арабских организаций), упорно не желающие признавать существование государства Израиль и вследствие этого отказывающиеся от какого-либо диалога с ним, составляют самую немногочисленную группировку в арабском мире. Ливийский лидер М.Каддафи, например, расценивает действия по установлению дипломатических отношений с Израилем как предательство "святого арабского дела". Бросается в глаза сходство его позиций с установками мусульманских экстремистов, признающих, как и арабские "левые", тактику вооруженной борьбы единственным средством общения с "незаконно созданным сионистским образованием" /28/.

Еще один оппонент Израиля в арабском мире - Сирия, являвшаяся в свое время активной участницей созданного арабскими "непримиримыми" с одобрения СССР "фронта стойкости, противодействия и отказа", который сделал ставку на фактическую ликвидацию Израиля как государства. В наши дни Сирии, бесспорно, принадлежит ведущая роль в переговорах с Израилем, и она доказала, что без ее участия либо согласия невозможно разрешить никакую конфликтную ситуацию на Ближнем Востоке. "Нет войны без Египта, но нет и мира без Сирии", - любят напоминать в политических кругах Дамаска /29/. Стратегию и тактику Сирии на Ближнем Востоке определяют многие факторы. В их числе: планы воссоздания "Великой Сирии", частью которой должен стать Ливан; возвращение Голанских высот и Газы, захваченных Израилем в ходе войны 1967 г.; противодействие влиянию Египта, Ирака, Саудовской Аравии в регионе; вытеснение произраильских сил с юга Ливана /30/.

Подъем исламского движения в самой Сирии и в Газе, возвращения которого требует Дамаск, поставили сирийское руководство перед дилеммой: продолжать наращивать антиизраильскую борьбу, которая "благодаря" усилиям фундаменталистов сохраняет черты религиозного противостояния арабов и евреев, или вступить на путь переговоров с Израилем. Для Дамаска краеугольным камнем политики остается светская концепция "арабского социализма". В прошлом - в 70-8-е годы - сирийское руководство вело со своими "Братьями-мусульманами" и подобными им религиозно-политическими движениями непримиримую борьбу /31/, а потому какие бы то ни было варианты сотрудничества с силами, выступающими под флагом мусульманского фундаментализма, оказываются для Дамаска неприемлемыми. Трудно представить себе возможности его взаимодействия с организациями наподобие Хамас, хотя Х.Асад и не прочь манипулировать в своих целях антиарафатовскими силами в исламском движении на оккупированных территориях. Ведя в отношении Израиля сложную политическую игру, непосредственной целью которой является возвращение под сирийскую юрисдикцию захваченных Израилем территорий, Дамаск по-прежнему хотя и в несколько смягченном виде сохраняет репутацию непримиримого противника Израиля, и на него готовы сделать ставку как светские, так и религиозные противники мирного решения ближневосточной проблемы.

На разжигание вооруженного сопротивления "израильской оккупации" сделал ставку и Иран, который, активно внедрившись в 80-е годы в исламские движения в Ливане, объективно способствовал радикализации арабо-израильского конфликта. Стратегия Ирана направлена на подрыв позиций "умеренных" в исламских организациях как Ливана, так и Израиля, на ослабление влияния Сирии, до какого-то времени самостоятельно противостоявшей в Южном Ливане Израилю и поддерживаемой им Армией Южного Ливана. Примечательно, что официальный Тегеран, как и Дамаск, весьма прохладно отреагировали на провозглашение палестинского государства и на последовавшие за этим израильско-палестинские переговоры, обвинив ООП в отступничестве за то, что она согласилась включить в сферу юрисдикции планируемого палестинского государства только те районы Палестины, которые были оккупированы Израилем в 1967 г. в ходе "Шестидневной войны" /32/. Иран, как известно, солидаризируется с теми политическими кругами в палестинском движении и в арабском мире, которые выступают с требованиями воссоздания Палестины в границах 1947 г., что Арафат и другие "умеренные" расценивают как неконструктивное и невыполнимое требование.

С началом кризиса в Персидском заливе, который был связан с оккупацией Ираком Кувейта, багдадский режим неожиданно перехватил у Ирана инициативу, призвав к джихаду против Израиля почти в тех же выражениях, что и руководители ИРИ. Очевидно, что религиозная риторика иракского диктатора, "прославившегося" своей жестокостью и цинизмом, призвана была отвлечь внимание мусульманского сообщества от бесчинств, творимых войсками Саддама Хусейна в Кувейте, создать дымовую завесу, прикрывающую истинные и отнюдь небескорыстные цели, которыми руководствовался Ирак в некогда "дружественной арабской стране", и направить гнев арабомусульманской общественности в привычное и апробированное русло борьбы с сионистским Израилем во имя защиты исламских идеалов.

На другом спектре внешних сил, прямо или опосредованно участвующих в арабо-израильском конфликте, - "умеренные", созревшие для переговоров с Израилем и установления с ним нормальных межгосударственных отношений. Это прежде всего -

Египет, который первым подписал в 1979 г. мирный договор с Израилем. Примечательно, что в собственной стране египетские лидеры вынуждены балансировать между светскими и религиозно-экстремистскими партиями и организациями, демонстрировать свою приверженность исламу и сдерживать мусульманскую оппозицию, обвиняющую власть в предательстве "общеарабского дела" за ее "сговор с Израилем". Президент Анвар Садат, подписавший Кэмп-Дэвидские соглашения, собственно, поплатился своей жизнью за такое "предательство" /33/.

Большое значение для развития мирного процесса на Ближнем Востоке имело и установление 26 октября 1994 г. мира между Израилем и Иорданией. Примечателен тот факт, что в отличие от "левых" режимов Ирака и Сирии, иорданская монархия пошла на сотрудничество с мусульманскими фундаменталистами, легитимизировала их "умеренные" организации ("Братья-мусульмане"), представленные в иорданском парламенте. Отдавая предпочтение последним, иорданские власти, вероятно, надеются увидеть в руководстве будущего палестинского государства мусульманских традиционалистов, а не радикалов - выходцев экстремистских мусульманских группировок, способных взорвать политическую стабильность не только в Иордании и на территориях палестинской автономии, но и по всему Ближнему Востоку.

Что касается государств Магриба - Туниса и Марокко, то они, успешно справляясь с фундаменталистской оппозицией у себя дома, отнюдь не склонны поощрять ее за пределами своих государств, в Израиле, в частности. Объективно заинтересованные в мирном завершении конфликта Израиля с арабами и де-факто давно установившие с Израилем дипломатические и экономические отношения, магрибинские правители тем не менее не спешат признать Израиль де-юре с тем, чтобы не дать лишних козырей в руки собственным оппозиционерам, наибольшую опасность среди которых представляют религиозные экстремисты. Насколько серьезной для этих режимов может стать угроза мусульманского терроризма, свидетельствует опыт Алжира /см. подробнее ниже/. Разразившаяся здесь в 90-е годы гражданская война, вызванная чисто внутренними причинами, выявила серьезные несовпадения в подходах к проблемам ближневосточного урегулирования со стороны официальных властей, занявших в целом умеренную примиренческую позицию, и религиозной оппозиции, выступившей с воинственными лозунгами борьбы с Израилем до победного конца и попытавшейся использовать "израильскую карту" для привлечения на антиправительственную платформу большего числа сторонников.

Палестино-израильские соглашения и взаимное признание Израиля и ООП подвели черту под целой эпохой противостояния арабов и евреев на Ближнем Востоке. Но до всеобъемлющего урегулирования здесь все еще очень далеко: не достигнуто соглашения на сирийско-израильских переговорах, продолжаются спорадические рейды израильской авиации в Южный Ливан, в самом Израиле не прекращаются террористические вылазки исламских боевиков - все эти договоренности все же могут расцениваться как настоящий прорыв к миру в самом затяжном и кровопролитном конфликте в регионе.

Выдвинутая мусульманскими "непримиримыми" концепция решения палестинского вопроса за счет государства Израиль имеет только внешнее сходство с политическими инициативами, направленными на всеобъемлющее и справедливое урегулирование ближневосточного конфликта. Она практически не содержит конструктивных предложений, перенося основную тяжесть не в русло борьбы за достижение законных

прав палестинского народа, а в пронизанную религиозно-шовинистическими установками программу построения исламского государства. Вместе с тем участие религиозных кругов, мусульманской молодежи в политической борьбе свидетельствует о расширении массовой базы арабо-палестинской оппозиции, с которой власти Израиля и палестинской автономии вынуждены считаться.

Разрешение арабо-израильского конфликта осложнено воздействием национального и религиозного факторов. Ведь Израиль был создан именно как "еврейское государство", и это изначально ставило арабов в неравное положение. Идея "богоизбранного народа", культивируемая еврейскими ортодоксами, породила ситуацию "культурного насилия", ответом на которую явился палестинский экстремизм в религиозном обличи. Кроме того, и у евреев, и у арабов религия - компонент национальной культуры, образ жизни, традиция, элемент этно-идентификации.

Альтернативой такому межцивилизационному конфликту могло бы стать еврейско-арабское светское государство, построенное по образцу Индии или Ливана. В таком государстве этно-конфессиональные группы конституционно или в соответствии с заключенным между ними пактом о национальном согласии должны быть пропорционально представлены во властных структурах. Недостатком этого варианта решения конфликта является наличие в Израиле двух крупных этно-конфессиональных общностей, одна из которых будет стремиться взять верх над другой в государственной политике и официальной идеологии. Тот же Ливан, который в отличие от Израиля относительно однороден в этническом отношении, сумел просуществовать в мире только несколько десятилетий после заключения в 1945 г. Национального пакта между крупнейшими религиозными общинами страны. Но по завершению гражданской войны 70-х годов верх здесь взяли сунниты. В Нигерии у власти утвердились мусульмане Севера, а в Египте копты сведены до положения меньшинства, и их выдвигают и из правительственных структур, и из страны. Следовательно, совместное проживание в Израиле двух народов, разделенных религией и национальной враждой, которую питают экстремизм и террористические акты, чревато вспышками новых конфликтов, ростом нестабильности. Полное возвращение к так и нереализованному плану ООН по созданию государства Израиль в наши дни уже нереально. Но вот максимальное разъединение двух народов, развитие местного самоуправления на территориях компактного проживания палестинцев, создание автономных территориально-административных единиц, которые в перспективе могут стать базой для отдельных государств - еврейского и палестинского - представляется шагом в сторону выхода из этого тянущегося почти полвека конфликта.

2.2. Алжир: террор во имя веры в условиях гражданской войны

В последние годы Алжир, являвшийся некогда едва ли не "витринным" образцом социалистической ориентации, все более прочно ассоциируется с гражданской войной и терроризмом. Он наряду с Ираном, Суданом и рядом других стран пополнил собой список государств, создающих угрозу региональной и международной безопасности.

Вооруженное противостояние власти и религиозной оппозиции в Алжире не является аналогом исламской революции в Иране или же магрибинским вариантом интифады. Действия алжирских религиозных экстремистов не координируются каким-

либо международным исламско-фундаменталистским центром и гражданская междоусобица в Алжире развивается не под воздействием каких-то мифических заговоров, а под влиянием вполне конкретных и реально осязаемых политических, религиозных, экономических и иных факторов, и исторический контекст имеет здесь едва ли не определяющее значение. При некотором внешнем сходстве алжирского конфликта с аналогичными явлениями в странах Магриба, на Арабском Востоке, да и в Третьем мире в целом, при всем том, что некие типические черты, присущие религиозно-политическим движениям, общественным процессам в этих регионах здесь несомненно присутствуют, опыт Алжира, равно как и опыт любого другого государства, где общество находится в состоянии внутреннего конфликта и потрясения, в общем-то глубоко специфичен и уникален. Перипетии алжирской политической борьбы, приобретающей в 90-е годы форму вооруженного гражданского противостояния, представляют особый интерес и заслуживают самого пристального внимания не только из-за сходства или различия алжирского конфликта с иранской революцией или палестинской интифадой, но прежде всего потому, что позволяют просчитать трудности на пути становления гражданского общества и демократии в странах Третьего мира. Опыт Алжира дает возможность проанализировать реальные шансы и возможности светской или религиозной оппозиции в обществе, отринувшем социалистический выбор и вставшем на путь реформ и демократических преобразований.

В развернувшейся в постсоциалистическом Алжире гражданской войне есть особый интерес для России: ставка алжирских властей на военно-силовые методы при решении проблем защиты стабильности, демократии, правопорядка побуждает пристально вглядываться в противоречивую и трагическую историю современного Алжира. Разумеется, речь не идет о каких-либо прямых аналогиях между Россией и Алжиром. Достаточно вспомнить, что Алжир с его крепкими арабо-мусульманскими корнями дольше других стран Магриба подвергался воздействию Франции, ее политики, экономики, культуры, духовной жизни /34/. Это государство Северной Африки дальше, чем Россия, продвинулось по пути формирования гражданского общества, его экономика была глубже интегрирована в орбиту мирового капиталистического хозяйства, а значит, содержала элементы рыночных отношений. Вместе с тем кое-какие параллели провести можно.

И Алжир, и Россия почти одновременно, хотя и с разных исходных позиций, вступили на путь кардинального реформирования экономической и политической жизни, т.е. фактически они сменили парадигму развития - от социализма к рынку, при том что авторитарные тенденции - пусть и в несколько размытом виде - продолжают сказываться в политике правящих режимов. В обоих государствах происходит мучительная ломка устоявшихся моделей управления, закладываются основы формирования гражданского общества, да и выбор в пользу демократии не сделан окончательно не только большинством населения, но и правящими элитами. Существует и еще одно трагическое сходство: в Алжире, как и в России и в ряде других постсоветских республик, демократическая альтернатива, а точнее сказать заявка на нее, подверглась серьезным, если не сказать фатальным испытаниям на прочность гражданскими войнами, терроризмом, вооруженными конфликтами. В обоих государствах власти неоднократно переходили некую грань, отделяющую чистую политику от гражданской междоусобицы: в России это произошло во время октябрьских событий 1993 г., в ходе войны в Чечне и вызванных ею вспышками терроризма. В Алжире гражданская война не локализована

какой-то одной частью страны, в нее оказалось вовлеченным все население, да и проявления терроризма здесь куда масштабнее, чем в России.

Но рассмотрим сперва в общих чертах, в чем же суть алжирского конфликта /35/.

Гражданская война в Алжире фактически была инициирована самими властями, испугавшимися растущего влияния исламистов /36/. Как известно, в ходе муниципальных выборов в Алжире в июне 1990 г. и первого тура выборов в парламент страны - Национальное народное собрание - в декабре 1991 г. крупнейшая исламистская организация Фронт исламского спасения (ФИС) одержала убедительную победу, завоевав большинство голосов. В то же время "партия власти" - Фронт национального освобождения (ФНО), - безраздельно господствовавшая на политической сцене Алжира на протяжении почти 30 лет, потерпела сокрушительное поражение. Дабы предотвратить приход к власти исламской оппозиции, символом и главным выразителем которой стал ФИС, армия вмешалась в ход событий, как официально утверждалось, "во имя спасения демократии". Результаты выборов были аннулированы, президент Шадли Бенджедид был обвинен в потворстве исламистам и вынужден был уйти в отставку, а власть в стране перешла к Высшему государственному совету, состоявшему из генералов-"реформаторов". Этот коллегиальный орган управления осуществлял полномочия до конца 1993 г., после чего предусматривалось проведение президентских выборов.

ФИС был объявлен вне закона, его лидеры арестованы и брошены в тюрьмы. Несколько сот рядовых членов ФИС, преимущественно молодые люди, были депортированы в так называемые "лагеря безопасности" на юг Алжира. Был наложен официальный запрет на контролируемые ФИС профсоюзы, газеты, издания, ассоциации и пр./37/. Сторонники ФИС и некоторых других исламских организаций ответили на эти действия террором, начав планомерный отстрел своих противников, главным образом журналистов, представителей интеллигенции, которых они считали "идеологами" правящего режима, полицейских, агентов спецслужб, жандармерии, а также иностранцев, в первую очередь французов. Исламисты использовали и коллективные меры воздействия - взрывы самодельных бомб и начиненных взрывчаткой автомобилей в местах большого скопления народа. Священная война развернулась и за пределами Алжира, особенно во Франции, которую исламисты не без основания считают покровительницей официальных властей Алжира. По некоторым данным, с января 1992 г. в Алжире, превратившемся в арену настоящей гражданской войны, от насилия погибло от 30 до 40 тысяч человек /38/.

Реакция алжирского правительства была еще более жесткой: 9 февраля 1992 г. в стране было объявлено чрезвычайное положение, усиленное в декабре того же года введением комендантского часа в 10 районах страны. Исламистов, взявших в руки оружие, безжалостно истребляли, при том что методы властей были не более гуманны, чем средства борьбы, к которым прибегли экстремисты. Руководствуясь лозунгом "Цель оправдывает средства", алжирский военный режим постарался не обращать особого внимания на жертвы - как со стороны исламистов, так и из числа антитеррористических сил безопасности. Время от времени власти начинали вести переговоры с оппозицией, но они выглядели скорее как тактический маневр, нежели были похожи на намерение всерьез допустить исламистов к легальной политической жизни.

Тем не менее исламистам удалось создать в стране обстановку страха и неуверенности. Оценивая итоги почти годового противостояния власти и оппозиции в Ал-

жире, газета "Сегодня" писала: "Неизвестно, к чему привело бы страну правление исламистов, но к чему привело решение аннулировать выборы, известны: страна погрузилась в хаос и насилие, хотя власти, естественно, винят в этом исключительно исламистов"/39/.

Между тем 30 января 1994 г. Высший государственный совет назначает президентом Алжира Ламина Зеруаль, занимавшего до этого пост министра обороны. Зеруаль, получивший блестящее военное образование и стажировку в Иордании, Франции, СССР, пользовался авторитетом и доверием и в армии, и в стране. Стремясь придать своему правлению легитимный характер, он объявляет 31 декабря 1994 г. о решении провести первые демократические президентские выборы, как то предусматривала конституция Алжира 1989г. Однако способность властей стабилизировать ситуацию в стране с помощью президентских выборов вызывала сомнение: ведь диалог с оппозицией не мог состояться из-за отказа правительства выполнить главное условие ФИС - освободить из заключения его руководителей и восстановить Фронт в законных правах. Это означало, что загнанной в угол оппозиции не оставалось ничего иного, как вновь прибегнуть к оружию, и эта логика делала мирный процесс недостижимым.

Но несмотря на ситуацию фактической гражданской войны, 16 ноября 1995 г. в Алжире все же были проведены выборы, победителем которых, как и ожидалось, стал Ламин Зеруаль. Их исход, с одной стороны, означал легитимизацию тех сил, которые помешали исламистам прийти к власти, а также неприятие населением, если не самой идеи, то по крайней мере методов борьбы, избранной ФИС. С другой стороны, выборы проводились в условиях вооруженного противостояния исламистов с военным режимом и при бойкоте самих выборов главными оппозиционными силами страны - ФИС, ФНО, Фронтом социалистических сил (ФСС). А ведь они в декабре 1991 г. завоевали на парламентских выборах в общей сложности 80% голосов всех избирателей. Следовательно, оставалось неясным, как генерал-президент и его сторонники, действовавшие в качестве гарантов сохранения стабильности в стране, собирались подвести черту под гражданской войной, ибо не было никаких оснований полагать, что оппозиция добровольно захочет сложить оружие. Дальнейшие события лишь подтвердили худшие опасения.

Не найдя лучшего выхода из кризиса, генерал Зеруаль принял решение провести в Алжире референдум, чтобы укрепить свою власть путем изменения конституции, которая призвана была легализовать все изменения, происшедшие в стране после отмены результатов всеобщих выборов 1991 г. За счет огромных полномочий, предоставлявшихся президенту, резко сокращались права других демократических институтов власти, а главное - запрещалось создание партий на религиозной, расовой, языковой, половой, корпоративной или региональной основе. Новая конституция провозглашала единственным языком - арабский, что резко ущемляло права берберов /40/. Ислам провозглашался государственной религией. Новая конституция, таким образом, не оставляла исламистам никаких шансов законным путем получить власть и вообще действовать легально на политической арене.

28 ноября 1996 г. население Алжира одобрило новую конституцию, однако оппозиция не собиралась сдаваться и объявила о намерении довести до победного конца вооруженную борьбу с "репрессивным режимом". Обращает на себя внимание то обстоятельство, что именно ФИС и другие исламские группировки и движения, а не социалистические или демократические партии и организации выбились в авангард поли-

тической борьбы, стали главными соперниками алжирских генералов, возглавивших реформы. Означает ли это, что конфликт в Алжире носит религиозный характер и борьба здесь идет за выбор между светской и религиозной альтернативами, между демократами- реформаторами и консерваторами, зовущими в прошлое?

На первый взгляд все выглядит именно так, по крайней мере, если прислушаться к официальной риторике алжирских властей. При ближайшем же рассмотрении феномен исламизма в Алжире начинает представляться явлением достаточно сложным, многогранным и противоречивым, в то время как армию и ее руководителей едва ли можно безоговорочно считать силой, символизирующей демократию в Алжире. Выход исламистов на передний край политической борьбы, их превращение в ударную силу современного политического процесса в Алжире обусловлены к тому же рядом объективных и субъективных факторов, которые объясняют, почему за столь короткий срок исламская оппозиция завоевала широчайшую общественную поддержку.

Главная причина кроется в политико-религиозных традициях Алжира, которые были заложены еще в колониальный период, когда именно ислам стал знаменем и идейным стержнем освободительной борьбы. В пору проведения в стране социалистического эксперимента эта традиция получила своеобразное развитие: ФНО, установивший в 60-70-е годы почти тотальный контроль над всеми сферами экономической, политической и духовной жизни, пытался прибрать ислам к рукам, использовать его в официальной идеологии и в борьбе с демократической оппозицией /41/. Президент Бумедьен, задавшийся целью превратить Алжир в современное индустриальное государство, был убежден, что модернизация автоматически сметет архаичные религиозные традиции, которые не вписывались в ход истории. Произошло, однако, обратное. В условиях отсутствия демократических институтов и легальных каналов для выражения оппозиционных настроений, "дикие", неподконтрольные официальному исламу мечети, появившиеся на окраинах городов, в бидонвиях, в гаражах, на фабриках, словом, всюду, где имелось место для молитвы, превращались в места концентрации исламистов. "Параллельный", неофициальный ислам в условиях подавления всякого инакомыслия в Алжире становился политическим оружием для части диссидентствующей интеллигенции, оппозиционно настроенной молодежи, некоторых религиозных деятелей. Сходная картина наблюдалась в этот период и в соседних государствах Северной Африки, особенно в Египте, где со времени правления президента Насера исламизм, или политический ислам, также превратился в главную ударную силу оппозиции /42/.

Алжирские власти "вынашивали" исламизм и в период правления преемника Х.Бумедьена, президента Шадли Бенджедида, курс которого нередко ассоциируется некоторыми аналитиками с политикой египетского президента Анвара Садата, поскольку, как и Садат, Бенджедид пытался балансировать между "левыми" и исламистами. Бенджедида называли также и "алжирским Горбачевым" /43/: стремясь каким-то образом ослабить всевластие старой партноменклатуры ФНО, ставшей тормозом на пути реформирования алжирского общества, этот алжирский лидер в условиях слабости и разрозненности демократических и социалистических организаций, занимавших к тому же традиционно враждебную позицию в отношении правящего режима, вынужден был делать ставку на исламскую оппозицию, которую он надеялся удержать под контролем.

Известный алжирский писатель Рашид Буджедра, указывая на причины, породившие появление на политической арене ФИС, который он называет "фронтон ненависти", подчеркивает: "Сама политическая власть в Алжире с эпохи Бен Беллы до

Шадли Бенджедида, включая долгий переходный период, прошедший под знаком Бумедьена, способствовали утверждению интегризма, (то есть исламизма - Д.М.), трусливо отдав в полное его распоряжение мечети... Интегризм был нужен алжирским политикам, потому что, укрепляя, поддерживая и расширяя это религиозно-националистическое течение, власть опиралась на него всякий раз, когда необходимо было создать оппозицию левым силам" /44/.

В результате, к началу 90-х годов ФНО оказался деморализованным, он утратил контроль над развитием событий, в то время как ФИС стремительно набирал популярность и заставлял власть считаться с собой. Предназначая, таким образом, исламу функцию сдерживающей силы, барьера на пути проникновения буржуазных или демократических идей, и одновременно с этим препятствуя становлению в Алжире гражданского общества, власть сама породила оппозицию, которая стала легко склоняться к экстремизму и террору как к методам решения социальных и политических проблем.

Но не только политические заигрывания власти с исламистами способствовали подъему их популярности. Экстремизм в Алжире прорастал на неблагоприятном экономическом и социальном фоне. Падение цен на нефть во второй половине 80-х годов усугубил переживаемый страной серьезный экономический кризис. Рыночные реформы, которые пытался проводить "обновленный" ФНО, отказавшийся от социалистического выбора, не принесли заметных результатов, не разрешили множества тяжелейших социальных проблем и не облегчили жизни основной массе населения. Разрушенное социалистическим экспериментом сельское хозяйство, умирающая промышленность, безработица и отсутствие перспективы - все это рождало разочарование и недовольство курсом, проводимым властями, создавало психологический дискомфорт, делало власть уязвимой перед выпадами оппозиции.

Политическая система Алжира, смоделированная с французского образца, оказалась ни чем иным, как псевдодемократией. Как писал Г.И.Мирский, оценивая итоги постколониального развития освободившихся стран, "эта "демократия", привнесенная извне на неподготовленную почву, не опиравшаяся на традиции, не выстраданная веками борьбы за гражданские свободы и права, обернулась в условиях засилья "квазибуржуазных" нуворишей карикатурой на демократию. Борьба политических партий выродилась в беспринципную грызню фракций, клик, кланов; неудержимо росла коррупция; на глазах у всех богатела, рвалась к роскоши новая элита, невероятно наглая, циничная до предела, насквозь прогнившая уже при своем рождении. На государственной арене копошились политические пигмеи, оспаривавшие друг у друга куски пирога власти, алчные и бессильные" /45/.

Вынужденная искать новый источник легитимности, чтобы заставить народ примириться с издержками экономической реформы, власть идет на некоторые политические послабления. Так, принятая в 1989 г. новая конституция открывает дорогу многопартийности, позволяет выйти из подполья ряду политических партий и организаций, включая ФИС. Закон об амнистии, принятый Национальным собранием в сентябре 1989 г., открыл дорогу на волю многим содержавшимся в заключении исламистам. Часть из них влилась в ФИС, а часть пополнила ряды других экстремистских организаций.

В условиях продолжавшегося морального кризиса общества, когда росли неуверенность и тревога и "никто ни во что не верил", все более широкую популярность приобретали исламисты, клеймившие правящий режим. Они по сути использовали де-

мократию и гласность как плацдарм, дававший им возможность осуществить вполне легальное пришествие во власть.

Успеху исламистов объективно способствовала слишком быстрая смена в алжирском обществе идеологических ориентиров, когда в поисках нового источника легитимности, а также в попытках обойти исламистов справа, подорвать их влияние правящие круги, особенно в период правления Ш.Бенджедида, насаждают вместе с идеями "алжирского социализма" национализм и арабизм. В тот период один из известных лозунгов ФНО - он был заимствован у Ассоциации улемов-реформаторов, активных участников национально-освободительной войны 1954-1962 гг. - гласил: "Алжир - мое отечество, арабский - мой язык, ислам - моя религия" /46/. Непосредственным результатом подобной политико-идеологической установки явилась усиленная арабизация: в Алжире были приняты законы, запрещающие использование любого другого языка, кроме арабского; система образования перешла в руки духовных лиц, которых приглашали из Саудовской Аравии, эмиратов Персидского залива, других арабских стран, поскольку в самом Алжире не хватало преподавателей-знатоков арабского языка. Увлечение французским языком и культурой бывшей метрополии было признано "непатриотичным", и власти поощряли возрождение арабских и мусульманских традиций, которые, как им казалось, могли с успехом служить им в качестве своего рода идеологического подспорья. Другой стороной этого явления стал религиозный и культурный изоляционизм, рост в алжирском обществе религиозного фанатизма и обскурантизма.

Последнему в немалой степени способствовали слабость и разобщенность светского политического крыла, отсутствие массовой социальной базы у демократической оппозиции, переход части интеллигенции на позиции радикализма, сближение ее представителей с исламистскими движениями /47/.

Практически все политические партии Алжира, включая и ФНО, пытались тем или иным путем "навести мосты" с ФИС, что, по мнению ряда алжирских публицистов (Рашида Мимуни, Рашида Буджедры), свидетельствовало о политической неустойчивости элиты и интеллигенции, шаткости их демократических убеждений /48/. Единственно, кто выступил против любого диалога с исламистами и занял по отношению к этому течению непримиримую позицию, было Объединение за культуру и демократию. Впрочем, подобная реакция Объединения была легко предсказуема, поскольку эта партия имела массовую базу среди берберского населения Кабилии. В политическом усилении исламизма кабилы, отстаивающие на протяжении многих лет свою автономию и выступающие за равноправие берберского языка с арабским, усматривают опасность для собственного развития в качестве отличной от арабского большинства этнической группы.

Радикализации политической жизни Алжира, переходу исламского политического движения на позиции экстремизма способствовали и внешние факторы. Речь, разумеется, не идет о каком-то "исламском центре", планирующем "захват демократии" в развивающемся мире, о чем постоянно пишут на Западе, где за рассуждениями о "зеленой угрозе" все же видится больше пропаганды, нежели реальных фактов. Как замечает американский исследователь Л.Хейдар, "в отличие от коммунизма времен его расцвета, исламское движение не является могущественной глобальной идеологией, соперничающей с демократией" /49/.

Источником нестабильности в Алжире стал в первую очередь Афганистан, превратившийся в 90-е годы в главный центр по поставке боевиков в "горячие точки" ми-

ра. "Помогла" ФИС и война в Персидском заливе, которая фактически расколола арабский мир, поделив его на сторонников "многонациональных сил" - к ним в основном принадлежал арабский политический истеблишмент - и на сочувствующих иракскому диктатору Саддаму Хусейну, который выглядел в глазах многих едва ли не последним оставшимся среди арабских лидеров борцом за арабское единство. Позиция ФИС, осудившего Запад за вмешательство в арабские дела, резко контрастировала с отношением к иракскому режиму властей Алжира, официально придерживавшихся осторожного нейтралитета, а фактически поддерживавших антииракскую международную коалицию. Французский исследователь Реми Лево обращает внимание на то обстоятельство, что лидеры ФИС вряд ли испытывали симпатии к иракскому диктатору Саддаму Хусейну. Развернув кампанию в его поддержку, они просто использовали ее для критики в адрес собственных властей /50/.

Позиция последних, впрочем, также была неоднозначной: алжирские руководители опасались, как бы Запад и особенно США не использовали кризис в Заливе для утверждения в регионе Ближнего Востока своей гегемонии. Если учесть, что нефтяные монархии Персидского залива, которые занимали в целом проамериканскую позицию, издавна поддерживали исламскую оппозицию в Алжире, а ФНО много лет вместе с Саддамом Хусейном стоял на антиизраильской платформе, опасения алжирских властей относительно того, что Запад в этом раскладе может предпочесть ФИС правящему ФНО, не были лишены оснований.

Усилению исламских тенденций в политической жизни Алжира способствовали также и глобальные изменения в мире. С окончанием "холодной войны", а затем и с распадом СССР и мировой системы социализма, Алжир лишился мощной экономической, политической и идеологической подпитки извне, которой он пользовался, подобно другим странам социалистической ориентации, на протяжении нескольких десятилетий соперничества сверхдержав в Третьем мире. Если добавить к этому, что изменения в мире сопровождались и экономическим спадом - падением цен на нефть в 1985-1986 гг., многими другими факторами, влиявшими на размеры инвестиций и финансовую помощь странам Магриба, - то станет ясно, что экономические трудности лишь способствовали агитации исламистов. Ведь в отличие от светских политических партий и организаций, мечеть оставалась относительно независимым институтом в Алжире, а потому некоторым представителям духовенства и политикам, взявшим на вооружение исламскую доктрину, удалось замкнуть на себя недовольство безработных, молодежи /51/ и той части населения, которая более всего пострадала от перемен и экономических трудностей.

Итак, победа исламистов была предрешена неспособностью властей решить в короткий срок болезненные социальные проблемы общества, их ошибочной тактикой, нацеленной на поддержку исламистов в противовес демократической и левой оппозиции, отсутствием у демократов массовой социальной базы, наконец, стремлением алжирской интеллигенции противопоставить себя власти, содействовать подрыву ее авторитета всеми средствами, включая и крайние, экстремистские. Интеллигенция не только не увидела в программе исламистов угрозы демократии, но, одержимая стремлением подорвать позиции правящего режима, стала сотрудничать с ФИС и другими организациями подобного рода. Единственной силой, оказавшейся способной в этих условиях противостоять исламу, стала армия.

Внешне она действовала по схеме, реализованной в свое время чилийским диктатором Пиночетом, который, совершив военный переворот, сумел провести успешные экономические преобразования в условиях жестокой диктатуры.

Задача алжирских военных, претендующих на то, чтобы стать гарантами продолжения реформ, была облегчена тем особым положением, которое занимает армия в политике этого государства. Национальная народная армия Алжира активно участвовала в политической борьбе, осуществляя функции своего рода "приводного ремня" - от партии к массам. Алжирский журналист Брахим Юнесси подчеркивает в связи с этим: "Алжир не был, как об этом пишут политологи, партией-государством, он был армией-государством" /52/. Все функционеры ФНО и руководители государства - выходцы из армейских кругов. На вопрос "Кто в Алжире принимает решения?", арабский публицист Шериф Узани отвечает: "Генеральский конклав, права которого не предусмотрены законом, но который фактически контролирует всю политическую систему Алжира" /53/.

Всякий раз, когда алжирские власти не в состоянии были изыскать других средств для ликвидации порождаемых ими же самими кризисных ситуаций, они, не колеблясь, пускали в ход военную силу. Так было в октябре 1988 г. во время массовых антиправительственных беспорядков, подавленных с помощью армейских подразделений. В конце 1991 г. армия вновь оказалась единственным надежным и профессиональным институтом общества, на который власти могли реально положиться. Армия выглядела и как единственная организованная политическая сила, верная курсу реформ и готовая отстаивать светский путь развития Алжира, в то время как победа ФИС грозила разрушить те завоевания, которые мучительно и трудно пробивали себе дорогу: эмансипацию женщин, светское образование, политический плюрализм и демократические свободы.

Но собирались ли в действительности исламисты повернуть вспять развитие алжирского общества?

До военного переворота они заявляли о себе лишь на уровне популистских установок, и их рассуждения о необходимости построения в Алжире модели исламского государства выглядели весьма туманными и неконкретными. Давая оценку программным установкам исламских фундаменталистов, Л.Хейдар подчеркивает, что они представляют собой "странную смесь атавизма, романтизма и уважения к некоторым идеям свободного рынка и западной технологии. Мечеть и аудиокассеты стали главными пропагандистскими орудиями, отражающими их видение Запада сквозь призму любви-ненависти" /54/.

На сегодняшний день на политической сцене Алжира действует несколько движений, которых можно отнести к категории исламистских. Наиболее влиятельным среди них, разумеется, является ФИС. Он был основан 18 февраля 1989 г. в городе Алжире профессором Аббаси Мадани и молодым учителем средней школы Али Бельхаджем. Легально зарегистрирован ФИС был в сентябре 1989 г. Первоначально политическая платформа организации /55/ носила достаточно умеренный характер. Она, в частности, предусматривала проведение рыночных преобразований, ограничение государственного вмешательства в экономику, приведение законов страны в соответствии с нормами шариата, а также признание за неарабскими языками и культурами права на равное существование. Последнее было очень важно, учитывая остроту национальной проблемы Алжира. Все эти программные установки не давали оснований считать ФИС силой,

способной направить развитие Алжира по иранскому образцу, хотя исламский элемент - в части, касавшейся положения женщин, образования, внешней политики, - был бы внесен в жизнь алжирского общества.

Поскольку ФИС в значительной мере аккумулировал недовольство народа своим бедственным положением, он превратился в "партию отчаявшихся" /56/ - широкое социальное движение, рекрутировавшее своих сторонников в бедных городских кварталах, чаще всего среди безработной молодежи. Но были среди сторонников ФИС и представители интеллигенции, обеспеченных слоев. 67% кандидатов ФИС на муниципальных выборах 1990 г. и парламентских выборах 1991 г. имели дипломы об окончании высших учебных заведений. И вообще, вопреки распространенному на Западе стереотипу, основывающемуся на "демонизации ислама" (это выражение принадлежит видному американскому специалисту по исламу Дж.Эспозито /57/), лидеры ФИС и некоторых других исламистских организаций Алжира вовсе не были сторонниками возрождения архаичных порядков. Не задавались они целью вернуть страну в средневековье, в прошлое и, похоже, едва ли намеревались всерьез заняться построением в Алжире исламского государства по иранскому образцу. Да и не эти декларируемые планы явились причиной вмешательства армии в политику. Просто ФИС превратилась во влиятельный выразитель оппозиционных настроений, и эта мусульманская организация стала серьезным конкурентом правящей элиты, которая и поспешила убрать его с политической сцены.

Впрочем, справедливости ради следует признать, что исламское движение и не было столь уж миролюбивым и безобидным. В его рядах всегда существовала экстремистская радикальная ветвь, а так называемый исламский терроризм - явление, далеко не новое для Алжира, и возникло оно отнюдь не в 1992 г. Так, еще в начале 80-х годов в Алжире заявила о себе небольшая группировка - Вооруженное исламское движение (ВИД), численностью не более 200-300 человек, созданная Мустафой Буали. Она ставила своей целью насильственное свержение существовавшего в Алжире строя и в 1985-1986 гг. организовала несколько вооруженных столкновений с полицией. Они, однако, закончились для ВИД и ее лидеров печально: в одной из стычек с властями М.Буали был убит, большинство участников движения было арестовано и приговорено военными трибуналами к различным наказаниям - от смертной казни до тюремного заключения на длительные сроки. После амнистии 1989 г. оставшиеся в живых члены ВИД вышли на свободу и влились в ФИС, а затем и другие радикальные организации. Волна террора, захлестнувшая Алжир после военного переворота 1991 г., вывела на поверхность политической жизни те экстремистские силы, которые в условиях нормального демократического процесса, возможно, и не пополнили бы ряды фанатиков и террористов. Иначе говоря, для исламских радикалов военный переворот стал своего рода подарком, так как вывел их на передовую линию политики.

Скорее всего именно ВИД породило вооруженные группировки, развернувшие в Алжире террор и настоящую гражданскую войну. Речь идет об Исламской армии спасения (ИАС), Вооруженной исламской группе (ВИГ) и Движении за исламское государство - группировке, отколовшейся от ИАС и какое-то время сотрудничавшей с ФИС /58/.

ИАС была образована в 1992 г. бывшим офицером алжирской армии Саидом Маклуфи и Абделькадером Шебути, мусульманским активистом, участником освобо-

дательной борьбы, членом ФНО, а затем последователем М.Буали. С временем ИАС стала, по-видимому, вооруженным крылом ФИС /59/.

Две другие экстремистские группировки действуют как будто бы автономно, хотя наблюдатели и не исключают существующего между ними взаимодействия. Одновременно с этим есть немало сообщений о вооруженных столкновениях между боевиками ВИГ и ИАС /60/, что может свидетельствовать об отсутствии единства в рядах исламистского движения и о распрях между ними, вызванными борьбой за лидерство, столь естественные в условиях гражданской войны.

ВИГ получила известность "благодаря" громким террористическим актам, совершенным в Алжире и во Франции. Эта группировка выступает за построение в Алжире исламского государства и широко использует насилие для достижения своих политических целей. Костяк ВИГ составляют молодые люди и ветераны-"афганцы". Группировка не вступает в переговоры с властями, полностью отвергает политические методы борьбы, считая чисто военную победу главным средством достижения поставленных целей.

На стороне оппозиции действуют еще несколько религиозно-политических группировок экстремистского толка: Исламский джихад, Ак-Такфир валь-Хиджра (Обвинение в неверии и переселение) и другие. Имеется и ряд исламских организаций, выдвигающих относительно умеренные программы. Это - Хамас (Движение за исламское общество), Ан-Нахда (Возрождение) и некоторые другие.

Хамас действует, например, не как политическое движение, а как культурно-просветительская организация. Она высказывается также за широкую демократизацию алжирского общества, в защиту прав человека, сочетая эти требования с призывами внедрения исламских ценностей в повседневную жизнь граждан. После введения в стране чрезвычайного положения лидеры этой организации выступили за диалог с властями и поддержали запрет на политическую деятельность для исламистов.

Те нюансы и различия, которые существуют в идеологии и практике современного исламского движения Алжира, как его умеренного крыла, так и экстремистского, не затеняют наличия в нем неких общих черт. Это - отрицание западных моделей развития, приверженность идее особого пути, в основу которого должны быть положены фундаментальные ценности ислама вкупе с достижениями современной технической цивилизации. Словом, алжирские исламисты - по крайней мере это относится к ФИС - не являются традиционалистами, ратующими за возрождение архаично-консервативных порядков. Они скорее представляют исламистско-реформаторское крыло современного фундаментализма.

Алжирские генералы и политики, представители спецслужб и силовых структур - все те, кто осуществил и поддержал военный переворот, стремятся представить дело таким образом, будто насилие оставалось единственным средством, способным защитить слабую алжирскую демократию, а исламские экстремисты сами-де толкнули власти к нелегитимным действиям. В трактовке алжирских официальных лиц только армия стала тем единственным политическим институтом, который выступил гарантом демократии. Но если попристальнее всмотреться в алжирские реалии, то придется признать тот факт, что военный переворот прервал переход Алжира к демократии. Тем более трудно вести речь о демократическом процессе в условиях гражданской войны и непрекращающихся актов террора. Очевидно, что власть и впредь будет видеть свою главную опору и поддержку в силовых структурах, которые только одни и могут реаль-

но обеспечить безопасность правящего режима, но отнюдь не рядовых граждан. Следовательно, осуществив военный переворот, власть привела и себя, и все алжирское общество к тупиковой ситуации: государство вынуждено опираться на армию и силы безопасности, но "искоренить" исламизм, предотвратить акты террора она не может. Экономические трудности, массовая безработица, маргинализация общества объективно играют на руку религиозному экстремизму, пополняя его ряды за счет "исключенных из процесса развития" /61/.

Насильственное отстранение ФИС от политики лишь усилило позиции сторонников жесткой линии в рядах исламского сопротивления, а "вычеркивание" этой организации из общественной жизни нарушило складывавшийся хрупкий политический баланс. Можно предположить также, что легализация ФИС расширила бы базу умеренных в этом движении, способствовала бы его трансформации в современную политическую партию. Ведь имеется немало примеров, когда властям удавалось ограничить рост экстремизма в обществе после того, как лидеры этого течения становились действующими политиками. Подобные процессы наблюдаются в Израиле, где Ясир Арафат, слышавший некогда "террористом N1", возглавляет администрацию палестинской автономии и вместе с израильским правительством пытается (или делает вид, что пытается?) противостоять экстремистам Хамас. В Ливане проиранское движение Хезболлах, занимавшее в середине 80-х годов ультрареволуционные позиции, пошло на некоторое сотрудничество с властями, снизило свою политическую активность. В Египте и Иордании, параллельно с отдельными всплесками религиозного радикализма, идет процесс легализации фундаменталистской оппозиции и приобщения ее к государственным институтам.

Есть, конечно, и другие примеры - Иран и Судан, где приход к власти фундаменталистов (в первом случае в результате революции, во втором - после военного переворота) ознаменовал собой откат назад, способствовал укреплению репрессивных диктатур. Но искоренить это явление в одночасье не представляется возможным не только в этих странах, но и нигде в мире.

В Алжире "пробуксовка" реформ, отсутствие демократии, ставка на силу в ходе взаимодействия с политическими оппонентами лишь усугубили существующие проблемы, но не решили их. Тем бесперспективней выглядит в этой связи курс на военное подавление исламской оппозиции. Как бы власти не стремились представить исламистов "воплощением зла", они не являются таковыми. ФИС и подобные ему объединения исламистов - всего лишь социальные движения, порожденные самой жизнью. Преследование их, запрет или какие-либо иные нелегитимные, насильственные действия против них провоцируют рост экстремизма как со стороны оппозиции, так и со стороны власти и армии.

Подъем исламизма в Алжире, в других арабских странах в общем-то остается неизбежным на этапе трансформации старого экономического и политического порядка, поскольку подобный переход влечет за собой ломку устоявшихся общественных отношений, тяжелые социальные издержки, которые готовы компенсировать религиозные организации. Приход к власти ФИС и подобных ему социальных движений не представляется таким уж фатально трагическим для судеб Алжира, других развивающихся стран, ибо эти движения просто вынуждены будут принять многообразие социальных и политических проблем общества, начать искать политических союзников, каким-то образом модифицировать свои теократические программы, если они имеются у

них, приспособивая их к нуждам современного общества. Они вынуждены будут учитывать интересы и взгляды соперничающих с ними групп общества - деловых людей, армейских кругов, потенциальных зарубежных инвеститоров.

И конечно же, для того чтобы управлять такой страной, как Алжир, им явно недостаточно будет одного только религиозного рвения. На что уж фанатичны иранские аятоллы, но даже они вынуждены прибегать к прагматизму в экономике и политике. Опыт Алжира свидетельствует и о том, что крестовый поход против исламской оппозиции таит в себе большую опасность, потому что загоняет ее в подполье, многократно усиливает экстремизм в обществе. И в этом состоит главный урок, который преподносит Алжир обществам переходного периода, к числу которых относятся и Россия, и новые независимые государства Юга Содружества.

ВЫВОДЫ.

1) Окончание "холодной войны" привело мусульманский терроризм к некоторой мутации. Если раньше - в 70-е годы, например, - между террористическими группами, как светского, так и религиозного характера, существовали прочные связи, они действовали относительно скоординированно, то в наши дни из "государственного", то есть находящегося под контролем какого-то одного или нескольких центров (Бейрут, Триполи, позднее Тегеран), терроризм превратился в "стихийный", полицентрический, гораздо менее управляемый. Ныне все большее число террористических организаций предоставлено самим себе, и прежние рычаги влияния на них не действуют. В условиях утраты четких ориентиров, падения дисциплины, насилие превращается для мусульманских группировок зачастую просто в самоцель. Они распадаются, вновь возникают под другим названием, меняют руководство, словом, становятся все менее уловимыми. Спецслужбы с их новейшей, изощренной техникой, рядовые граждане - не только в Израиле и Алжире, но и в США и Европе - по-прежнему уязвимы перед все новыми выбросами насилия, прикрываемого религиозно-экстремистской риторикой.

Повышенная политическая активность, готовность прибегнуть к крайним методам, включая и терроризм, свойственные экстремистскому крылу фундаменталистских течений, создают серьезную угрозу безопасности и стабильности в мусульманском регионе и за его пределами.

2) Усложнилась в новых исторических условиях и схема международного терроризма, где доля мусульманского элемента весьма заметна. Речь идет о лагерях подготовки, каналах финансирования, источниках приобретения оружия, боеприпасов, технических средств и пр. Утратив постоянных "спонсоров" (в прошлом одним из них был Советский Союз), мусульманский терроризм вынужден заниматься торговлей оружием и наркотиками, что приводит к его тесному сращиванию с международным преступным бизнесом. Две эти силы заинтересованы в продолжении внутривосточной конфронтации, вооруженных конфликтов, поскольку в условиях нестабильности легче получать прибыль. Следовательно, пока к примеру, ближневосточный конфликт будет продолжаться, терроризм будет получать мощную подпитку, а его "политическая элита", рядящаяся в одежды "защитников ислама", будет с выгодой для себя распределять неконтролируемые финансовые потоки. И для Хамас, и для Хезболлах, и для ФИС террор остается прибыльным бизнесом, с которым лидеры этих организаций так легко не рас-

станутся. Именно они являются самой влиятельной на Арабском Востоке "партией войны", поскольку вне конфликта они не найдут себе такого выгодного применения.

3) Как бы "провинциально" и отдаленно от так называемого цивилизованного мира не выглядело еврейско-арабское или внутриафриканское противостояние, оно требует международного вмешательства. Ведь терроризм и экстремизм редко остаются локализованы, они стремятся как можно шире распространить сферу своей деятельности за пределы страны и региона. В то же время заблуждением было бы полагать, что эти явления могут быть искоренены волевым решением, силовым давлением со стороны государственной власти или извне вследствие вмешательства международных организаций, великих держав и т.п. Вот ведь в Алжире исламские фундаменталисты, ранее не особо заметные на политической арене, превратились - во многом "благодаря" волево-му решению властей отменить результаты выборов и последовавшими за этим репрессиям - во влиятельную силу, представляющую серьезную опасность для стабильного развития государства, для формирования здесь гражданского общества и для перспектив демократии в целом.

4) Не всегда являются панацеей от экстремизма и демократические выборы, хотя нельзя не признать, что в некоторых случаях они способны снизить уровень конфликтности, как это было в Северной Ирландии или в Чечне. Но в то же время в Израиле выборы, предоставившие палестинцам большие права, так и не привели экстремистские организации к умиротворению. Да и в Алжире события, последовавшие после последних президентских выборов, не внушают пока особого оптимизма.

5) В наши дни, когда мир больше не поделен на "белых" и "красных", на враждующие лагеря социализма и капитализма, религия и национализм в программных установках палестинских, алжирских, египетских, других экстремистов становятся новой идеологией. В Израиле, Алжире, некоторых других странах Третьего мира водораздел между конфликтующими сторонами проходит не только по линии политического, религиозного размежевания, но и в мировоззренческом плане, где на одном полюсе представлены силы, ратующие за изоляционизм, самобытный путь, консервацию архаичных традиций и порядков, словом, "антизападные", "антимодернизаторские" движения и идеологии, а на другом - сторонники экономической и политической интеграции с международным сообществом, выступающие за включение своих стран в мировую экономическую и информационную сеть, за развитие по западной плюралистической модели.

Между участниками таких конфликтов возможны временные компромиссы, перемирия, переговоры - именно эту картину мы наблюдаем в ходе ближневосточного мирного процесса, в Алжире, в некоторых других конфликтах, где в одной из конфликтующих сторон тон все чаще задают экстремисты и террористы, а другая сторона все больше полагается на силу, на принуждение. Но окончательное примирение между конфликтующими группами в рассмотренных выше конфликтах вряд ли достижимо в обозримом будущем. (Как наивно надеяться на то, что в результате дейтоновского мира сербы, хорваты и мусульмане станут сразу же братьями). Вероятно, та иррациональность, которая присуща национальной, этнической или религиозной нетерпимости, препятствует переводу конфликта в русло ненасильственных действий.

ГЛАВА 3. ЭТНОСЕПАРАТИЗМ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ НА КАВКАЗЕ.

В третьей главе на материалах армяно-азербайджанского, грузино-абхазского и российско-чеченского конфликтов исследуется феномен этносепаратизма на Кавказе. Понятием "этносепаратизм" обозначается здесь стремление к отделению крупных сообществ людей, обладающих свойствами этносов, компактно проживающих на территории, которую они считают своей исторической родиной, формирующих независимые от государства-метрополии структуры и атрибуты власти и противостоящих ему в идеологической, политической, правовой и военной сферах.

Этносепаратизм в Содружестве Независимых Государств - явление новое и малоизученное, а трагические события конфликтов на Кавказе, равно как и в других регионах постсоветского пространства, еще не устоялись во времени, многие их обстоятельства не прояснены или изложены пристрастно, отсутствует правдивая и объективная история этих конфликтов. Конфликты, порождаемые этносепаратизмом, принадлежат к числу наиболее трудноразрешимых, и мировая теория и практика едва ли может что-либо изменить. Но несмотря на это, исследование феномена этносепаратизма на Кавказе имеет важное международное значение ввиду остроты этой проблемы в государствах Центральной и Восточной Европы, в некоторых странах Запада, но особенно в Третьем мире. Как и там, конфликты на Кавказе порождены сложными взаимоотношениями между народами региона, противоречиями в религиозной сфере. Вместе с тем этносепаратистские тенденции на Кавказе, хотя и имеют определенное сходство с аналогичными явлениями в Третьем мире, порождены специфическими причинами.

Кавказ является наиболее уязвимым звеном постсоветской системы. Здесь, начиная с февраля 1988 г., то есть со времени возникновения конфликта между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, произошла большая часть межэтнических столкновений, территориальных споров, гражданских войн (см. ТАБЛИЦУ I).

Таблица 1

Вооруженные конфликты на Кавказе
(1988-1996 гг.)

Конфликт	Начало	Оконч.	Конфликтующие стороны	Стадия
Армяно-азерб.	1988 февраль	?	Пр-ва Армении, Азербайджан НКР	Незаверш.
Грузино-Абхазский	1989 июль	?	Пр-ва Грузии абхаз.автономии	незаверш.
Грузино-Южноосетин.	1989	?	Пр-во Грузии, южноосетин. автон.	близок к урегулир.
Осетино-Ингушский	31 окт. 1992	?	Осетины, ингуши Пригород. р-на Сев.Осетии	"заморожен"
Российско-	1994	30 авг.	Пр-во России,	заверш.

Чеченский	ноябрь	1996	вооруж.формиров. Чечен. Респ. Ичкерия	
-----------	--------	------	--	--

Чрезвычайно пестрая этническая и языковая мозаика Кавказа создает прекрасную питательную среду для нестабильности. В пределах Кавказа, который называют "горой языков и народов", на сравнительно небольшой территории проживают около 60 языковых групп и семей. На территории одного только Дагестана, по некоторым подсчетам, сосредоточено около 30 народов (по переписи населения 1926 г. - 81) /1/. На Кавказе, как и в некоторых соседних государствах Ближнего и Среднего Востока, вплотную соприкасаются две мировые религии - ислам и христианство - и отношения между ними здесь - отнюдь не безоблачные.

Конфликтный потенциал заложен на Кавказе всей предшествующей историей, сложными взаимоотношениями народов этого региона друг с другом, с российско-имперским, а затем - с советским "центром". Последствия сталинского тоталитарного правления также дают о себе знать: в тот трагический для всей страны период насильственной депортации подверглись целые народы Кавказа - турки-мехетинцы, курды, балкарцы, ингуши, чеченцы и другие. Их места заселяли народы, ставшие впоследствии конкурентами вернувшихся в 50-60-е годы из ссылки. За годы советской власти на Кавказе произошли изменения в относительно устоявшемся этническом балансе, возникли проблемы, связанные с дискриминацией славянских народов, казачества.

Территориально-административное деление Кавказа - своего рода мина замедленного действия, которая неминуемо должна была рано или поздно взорваться. На Кавказе, как и во всем Советском Союзе, границы в основном проводились условно, с учетом хозяйственных связей, экономических и политических задач. Многие границы вообще никогда не демаркировались, поскольку в этом и не было особой необходимости, другие перекраивались десятки раз и особенно активно в 20, 30, 50-е годы. На Северном Кавказе были созданы многосубъектные административные образования для неродственных этносов, в то время как этнически близкие народы (осетины, например) оказались разделены. Целые народы либо утратили автономию, либо вообще не получили ее. В недрах некоторых республик были созданы анклавов, в которых произошла концентрация представителей другого этноса, что создавало дополнительные национальные и территориальные проблемы. Все эти этнополитические и территориальные сложности и противоречия, давно начав развиваться, способны и в будущем стать причиной малых и больших конфликтов (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 1).

Нестабильность на Кавказе связана также с малоземельем, демографическим ростом, высоким удельным весом неработающей молодежи, безработицей, отсутствием работы и пр. Дестабилизирует политическую ситуацию и борьба кланов, финансовых, экономических и просто криминальных групп за сферы влияния, контроль над собственностью.

Конфликты на Кавказе являются и неким ответом на вызовы, возникающие в связи с изменившейся геополитической обстановкой на территории бывшего СССР и в мире в целом /2/. Ведь кавказский регион находится сейчас в сфере интересов нескольких полюсов мира: России, Западной Европы, США, а также влиятельных региональных государств Востока - Ирана и Турции. Повышенное внимание к рассматриваемым территориям обусловлено в первую очередь их стратегической ценностью: расположенный на стыке Европы и Азии район Кавказа представляет собой удобный плацдарм

для продвижения вглубь Ближнего Востока, в район Средиземноморья. Большое значение имеет и экономический фактор - нефть и пути ее доставки в Россию, СНГ, государства БСВ и Западную Европу, и потому движущие силы кавказских конфликтов лежат в сфере экономических интересов транснациональных компаний и великих держав, стремящихся заполучить природные ресурсы и стратегические коммуникации Кавказа. Этносепаратизм на Кавказе является локальным проявлением глобальной битвы за новый передел мирового рынка. Следовательно, борьба за политический и экономический контроль над Кавказом определяет один из моментов международной ситуации.

3.1. Армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха

Точкой отсчета кровавых событий этого конфликта стало 20 февраля 1988 г., когда Областной Совет Народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО), находившейся в составе Азербайджана, подавляющим большинством голосов принял решение обратиться к Верховным Советам СССР, Армении и Азербайджана с просьбой санкционировать выход НКАО из Азербайджана и воссоединить ее с Арменией. Потом уже последовали митинги и демонстрации в обеих республиках, погромы, этнические чистки, ввод войск Советской Армии, объявление чрезвычайного положения, экономическая и энергетическая блокада Армении и многое другое /3/.

Основными вехами в движении Нагорного Карабаха к отделению от Азербайджана явились: Постановление Верховного Совета Армении и Национального Совета Нагорного Карабаха "О воссоединении Армянской АССР и Нагорного Карабаха" от 1 декабря 1989 г.; провозглашение государственной независимости Азербайджана в конце августа 1991 г. и объявление Областным Советом НКАО 2 сентября решения об образовании Нагорно-Карабахской Республики (НКР); проведение в Нагорном Карабахе 10 декабря 1991 г. референдума о государственном статусе и последовавшие за этим 28 декабря выборы в местный парламент; введение в НКР института президентства в 1994 г. и президентские выборы в этой республике 24 ноября 1996г. По числу погибших - по некоторым данным свыше 10 тысяч человек /4/ - карабахский конфликт относится к категории крупномасштабных войн. К настоящему времени НКР удалось установить контроль практически на всей территории автономии за исключением части Мардакертского района, превратить в так называемый "пояс безопасности" Шушу, Лачин, Кельбаджар. Подписанное 12 мая 1994 г. соглашение о прекращении огня в целом соблюдается, однако противоречия между конфликтующими сторонами - относительно статуса Нагорного Карабаха, захваченных азербайджанских территорий, беженцев и пр. - остаются неразрешенными, что оставляет пока слабую надежду на мирный исход конфликта.

Сводить сложную и многоплановую проблематику данного конфликта только к территориальному вопросу, к спору между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха было бы большим упрощением. Вообще вопрос о территориальной принадлежности анклава настолько запутан, что определить, на чьей стороне правда, вряд ли представляется возможным: и армянская, и азербайджанская стороны дают прямо противоположные трактовки вопросу о том, какая из них обладает "историческим правом" на владение Нагорным Карабахом, кому принадлежит "историческое первородство" в анклав - армянам или азербайджанцам . Да и ни в одном из известных миру

конфликтов вокруг спорных территорий не удавалось еще добиться консенсуса по вопросу "исторической справедливости".

Застарелые обиды и разногласия усугублялись в НКАО серьезными перекосами в национальной и социальной политике. По утверждению армянской общины НКАО, она была поставлена в неравное положение по сравнению с остальными жителями республики /5/. Карабахские армяне считали также, что Баку проводит политику, нацеленную на их "выдавливание" из НКАО. Болезненным примером для них оставалась судьба Нахичевани, превратившейся из армяно-азербайджанской республики в моноэтническую, азербайджанскую /6/. Впрочем, все эти перекосы - в сфере демографии, образования, здравоохранения, быта - затрагивали и азербайджанцев НКАО и потому первоначальные выступления армянской общины не имели этнической направленности: армяне Карабаха связывали улучшение своей жизни с налаживанием более тесных связей с Арменией.

В разные периоды конфронтации причины, факторы, предпосылки конфликта менялись, однако соблазн прибегнуть в объяснении данной конфликтной ситуации к помощи стереотипов присутствует и в армяно-азербайджанской полемике, и в рассуждениях специалистов, поддерживающих ту или другую сторону.

Один из таких стереотипов сводится к тому, что конфликт затеян "имперским союзным центром" и его структурами, чтобы ослабить и расколоть национально-освободительные движения в республиках Закавказья, а самих их сохранить в орбите влияния Москвы. По версии, часто приводимой азербайджанской стороной /7/, Армения сыграла роль разменной карты в руках Москвы (другой вариант - на Ереван оказала "плохое" влияние зарубежная армянская диаспора, мечтающая о создании Великой Армении), которая продолжает манипулировать Арменией и карабахскими армянами. Подобные же рассуждения, кстати, можно услышать в последние годы и от некоторых армянских политиков.

Согласно другому подходу, карабахский конфликт - это лишь звено в реализации пантюркистских, великотурецких, панисламских и прочих планов включения Кавказа в зону тюркского влияния и вытеснения из региона (или отуречивания и исламизации) нетюркских, христианских народов, а также России, главной союзницы и покровительницы последних. Азербайджану, как и туркам-киприотам в Турецкой Республике Северного Кипра, определена в этой схеме роль подручного, послушного исполнителя воли его турецких "патронов".

Политическое и военное противоборство Армении, Азербайджана и НКР изображают подчас и как некое цивилизационное, межнациональное размежевание: между христианами-армянами, с одной стороны, и мусульманами-азербайджанцами, с другой.

В последние годы каспийская нефть и пути ее доставки видятся многим главной интригой, вокруг которой разворачиваются события в Карабахе и за его пределами /8/.

На самом деле со всей определенностью указать на какую-то одну причину, подтолкнувшую армян и азербайджанцев к конфликту, просто невозможно. Непроясненными остаются многие связанные с конфликтом вопросы: причины его развязывания в 1988 г., армянские погромы в Сумгаите, Гяндже и Баку, роль Советской Армии в планировании и осуществлении отдельных военных операций, отдельные эпизоды войны (взятие Шуши, Кельбаджара, Ходжалинская трагедия), связь конфликта с нефтяным фактором и пр. К тому же фон, на котором разворачивается конфликт, сложен и противоречив. Политико-экономическая, социальная, историко-культурная, ре-

лигиозная и пр. подоплека карабахского кровопролития способна превращаться в гремучую смесь, которой сплошь и рядом умело манипулируют политики и "третьи стороны". В результате истинные причины и источники спора оказываются часто скрыты под покровом взаимных обвинений, угроз, лавины политических требований и лозунгов.

В основе карабахского конфликта лежат реальные межнациональные разногласия. Они порождены историей, событиями, связанными с массовым физическим уничтожением мирного армянского населения во время погромов 1905 г. в Баку, турецкого геноцида 1915 г., резни на территории Азербайджана и Карабаха в 1918-21 гг., погромов в Сумгаите, Баку, Кировабаде в 1988-1990 гг. Вряд ли кто-либо, включая и противоборствующие стороны, станет отрицать, что за годы войны этническая, религиозная, культурно-психологическая несовместимость двух народов усугубилась. Религия и этнический фактор провели некий знак различия, водораздел между обеими конфликтующими сторонами. По мере разрастания вооруженных столкновений, сопровождавшихся разрушениями всего уклада жизни, многочисленными жертвами среди военных и мирного населения, в ходе территориальных захватов, изгнаний, чисток по этническому признаку, позиции сторон становились еще более непримиримыми. Именно тогда религия и национализм стали превращаться в дополнительный источник аргументации. В них политики черпали идеологическое обоснование своих требований, на их основе велся поиск союзников.

Поскольку речь идет о боевых действиях между Арменией и Азербайджаном - двумя независимыми государствами, признанными международным сообществом, - то карабахский конфликт может быть отнесен к категории межгосударственных. Но это одновременно и государствообразующий конфликт ввиду того, что карабахские армяне выступают за изменение административного и политического статуса НКАО. Существует тем не менее немало препятствий для более четкого определения конфликта с международно-правовой точки зрения.

Например, зона конфликта так и не обозначена. Карабахцы считают ею весь Азербайджан, поскольку там расположены аэродромы, железнодорожные узлы и полигоны, с которых осуществляются боевые действия против повстанцев. Азербайджан включает в зону конфликта НКАО, прилегающую к ней районы, а также границу Армении /9/.

Нет единства в вопросе о том, кто является воюющими сторонами. Степанакерт стремится убедить мировую общественность в том, что НКР и "народ Карабаха" ведут национально-освободительную борьбу против азербайджанского правительства и потому они должны быть признаны воюющей стороной. Это означает, что руководство НКР претендует на прямое участие в переговорах по урегулированию конфликта, чему противится Азербайджан. Баку не признает НКР, а тем более не считает карабахцев самостоятельной величиной в конфликте, обвиняя руководство анклава в сепаратизме, а Армению в потворстве этим настроениям и разжигании их. Азербайджан стремится отвести самопровозглашенной НКР роль "заинтересованной стороны" с тем, чтобы ее статус на переговорах был понижен. Азербайджан продолжает исходить из того, что нет карабахского конфликта, а есть армяно-азербайджанская война.

Армения, поддерживая право НКР на самоопределение, все же официально не признает этой республики, но солидаризируется с ней в определении конфликта и состава воюющих сторон, утверждая, что война идет не между Арменией и Азербайджаном.

ном, а между Азербайджаном и НКР. По мнению армянской стороны, карабахский конфликт нельзя решить, оставляя НКР в составе Азербайджана, даже если Баку обещает предоставить гарантии безопасности армянскому населению автономии /10/.

Спорным является вопрос и о формуле переговорного процесса. Армения предлагает "землю за мир", а НКР прибавляет к этому еще и "политический статус". Речь идет о готовности карабахских армян вернуть Азербайджану оккупированные территории и, возможно даже, не настаивать на "чистой" независимости в обмен на установление федеративных отношений. Ссылки карабахцев и армян на прецеденты, и в частности, на ближневосточное урегулирование, в основу которого как раз и положен принцип "мир в обмен на земли", не особенно убеждают азербайджанские власти. Баку предваряет обсуждение вопроса о статусе Нагорного Карабаха рядом предварительных - и явно неприемлемых для другой стороны - условий: возвращение оккупированных земель, разоружение армии НКР, отмена законодательных актов, касающихся изменения статуса автономии. Отвергается и сама идея федеративного устройства Азербайджана. Президент Гейдар Алиев предлагает к обсуждению лишь вопрос о "широкой автономии в рамках азербайджанского унитарного государства", поскольку "федерализм - бомба замедленного действия под государственность Азербайджанской Республики" /11/.

Не сходятся конфликтующие стороны и в вопросе о посредниках и миротворцах. Армения и НКР согласны на российское посредничество, в то время как Баку не скрывает своего подозрительного отношения к военному присутствию России в зоне конфликта, отдавая предпочтение миротворцам ООН, НАТО либо турецким военнослужащим, на что никогда не согласится Армения.

Следовательно, по большинству проблем, связанных с урегулированием карабахского конфликта, стороны занимают диаметрально противоположные позиции и пока не видно признаков того, чтобы они как-то сблизились. Подобная неуступчивость, впрочем, не является чем-то из ряда вон выходящим. Во всех конфликтах, связанных с сепаратистскими движениями, оказывается чрезвычайно сложно, а порой и просто невозможно найти точки соприкосновения, побудить конфликтующие стороны пойти на компромиссы. Подобная позиция обусловлена в первую очередь внутренними причинами, и карабахская ситуация не составляет исключения.

С международно-правовой точки зрения Азербайджан имеет все преимущества: он отстаивает территориальную целостность своего государства, не допускает, чтобы она становилась предметом переговоров, и его позиция (во многом усиленная каспийскими нефтяными месторождениями) в целом поддерживается мировым сообществом.

Но есть и другие немаловажные обстоятельства, определяющие подходы Азербайджана к карабахской проблеме. Они связаны со спецификой внутривнутриполитической жизни Азербайджана. Ведь если азербайджанские власти согласятся на изменение статуса Нагорного Карабаха и пойдут навстречу требованиям карабахских армян, это создаст прецедент для других национальных меньшинств страны - лезгин, курдов, талышей - и подтолкнет их к действиям, ставящим под угрозу целостность Азербайджана. Кроме того, уступки "карабахским сепаратистам" - даже самые незначительные, ставят власти Азербайджана под огонь критики оппозиции, как слева, так и справа. И это при том, что внутривнутриполитическая ситуация в Азербайджане не достигла еще приемлемого уровня стабильности: сообщения об антиправительственных заговорах, попытках государственных переворотов, аресты и политические процессы - составная часть полити-

ческого пейзажа современного Азербайджана. Наконец, внешний враг - карабахские сепаратисты и поддерживающая их Армения - только помогает укреплению авторитарного режима, поскольку выступления против него в условиях войны можно квалифицировать как государственное преступление. Под завесой умело контролируемой и управляемой властями национал-патриотической риторики легче расправляться с реально существующими и мифическими политическими оппонентами (так, например, лидеров Азербайджанской исламской партии в мае 1996 г. обвинили в шпионаже в пользу Ирана и попытках совершить в Азербайджане исламскую революцию, хотя, по мнению независимых азербайджанских экспертов, подоплека судебного процесса лежала в сфере экономики и политики /12/). На войну легко списываются и экономические тяготы и бедствия, которые испытывает основная масса населения. Для многих деятелей в Азербайджане, как, впрочем, и для противной стороны, война давно стала прибыльным делом.

Это не означает, что Баку заинтересован в продолжении войны до бесконечности. Г.Алиев как опытный политик понимает, что нельзя долго списывать на "происки Москвы" либо действия политических противников и "предателей" поражения на фронтах и экономические трудности. Экономический и военный потенциал Азербайджана также не дает основания рассчитывать в ближайшие годы на победоносный реванш в случае возобновления военных действий на карабахском фронте. Отсюда - пропагандистские демарши, иногда окрашенные в религиозные тона, судорожные поиски союзников - в России, в Турции, на Западе, а в остатке сохраняется опасная, чреватая новым кровопролитием ситуация "ни мира, ни войны".

Позиция армянской стороны, на первый взгляд, достаточно прочна. Армения, пожалуй, единственная в бывшем СССР республика, где на основе этнической, культурной, религиозной однородности достигнута политическая стабильность, пусть даже и не вполне демократическими методами. Лозунг присоединения Карабаха, выдвинутый в свое время Армянским общенациональным движением (АОД), получил широкую массовую поддержку в силу популярности идеи собирания армян в единое государство.

Придя к власти на волне настроений, замешанных на идее "национальной катастрофы" и возвращения утраченных армянами земель, АОД отказалось от планов присоединения Карабаха к Армении и выступило за предоставление "карабахскому народу" права самому решать свою судьбу. Фактически АОД отказалось от идеологии, обосновывающей вечную и непримиримую борьбу с Турцией и отмежевалось от дашнаков, занимающих в этом вопросе непримиримую позицию. Не звучит больше в политической программе лидера АОД и президента Армении Левона Тер-Петросяна лозунгов восстановления Великой Армении.

Что касается самой НКР, то здесь, если судить по достаточно скупой информации, местной власти удалось установить почти тотальный контроль над населением, превратить республику в военизированное государственное образование. Очевидно также, что его руководители не собираются отказываться от достигнутого статуса. Иными словами, НКР стала самостоятельным военно-политическим фактором, и именно поэтому политическое решение карабахского конфликта возможно только при условии прямых переговоров Баку-Степанакерт.

На позицию конфликтующих сторон заметное воздействие оказывает не только внутривнутриполитическая ситуация в каждой из них, но и подверженная постоянным изме-

нениям расстановка сил в самом закавказском регионе и в примыкающих к нему государствах СНГ и БСВ.

Начнем с РОССИИ. Если суммировать ее интересы в регионе, где протекает конфликт, то определяющими окажутся: а/ее стремление любой ценой сохранить свое политическое и военное присутствие (российский исследователь Д.Фурман называет это "чисто инстинктивной великодержавностью"/13/); б/ усилия по расширению контроля над разработкой каспийской нефти и путями ее транспортировки; в/ попытки вытеснить из региона потенциальных геополитических и экономических соперников - Турцию, США, страны Запада; противодействовать расширению плацдарма пантюркизма и исламского фундаментализма, размещению баз НАТО; наконец, защита прав русских/14/.

В 1991-93гг. позиция России в карабахском конфликте отличалась значительной неопределенностью. Тогда под влиянием то армянского, то азербайджанского лобби, Москва оказывала поддержку воюющим сторонам, поставляя им оружие и солдат. С 1993 г. Россия в целом определяется со своими внешнеполитическими приоритетами, объявляет Закавказье, наряду с другими регионами бывшего Советского Союза, сферой своих первоочередных интересов, устанавливает за собой исключительное право "наводить порядок" в конфликтных зонах СНГ. В этот период Москва пытается оттеснить международных посредников в карабахском конфликте или по крайней мере заставить их признать тот факт, что без участия России в качестве главного миротворца никакое урегулирование невозможно. Об этом, в частности, свидетельствовало выступление тогдашнего министра обороны России П.Грачева на всероссийском собрании офицеров запаса, где он заявил, что "основная угроза безопасности России исходит с южного направления" и потому Россия не намерена допускать Турцию, Иран или кого-либо еще к урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе /15/.

В рамках этого провозглашенного курса Россия стремится играть в регионе роль силового гаранта, укрепляя параллельно свои политические позиции и обеспечивая свое доминирование в Закавказье в военно-стратегическом плане, сделав ставку на Армению как на своего главного союзника: российские войска и пограничники остаются на территории республики, 21 октября 1994 г. Б.Ельцин и Л.Тер-Петросян подписали договор о военных базах в Гюмри и Ереване. Кроме того Ереван и Москва создали совместную систему ПВО и договорились о формировании коалиционных сил самообороны. Но склонить Баку к подписанию военного соглашения с Россией так и не удалось. Не смогла пока Россия урегулировать с Азербайджаном и вопрос о российской радиолокационной станции в райцентре Габала на севере Азербайджана. Последняя является элементом стратегической системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), развернутой Советским Союзом по советско-американскому договору по противоракетной обороне 1972 г. Введенная в строй в середине 80-х годов, габалинская станция СПРН покрывала южный фланг стратегической обороны СССР.

Другим объектом российской политики становится каспийская нефть, благодаря запасам которой Азербайджан надеется прорваться на международную арену. 20 сентября 1994 г. Баку подписал с западным нефтяным консорциумом "контракт века" о разработке нефтегазоносных месторождений в азербайджанском секторе Каспийского моря, что серьезно подрывало господствующие позиции России в Каспийском море. И потому сегодня Россия стремится взять под свой контроль все те территории, по которым могут пройти будущие нефтепроводы. Карабахский - в их числе/16/.

Действуя в Карабахе по классической схеме, когда с целью укрепления позиций используются противоречия между конфликтующими сторонами, Россия склоняется к проведению политики, выгодной военному и нефтяному лобби, которые и берут на себя право формулировать "национальные интересы" России в этом регионе Закавказья. Подобная линия Москвы едва ли является отражением попыток "воссоздать империю с черного хода". Но фактически она приводит к тому, что Россия становится "заинтересованной стороной" в конфликте, что неминуемо толкает и Армению, и Азербайджан к поиску альтернативных посредников. В этом качестве наиболее активно проявляют себя ближайшие соседи закавказских государств - Турция и Иран, рядом с которыми на протяжении длительного исторического периода развивались и армянская, и азербайджанская нации.

Интерес ТУРЦИИ к региону диктуется стремлением восстановить разрушенные за годы советской власти традиционные связи с тюркскими народами Кавказа, и именно поэтому приоритет в своей политике Турция отдает Азербайджану. Кроме того Турция как член НАТО выполняет роль своеобразного моста, который позволяет Азербайджану находиться в зоне интересов Североатлантического блока. Испытывая американское влияние как член НАТО и союзница США, Турция вместе с тем имеет и собственные национальные интересы и приоритеты. Они-то и определяют ее отношение к Азербайджану как к младшему партнеру, которому Анкара обеспечивает дипломатическую и военную поддержку. Турция стремится играть и более активную роль в экономике Закавказья. Ведь для нее - это транзитный регион на пути в Центральную Азию, и поэтому Анкара намерена создать здесь зависимую от нее экономическую структуру. Главное препятствие на пути этих планов - неурегулированность турецко-армянских отношений и возможность возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта.

Но официально провозгласив нейтралитет в конфликте, Турция фактически поддержала Баку. Не удивительно, что в Армении с подозрением относятся к азербайджано-турецкому альянсу. Тем более здесь известно о существовании в Турции многочисленного антиармянского лобби, позиции которого особенно сильны в Восточной Анатолии, то есть в бывшей Западной Армении. Здесь местные фундаменталисты строят свою антиармянскую кампанию на страхе населения перед возможностью территориального реванша Армении и возвращения на эти земли армян. Ведь определенные политические силы в Армении продолжают муссировать вопрос о территориальных притязаниях к Турции, не снимают обвинения в геноциде армян 1915 года, а взгляд на Турцию и все тюркское как на причину национальной трагедии армян все еще превалирует в общественном мнении страны. Прошедшие в декабре 1995 г. выборы в турецкий парламент, закончившиеся убедительным успехом Партии благоденствия, занимающей фундаменталистские позиции, еще больше содействуют отчуждению Армении от Турции, ослабляют позиции тех политиков, которые утверждают, что Турция уже не та страна, которая принесла Армении так много бед в начале XX века.

Турция, стремясь расширить сферу своего политического и экономического влияния в Закавказье, пытается в основном все же стабилизировать ситуацию в регионе, минимизировать карабахский конфликт. Ведь и без того ей хватает проблем в связи с ситуацией на Кипре, Балканах, в Северном Ираке, на Ближнем Востоке, не говоря о собственном внутреннем конфликте с курдским повстанческим движением.

Не меньший интерес к Закавказью проявляет ИРАН, политика которого определяется следующими факторами: а) традиционными связями с закавказскими народами. Эти связи, в отличие от армяно-турецких отношений, не отягощены грузом прошлых обид; б) стремлением противодействовать националистическим настроениям по обе стороны ирано-азербайджанской границы, которые могут подхлестнуть сепаратизм в иранских северо-восточных провинциях, населенных азербайджанцами; в) историческим соперничеством с Турцией; г) поиском новых рынков сбыта иранских товаров и приложения капиталов в условиях международной изоляции Ирана, его натянутых отношений с США.

В политике Ирана в отношении карабахского конфликта прослеживается строгий расчет: заявления об исламской солидарности вовсе не мешают Ирану поддерживать христианскую Армению, а не братьев по вере в Азербайджане, т.к. именно Армения препятствует претворению в жизнь турецкого маршрута нефтепровода. Она же, а точнее армянские вооруженные силы в Карабахе, - один из самых серьезных рычагов воздействия на Баку.

В то же время Иран отнюдь не заинтересован в военном продвижении Армении на территорию Азербайджана, поскольку это может привести к потоку беженцев в иранские провинции, граничащие с Азербайджаном, создать такие же неудобства для иранских властей, с какими пришлось столкнуться Пакистану в ходе афганской войны. Беженцы способны также всколыхнуть сепаратистские настроения в провинциях Ирана, населенных азербайджанцами.

В целом политика Ирана в карабахском конфликте не является только проармянской или же пророссийской. Иран, так же как Турция и Пакистан, не играет столь уж самостоятельной роли в регионе. Его функции - в основном посреднические, поскольку он, как и Турция, не располагает капиталами для вложения в серьезные проекты и потому пытается лишь использовать свое выгодное географическое положение, с тем чтобы коммуникации из Закавказья и Центральной Азии пролегали через его территорию.

Что касается других мусульманских государств, то ни одно из них пока не высказалось за отделение Карабаха, за придание этому административному образованию самостоятельного статуса. Не ставится под сомнение и территориальная целостность Азербайджана, поскольку большинство государств БСВ сталкивается у себя с проявлением сепаратизма в той или иной форме. С другой стороны, для многих арабских стран характерно традиционно благожелательное отношение к армянам. Последние занимали нейтральную позицию в межконфессиональном конфликте в Ливане, и кроме того, сплоченность и богатство армянских общин БВ, их прочные связи с армянской диаспорой Европы, влияние на средства массовой информации способствуют тому, что симпатии арабов, особенно на уровне средств массовой информации, на стороне Армении.

ЗАПАД также старается обозначить свои позиции в отношении карабахского конфликта. Определенные надежды в плане его урегулирования возлагались на Турцию, на ее способность оказать воздействие на враждующие стороны и каким-то образом примирить их. Однако течение событий привело к тому, что Анкара все теснее стала ассоциироваться с Азербайджаном, и потому уже не могла выступать в качестве "третьей стороны" в конфликте, что вызвало на Западе некоторое разочарование. С другой стороны, Запад настораживает дипломатическая активность Ирана.

На фоне пробуксовки миротворческой миссии ОБСЕ, поддерживаемой Россией, которую вполне устраивает эта во многом подконтрольная ей организация, возрастает активность США, пытающихся играть самостоятельную роль в карабахском конфликте. Стремясь уменьшить российское влияние в регионе, США трактуют посредничество России и ее нажим на конфликтующие стороны как проявление "нового империализма" и исподволь пытаются оттеснить Россию и от участия в урегулировании, и от заманчивых нефтяных проектов. Именно этим целям призваны были служить американские миротворческие планы, предложенные П.Гоблом, Дж.Марески, другими политиками /18/.

Начиная с 1993 г., по инициативе США в программу действий НАТО была включена идея разработки механизма проведения миротворческих операций в Закавказье. На встречах в Брюсселе представителей НАТО и государств-участниц распавшегося Варшавского договора обсуждалась возможность предоставления вооруженных сил НАТО в распоряжение ОБСЕ для выполнения миротворческих операций. Иными словами, США их союзники по НАТО готовы были реализовать в карабахском конфликте урегулирование по югославской модели, когда удалось задействовать для нажима на конфликтующие стороны вооруженные силы НАТО.

В Азербайджане эти планы встретили определенное сочувствие и понимание /19/. Россия, а вслед за ней и Армения, где не забывают, что южный фланг НАТО контролируется Турцией, выступают против вовлечения этой военной организации в процесс поддержания мира в регионе, заявляя, что для этого вполне достаточно уже задействованных структур ОБСЕ. В Москве весьма болезненно реагируют на попытки вытеснить Россию на обочину карабахского урегулирования и создать прямую угрозу российским интересам в регионе. Россия демонстрирует также способность прямо или опосредованно влиять на происходящее в Закавказье, в том числе и с помощью закулисных маневров. Это означает, что карабахская ситуация отнюдь не идентична югославской, и здесь российской стороне пока удается пресекать и блокировать попытки Турции и Запада действовать автономно.

Карабахский конфликт продолжает дестабилизировать региональную обстановку и его продолжение пагубно для всех народов региона. Можно ли в такой ситуации рассчитывать на мир в Карабахе в обозримом будущем?

Существуют серьезные факторы, препятствующие этому. Во-первых, после погромов на этнической почве, этнических чисток, превращения масс людей в беженцев вести речь о сближении позиций неимоверно трудно. Во-вторых, поскольку военные итоги карабахской кампании неутешительны для Азербайджана, он попытается вернуть территории, завоеванные "силами самообороны" Карабаха, а значит, основа для возобновления военных действий сохраняется. В-третьих, конфликт концентрирует в себе слишком много интересов - российских, региональных, международных финансово-экономических групп. Некоторые из них продолжают извлекать материальную и политическую выгоду из его продолжения. И в-четвертых, придание НКР "отложенного статуса" по образцу хасавюртовской модели - соглашения, подписанного Россией с Чечней - не решит проблему этнических армян Карабаха, не устранил здесь угрозы межэтнического противостояния в форме геноцида.

Исходя из этих обстоятельств, переговоры по завершению данного конфликта, в основе которого лежат этносепаратистские устремления армян НКР, целесообразно было бы начать со взаимных территориальных уступок: с возвращения Азербайджану

оккупированных НКР территорий за пределами самопровозглашенного анклава с сохранением под контролем НКР Лачинского коридора, соединяющего республику с Арменией.

Попытки добиться решения карабахской проблемы на путях поисков компромисса между двумя противоречащими друг другу международными нормами - принципа территориальной целостности и права народа на самоопределение, или же ссылки на международные прецеденты (отделение Бангладеш от Пакистана, Эритреи от Эфиопии, раздел Чехословакии) уведут переговоры от конструктивного решения. Оно лежит в достижении разумного компромисса, способного открыть дорогу к окончанию этой кровопролитной и затяжной войны. Переговоры о статусе НКР, который стал в результате изгнания и бегства азербайджанского населения "этнически чистым", должны принимать во внимание изменившиеся там в ходе войны этнический баланс. Вернуть политическую ситуацию здесь в довоенное состояние без масштабного кровопролития не представляется возможным. Предотвратить насильственные формы межэтнического противостояния в регионе, обеспечить безопасное возвращение беженцев в места их проживания может быть решена с помощью международных организаций, но с обязательным привлечением России к такого рода гуманитарным и миротворческим миссиям.

3.2. Движение за национальное самоопределение Абхазии как фактор грузино-абхазского вооруженного противостояния

Конфликт Грузии со своими автономиями - Южной Осетией, Аджарией и - самый продолжительный и кровавый - с Абхазией начался за несколько лет до провозглашения ее независимости. В отличие от конфликта с Южной Осетией, который как-то разрешается, и противоречий с Аджарией, и вовсе не принимавших формы вооруженной борьбы, конфликт с Абхазией все еще далек от завершения.

Предметом грузино-абхазского конфликта является территория Абхазской автономии, где по переписи населения 1989 г., абхазы составляли 17% населения, грузины - 47%, армяне - 18%, русские - 13%. Конфликт зарождался как политико-идеологическое движение, в котором требования равноправия абхазской культуры и языка играли подчиненную роль.

Начался он относительно мирно с принятия 18 марта 1989 г. Постановления представителей абхазского народа в селе Лыхны и Обращения к М.С.Горбачеву, в котором говорилось "о необходимости оздоровления межнациональных отношений" путем возвращения Абхазии "политического, экономического и культурного суверенитета в рамках ленинской идеи федерации"/20/. В противовес разворачивавшемуся в Грузии национальному движению, нацеленному на выход из состава СССР, Народный форум Абхазии обратился к Первому съезду народных депутатов Верховного Совета СССР с призывом "немедленно вмешаться для защиты Советской власти в Абхазии" /21/. 15 июля 1989 г. в Сухуми произошли беспорядки и конфликт явно начинал обретать форму этнического противостояния между грузинами и абхазами, стремительно приближался к вооруженной конфронтации /22/.

Не способствовали успокоению и юридические противоречия: принятие 25 августа 1990 г. Верховным Советом Абхазии Декларации о суверенитете республики, восстановление в феврале 1992 г. конституции Грузии 1921 г., где в отличие от дей-

ствовавшей ранее (1978 г.) не были оговорены права Абхазии как субъекта государственно-правовых отношений, принятие Верховным Советом Абхазии постановления о приостановке действия Конституции 1978 г. и восстановлении Конституции Абхазии 1925 г. Завязанный в результате всех этих решений правовой и юридический узел официальный Тбилиси попытался разрубить силовым путем /23/.

В ночь с 13 на 14 августа 1992 г. части Национальной гвардии и регулярной армии Грузии, возглавляемые тогдашним министром обороны Тенгизом Китовани, который терял популярность и опасался победы Э.Шеварнадзе на предстоявших 11 ноября 1992 г. парламентских выборах, вошли в Сухуми. Так было положено начало открытому вооруженному конфликту, в который вскоре оказались втянуты российские части, а также добровольцы из Чеченской Республики, Карачаево-Черкесской АО, других северокавказских автономий, действовавших под эгидой спешно сколоченной Конфедерации народов Кавказа (КНК).

Подписанные на встрече в Москве грузинской, абхазской и российской делегациями (3 сентября 1992 г.) соглашение о прекращении огня, а также соглашение о "территориальной целостности Республики Грузия" /24/ так и не были реализованы и уже через месяц - в октябре 1992 г. - абхазские формирования при поддержке северокавказских, главным образом, чеченских добровольцев установили контроль над Гагрой, заблокировали Гудауту и разгромили грузинский десант.

Начавшиеся после этого ожесточенные кровопролитные бои с применением тяжелой техники и авиации /русской/, прерывавшиеся на короткое время еще двумя соглашениями о прекращении огня (14-20 мая 1993 г. и 27 июля 1993 г.) завершились взятием 27 сентября 1993 г. абхазскими войсками Сухуми. На всем протяжении боевых действий конфликтующие стороны выступали со взаимными обвинениями в этнических чистках. Изменилась и демографическая ситуация в Абхазии: по некоторым данным, абхазы составили 20-27% населения республики, а грузины - 6% /25/.

Проиграв войну, грузинское руководство вынуждено было согласиться на вхождение своего государства в СНГ, а затем на размещение на территории республики трех российских военных баз (соответствующее согласие, правда, до сих пор не ратифицировано грузинским парламентом). В ноябре 1995 г. Э.Шеварнадзе был избран президентом Грузии, и ему удается в целом приблизить к стабилизации общественно-политическую, военную и экономическую ситуацию в стране, но отношения с Абхазией остаются неурегулированными. Последняя же, по примеру других "мятежных" республик СНГ, продолжает осуществлять политику, направленную на создание самостоятельного государства. Так, вопреки протестам официального Тбилиси, абхазское руководство провело 23 ноября 1996 г. парламентские выборы. Факт признания выборов незаконными Советом Безопасности ООН и ОБСЕ (эти международные институты так же негативно отнеслись к президентским выборам в НКР), не меняет намерений абхазских лидеров добиваться отделения от Грузии.

Как и в карабахском, в грузино-абхазском конфликте произошло столкновение нескольких противоречащих друг другу международных императивов: принципа нерушимости границ и права народов на самоопределение; права национальных меньшинств на самостоятельное развитие и необходимость достижения стабильности как условия для соблюдения прав человека. Отсюда - та же, что и в карабахском конфликте, тупиковость в развитии кризиса.

В грузино-абхазском противостоянии есть и еще один, неявный подтекст - это борьба групповых интересов: экономических (отсюда его название - "мандариновая война"); политических, включающих интересы союзного центра, а затем и России; а также и криминально-мафиозных. Эти групповые интересы стали, несомненно, двигателями конфликта, при том, что активность движений, партий, организаций, "армий" с обеих сторон вряд ли можно считать лишь отражением этих интересов. Они - вполне самостоятельная политическая сила, которая зачастую сама манипулирует различными внешними интересами, преследуя собственные, вполне осознанные цели. Не являясь в прямом смысле этническим или религиозным, грузино-абхазский конфликт содержит элементы и того, и другого. Совокупность всех факторов и составляет тот взрывоопасный потенциал, который придает конфликтующим сторонам импульс непримиримости, воинственности.

Как показывает опыт карабахского конфликта, множества других споров и вооруженных столкновений, имеющих аналогичную с грузино-абхазским конфликтом природу, казалось бы выглядящие бесспорными исторические аргументы, доказательства, предъявляемые противоборствующими сторонами, не только не вносят ясности, а напротив - углубляют противоречия. Можно утверждать, что по большинству вопросов грузинские и абхазские историки дают прямо противоположные и противоречащие друг другу оценки /26/.

Сложная и достаточно запутанная история взаимоотношений грузин и абхазов усугублена действиями националистических политиков, которые в конце 80-х - начале 90-х годов искусственно раздули этнические разногласия, способствовали эскалации кровопролития, подвели абхазов к угрозе этноцида, создали практически неразрешимую теперь проблему грузинских беженцев.

В период правления Звиада Гамсахурдиа (1990 - 1992 гг.) официальная пропаганда изображала Грузию оплотом христианства, осаждаемого враждебным мусульманским окружением. К врагам была причислена и Абхазия, якобы символизировавшая мусульманскую угрозу исконной религии грузин - христианству /27/. С помощью таких аргументов проводилась идея создания в Грузии унитарного, моноэтнического государства, уничтожения автономий. Как подчеркивал в связи с этим В.Ардзинба, "новые независимые государства унаследовали от своего патрона (бывшего СССР - Д.М.) жесткий унитаризм. В итоге вместо одного центра образовалось что-то около пятнадцати. Естественно, что крайними оказались "малые народы". На нас и тренируются новые "центры"/28/.

"Единая грузинская нация" стала создаваться по этническому принципу: с политической карты Грузии исчезла Юго-Осетинская автономная область, которую заменила некая аморфная (территориальная) абстракция - "Цхинвальский район", что фактически означало упразднение автономии. Грузия отказалась принять турок-месхетинцев даже после кровавых событий 1989 г. в Фергане, откуда этот депортированный в 1944 г. из Месхетии народ был изгнан и поставлен на грань этнического распыления. Роппуск, а точнее разгон абхазского парламента, навязывание Абхазии силой оружия параллельных структур власти - нового правительства и нового парламента, сформированного Госсоветом Грузии, курс на эскалацию насилия - все это было воспринято в Абхазии как движение с целью ликвидации абхазской автономии.

Вместе с тем и в Абхазии задолго до вооруженных столкновений и до событий августа 1992 г. наблюдалась тенденция к установлению своего рода "моноэтнической

диктатуры" абхазов. Для избрания в абхазский парламент была введена квота по национальному признаку с тем, чтобы абхазов стало больше, чем грузин. При назначении на руководящие посты в республике предпочтение отдавалось абхамам. Все это дало основание Тбилиси обвинять абхазских лидеров в попытках установить "этнодиктат меньшинства над большинством"/29/.

Лидеры конфликтующих сторон, связав свою политическую судьбу с эксплуатацией национальной идеи, не смогли отойти от нее, поскольку это означало бы конец их политической карьере.

Звиад Гамсахурдиа, будучи президентом, заявлял, что он не знает такой нации, как абхазы. Однако, как только его свергли, он заговорил о необходимости "защитить маленький абхазский народ от геноцида, устроенного правительством Грузии"/30/. Э.Шеварнадзе, обвинив абхазских руководителей в разжигании сепаратизма и насаждении "этнодиктатуры", в целях поддержания своего рейтинга накануне выборов 1992 г. в целом не отверг и не осудил поднявшуюся тогда в Грузии шовинистическую волну. В.Ардзинба, проявивший себя в Верховном Совете СССР, где он был председателем комиссии по автономиям, сторонником унитарного государства, во времена "парада суверенитетов" выдвинул идею федеративных отношений с Грузией и тем самым фактически дал санкцию на сепаратизм, на силовое решение конфликта /31/. Он не мог не предвидеть реакцию Тбилиси, где экстремистские силы воспользовались предложением для развязывания войны.

По всем признакам грузино-абхазский конфликт может быть отнесен к государствообразующему, где автономия выступает за изменение своего политического статуса и ведет с этой целью вооруженную борьбу с правительственными войсками. Несомненно конфликт носит и элементы этнического противостояния, в особенности после взаимных преступлений по этническому признаку: чисток, изгнаний, ущемлений политических и гражданских прав. Абхазские лидеры апеллируют к тому же не только к своим соотечественникам-абхамам, но и к диаспоре Кавказа и дальнего зарубежья, призывая ее к поддержке, как они ее называют, национально-освободительной борьбы, поощряя возвращение "рассеянного по миру этноса" на свою историческую родину. Ввиду непосредственного участия в боевых действиях добровольцев КНК, являющихся российскими гражданами, а также частей Российской Армии, грузино-абхазский конфликт в какой-то мере приобрел региональное измерение.

Многослойность факторов, из которых он складывается, приводит к противоречивым оценкам его характера и типа.

Официальный Тбилиси квалифицирует действия абхазских "мятежников" как сепаратизм и "агрессивный национализм", в то время как правительство Абхазии, возглавляемое В.Ардзинбой, ссылается на признанное международным сообществом право каждого народа самостоятельно определять свою судьбу.

Грузинская сторона настаивает на том, что данный конфликт является чисто внутренним (гражданской войной), и возражает против его трактовки как "грузино-абхазского", поскольку это узаконивает притязания абхазской стороны на особый статус. Абхазская сторона и ее союзники на Северном Кавказе, рассматривают конфликт в терминах этнического, политического и военного противостояния грузин и абхазов.

Нынешнее грузинское руководство несколько отошло от предлагавшейся Звиадом Гамсахурдиа формулы "Грузия - национальное государство грузин" либо других ее вариаций, принципиально сохранявших взгляд на Грузию как на унитарное гос-

ударство, но допускавших некоторые оговорки в отношении абхазской автономии (Тенгиз Китовани). В отличие от этого фактически этнократического взгляда на государственное устройство Грузии, официальный Тбилиси выдвигает концепцию построения гражданского общества, в котором бы реализовывались права человека независимо от национальности /32/. За этой формулировкой лежит готовность Тбилиси обсудить с абхазскими лидерами статус автономии, но при выполнении ряда предварительных условий, главным из которых является возвращение беженцев. Очевидно также, что курс на федерализацию, а тем более на конфедерацию не пользуется поддержкой в Грузии, и этих настроений не могут не учитывать в Тбилиси. Здесь понимают, что создание предложенного абхазской стороной некоего "федеративного союза" на деле приведет к дальнейшему движению автономии в сторону независимости. Это может также придать импульс сепаратизму в других автономиях /южно-осетинской, аджарской/ и в местах компактного проживания отдельных, не имеющих административных образований народностей (армян, азербайджанцев, мегрелов).

Абхазская сторона в целом не возражает против заключения с Тбилиси федеративного, конфедеративного либо союзного договора, но очевидно, что все это - лишь эвфемизмы для реализации идеи обособления от Грузии и создания независимого государства. При этом В.Ардзинба и его единомышленники в Абхазии предпочитают сохранению в составе Грузии присоединение к России (о чем, кстати, заявляли и лидеры Южной Осетии в период вооруженного противостояния с Тбилиси). "99,9% сегодняшнего населения Абхазии хотят иметь более тесные отношения с Россией, а не с Грузией", - утверждает Владислав Ардзинба/32/. Однако, возможно, что разговоры о союзе Абхазии и России - скорее тактическая нежели стратегическая цель нынешнего абхазского руководства, которое осознает, что без поддержки России ему не удастся осуществить своих планов. Своих союзников они ищет в среде "державно мыслящих" российских политиков и военных, которые осуждают Э.Шеварнадзе за непомерные уступки Западу в бытность его министра иностранных дел во времена горбачевской перестройки.

Итак, как и в карабахском конфликте, в грузино-абхазском вооруженном противостоянии роль внешнего фактора чрезвычайно велика, однако мы здесь имеем дело с проявлением политической, а не мусульманской солидарности /34/.

Союзица Абхазии в 1992-93 гг. - Конфедерация народов Кавказа (КНК), отряды которой стали фактически одной из сторон конфликта, провозгласила своей целью восстановление суверенной государственности горских народов Кавказа (Горской республики). Ее лидеры заявляли о решимости восстановить Горскую федерацию, рассматривали борьбу Абхазии с Грузией сквозь призму этой стратегической задачи /35/. Сам В.Ардзинба также не отвергал идею создания "большой кавказской семьи" тем более, что значительную часть КНК составляли родственные абхазам народы: кабардинцы, адыгейцы, черкесы, абазины, шапсуги. Но как отмечают российские исследователи А.Игнатенко и А.Салмин, активное включение КНК в военные действия в Абхазии свидетельствовало лишь о стремлении превратить эту организацию "в инструмент осуществления адыгского интереса" /36/. Речь шла, таким образом, не об объединении всех горцев Северного Кавказа в рамках единого государства, а лишь о планах создания единого "государства адыгов" (иногда его называют "Великой Черкессией") во всех регионах его проживания, т.е. в Абхазии и на Северном Кавказе, а также о возвращении

из эмиграции - преимущественно из Турции и арабских стран - потомков адыгейцев и абхазов.

Конфликт Грузии и Абхазии, поддержанной КНК не является и религиозным - христианско - мусульманским вооруженным противостоянием или одним из эпизодов "столкновения цивилизаций". В пользу последнего как будто бы свидетельствует геополитическое положение Абхазии: поскольку она блокирует выход к России двух христианских государств - Грузии и Армении, оказавшихся в окружении народов, исповедующих ислам, и вынужденных терпеть их диктат, делался вывод о наступлении на христианский мир исламского фундаментализма и - соответственно - о глобальном значении, которое приобретало теперь грузино-абхазское противостояние. Подобная трактовка конфликта, как подчеркивает английский исследователь П.Клогг /37/, осуществлялась официальным Тбилиси в тактических целях, и она служила для него задаче подключения - на основе религиозной общности - единоверных союзников: России и стран Запада, испытывающих панический страх перед исламским фундаментализмом. Между тем вопрос о религиозных представлениях абхазов не является таким, каким его представляет грузинская сторона: среди абхазов есть приверженцы христианства, есть и мусульмане, но большинство вообще не имеет ничего общего с религией. На территории Абхазии даже нет мечетей. Как заметил небезызвестный Шамиль Басаев, командовавший во время грузино-абхазской войны батальоном КНК и занимавший пост министра обороны Абхазии, "к сожалению, большинство абхазов - неверующие, Религиозная война идет не здесь, а в Таджикистане" /38/.

На деле от Национальной армии Китовани, которая вторглась в Абхазию, пострадали те, кто, строго говоря, мог бы рассматриваться как единоверцы грузин - армяне, греки, русские. На стороне абхазов же сражались не только представители мусульманских народов Северного Кавказа, но и те, кого условно можно назвать христианами - украинцы, молдаване, казаки, русские, грузины и армяне.

Следовательно, в грузино-абхазском конфликте, как и в аналогичных ситуациях в Третьем мире, солидарность на этнической или религиозной основе оказывалась в лучшем случае недостижимым идеалом, мифом, а в худшем - пропагандистским оружием политиков и националистических лидеров, не способных предложить своим согражданам созвучной времени реалистической программы и потому взывающих к опасным демонам - национализму и религиозному фанатизму.

Примечательно, что и государства так называемого мусульманского мира довольно прохладно восприняли облеченные в религиозные и националистические лозунги призывы абхазских лидеров поддержать движение республики к государственному суверенитету. И Турция, где имеется значительная кавказская диаспора, и теократический Иран предпочитают иметь дело не с "единоверной", но мятежной Абхазской автономией, а с официальным Тбилиси. Верх здесь берут, как и в карабахском конфликте, вполне конкретные прагматические соображения и - в немалой степени - заинтересованность в прокладке через Закавказье евразийского транспортного коридора, в котором Грузия как транзитная страна смогла бы играть ключевую роль. Природу этой заинтересованности осознает и Э.Шеварнадзе, о чем свидетельствует выдвинутая им инициатива "За мирный Кавказ", предполагающая, что к усилиям лидеров России, Закавказья и Северного Кавказа в деле достижения стабильности в регионе подключатся Анкара и Тегеран.

Что касается ведущих стран Запада, то они безоговорочно поддержали линию официального Тбилиси в его нынешнем конфликте с Абхазией. С 3 сентября 1992 г., когда было заключено соглашение о прекращении огня, грузино-абхазский конфликт находится в сфере внимания ООН и Совета Безопасности. СБ ООН принял несколько резолюций, касающихся самых разных аспектов грузино-абхазского противостояния. По решению СБ в зону конфликта были посланы наблюдатели ООН, осуществлявшие контроль за соблюдением соглашений о прекращении огня и о разъединении сторон /39/.

Для укрепления своих позиций в Закавказье Запад охотно использует возникающие между Россией и Грузией противоречия. В частности, он поддержал усилия Тбилиси по приданию российским миротворческим силам полицейских функций, а в случае отказа последних - выводу их из зоны конфликта. Вообще многие внешнеполитические шаги западных стран свидетельствуют о том, что они намерены превратить Закавказье в буферную зону, ограничивающую продвижение России на Восток с сохранением ее присутствия разве лишь в Абхазии.

Политика России, фактически ставшей заинтересованной стороной в грузино-абхазском вооруженном противостоянии, ничем не отличается от ее поведения армяно-азербайджанском конфликте, в других "горячих точках" бывшего СССР. Еще во времена перестройки абхазскому руководству удалось привлечь на свою сторону Москву, раздраженную усилением в Тбилиси сторонников политической независимости. Национальное движение в Абхазии поддержали антиреформаторские силы КПСС, консервативная верхушка ВПК, имевшая своих сторонников и единомышленников в депутатской группе "Союз", членом которой с 1985 г. был и В.Ардзинба /40/. Противоречивый курс России, ее метания из одной крайности в другую, проявившиеся в поддержке то одной, то другой стороны в конфликте, странной мягкости в отношении своих граждан - северокавказских добровольцев, принявших участие в конфликте на стороне мятежной Абхазии, свидетельствовали как о незавершенности борьбы в высших структурах власти в самой России, так и об отсутствии концепции национальной безопасности, призванной служить интересам граждан, а не государства-империи.

"Миротворчество" России свелось к силовым методам, и она так и не смогла стабилизировать ситуацию, вызвав тем самым недоверие обеих враждующих сторон к своей политике. Ее двусмысленный курс невольно подогрел политические и этнические страсти на Северном Кавказе, а также в "пограничных" с Кавказом областях России - от Краснодарского края до Поволжья, где доля тюркоязычного населения и исповедующих ислам народов очень велика.

Попытка в последние годы исправить эту ситуацию как будто привела Россию к достижению определенных выгод: 4 апреля 1994 г. в Москве были возобновлены переговоры и подписано два важных соглашения: "Декларация о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта" и "Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и лишившихся места жительства лиц". А 14 мая того же года было подписано соглашение об отправке в зону конфликта сил СНГ, которые в соответствии с Указом Президента РФ "Об участии Российской Федерации в операции по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта" были размещены в "зоне безопасности" на 12 - километровой территории по обе стороны реки Ингури. Фактически миротворческие силы СНГ, как и в других подобных операциях, состо-

ят в основном из российских военнослужащих, которые строго говоря, и не являются миротворцами, а лишь выполняют функцию "живых пограничных столбов".

Пойдя на уступки России в военно-стратегических вопросах, грузинская сторона, на которую давит необходимость решать проблему беженцев, пытается возложить на российских миротворцев не свойственные им задачи - заставить абхазскую сторону принять беженцев из Гальского района. На практике это создает реальную угрозу возобновления боевых действий, в которые грузинская сторона попытается втянуть российских пограничников.

Между тем в Абхазии, как и в НКР, процесс суверенизации зашел уже достаточно далеко, и вряд ли найдется сейчас сила, которая может принудить "мятежную" республику вернуться в исходное состояние. Грузия, даже при поддержке России - вопрос в том, захочет ли еще этого Россия, которой вовсе не нужна вторая Чечня, - не способна одержать победу военным путем. Экономические санкции против Абхазии Россия реализует силами своих погранвойск, но эти санкции, в Югославии или в Ираке, не могли эффективно "наказать" неудобный режим, а лишь причиняют страдания большинству мирного населения. Судя по всему, российские миротворцы осознают и всю тщетность своих усилий, направленных на возвращение беженцев, поскольку никакие санкции, никакой нажим на обе стороны, равно как и многочисленные встречи представителей конфликтующих сторон, международное посредничество не могут заставить стороны пойти на уступки, на которые они не желают идти. Как образно выразился российский обозреватель А.Искандерян, "псевдодавление со стороны России и псевдоугрозы со стороны Грузии вызвали псевдопредложение /Абхазия согласилась на статус федеративного союза - Д.М./со стороны Абхазии. Давить по-настоящему России уже нечем"/41/.

Итак, в 1993-1996 гг. Россия своей игрой на противоречиях и конфликтующих интересах сумела добиться для себя некоторых преимуществ, но ее роль в регионе не сравнима с тем безграничным влиянием, которым пользовался в прошлом союзный центр.

Обе стороны конфликта Москва пыталась приблизить к ситуации, при которой она смогла бы управлять данным конфликтом, извлекая из него необходимую для себя выгоду. Но превратив на длительное время Грузию в своеобразный полигон для пробы сил - вооруженным путем - разных политических элит России, она ослабила свои позиции. Этим пользуются геополитические и экономические соперники России в регионе - Турция, США, другие страны Запада, активно завоевывающие мирным путем экономическое пространство Закавказья. Политика и Грузии, и Абхазии начинает обретать самостоятельные контуры, и обе конфликтующие стороны с оглядкой на Россию заняты напряженными поисками альтернативных России партнеров и союзников, способных вывести их из затянувшегося кризиса, предоставив столь необходимую обеим сторонам экономическую и военную помощь.

Сохранение российского миротворческого контингента в зоне грузино-абхазского конфликта целесообразно только в случае согласия на это обеих конфликтующих сторон. В противном случае российские миротворцы превращаются в мишень для грузинских и абхазских вооруженных формирований. На них, кроме того, можно свалить просчеты и неудачи процесса урегулирования конфликта.

В случае возобновления боевых действий Россия так или иначе вынуждена будет определиться, тем более, что ее руководство недвусмысленно осудило проявление

сепаратизма в Грузии. На практике это будет означать поддержку военной акции против Абхазии. Такой шаг будет иметь негативные последствия для политики России на Северном Кавказе, испортит ее отношения с автономиями региона.

Из нынешней непростой ситуации наиболее предпочтительным выходом для России было бы достижение Республикой Абхазия того же статуса, которым пользуется Турецкая Республика Северного Кипра. Она не признана международным сообществом, но фактически является независимой.

3.3. Этносепаратизм на Северном Кавказе: российско-чеченская война

Приход Дудаева к власти и его укрепление показывают, что он, вероятно, явился ставленником определенных политических кругов Москвы и одновременно пользовался поддержкой влиятельных чеченских тейпов. Имел место и взгляд на события 1991 г. в Грозном - разгон Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР в августе и обнародование Указа Д.Дудаева "Об объявлении суверенитета ЧР с 1 ноября 1991 г." - как на "единственную бескровную революцию на Кавказе в эпоху суверенизации бывшего СССР" /42/.

Как бы то ни было, в результате этой "бескровной революции", совершенной Дудаевым и его сторонниками, чеченское общество раскололось, и тем самым гражданская война была предопределена. Ее кровавое развитие ускорил Указ Президента РФ "О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта" от 9 декабря 1994 г. и ввод с 11 декабря 1994 г. в Чечню массированной боевой и военной техники. Чеченские вооруженные формирования оказали сопротивление федеральным силам, и на Северном Кавказе началась необъявленная война. Она завершилась подписанием 30 августа 1996 г. в г. Хасавюрт (Дагестан) документов, определивших основу взаимоотношений между РФ и ЧР. 23 ноября 1996 г. в Подмосковье было подписано Соглашение о принципах взаимоотношений между федеральным центром и ЧР, а к концу года из Чечни были выведены федеральные войска. На состоявшихся 27 января 1997 г. президентских выборах победу одержал начальник главного штаба чеченского сопротивления Аслан Масхадов.

В рассуждениях политиков и аналитиков относительно причин и предпосылок чеченской войны, того внезапного пробуждения интереса к Северному Кавказу со стороны Москвы, обычно фигурируют несколько объяснений.

Главным считают нефтяной фактор: борьбу за контроль над грозненской нефтью и путями ее доставки. Обозреватели отмечают, что война в Чечне - случайно или нет - совпала с подписанием бакинского контракта, и Россия дала гарантии, что обеспечит стабильную перекачку ранней нефти по трубопроводу Баку-Грозный - Новороссийск с каспийских месторождений, где разворачивает свою работу международный нефтяной консорциум.

Называют и другие причины: необходимость списать на войну якобы распорядное и разворованное военной верхушкой имущество и вооружение Варшавского договора, а также разграбление банковской системы России (так называемые "чеченские авизо")/43/. Высказывают предположение о том, что влиятельным экономическим и военным группам война нужна была для сохранения в Чечне бестамуженного коридора, расширения беспрепятственной торговли оружием /44/. Наконец, войну в Чечне пыта-

ются объяснить и попыткой властей переключить общественное внимание с экономических трудностей, от неудач при проведении реформ, подыграть националистическим настроениям и просто наказывать непокорных чеченцев, бросивших вызов центральной власти /45/.

Приводимые российскими и зарубежными аналитиками и политиками факты, объясняющие подоплеку чеченской трагедии, трудно доказуемы. Порой создается впечатление, что многие сюжеты, которые муссируют должностные лица и пресса - например, вопрос о необходимости установления контроля над нефтемагистралями, - нужны были российским властям лишь для оправдания этой "войны без правил". Имеет место и чисто эмоциональное восприятие происходящего в Чечне, что затрудняет выявление истинных причин и источников данного спора.

Территории, на которых расположена современная Чечня, были завоеваны Россией в ходе так называемых "кавказских войн", которые русский царизм вел в 18 и 19 веках. Эти войны включали в себя и вооруженное вмешательство России в феодальные и этнические междоусобицы местных народов, и подавление царизмом национально-освободительных движений, и войны России с претендовавшими на Кавказ Ираном и Турцией, и наконец, собственно Кавказскую войну 1817-1864 гг., завершившуюся окончательным присоединением Кавказа к России /46/.

Историки единодушно отмечают, что по количеству антиколониальных восстаний Чечня - несомненный рекордсмен из всех национальных окраин Российской империи и ее правопреемника - Советского Союза. Крупные волнения чеченцев (23 марта- 5 апреля 1932 г.) произошли в период проведения на Северном Кавказе коллективизации, в годы Великой Отечественной войны повстанческое движение чеченцев продолжалось с осени 1941 г. до осени 1943 г. В наказание за это 23 февраля 1944 г. сталинский режим осуществил беспрецедентную по жестокости операцию внутренних войск по выселению чеченцев и ингушей в Среднюю Азию и Казахстан /46/. Известный историк А.Некрич усмотрел в этой акции трагические последствия для последующих поколений: "Депортация народов с Кавказа и из Крыма была, несомненно, одним из проявлений глубокого кризиса сталинской системы, кризиса, который стал очевиден после войны. В многонациональном государстве, каким был Советский Союз, кризис системы проявился в первую очередь в области национальных отношений" /47/.

Сама Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. "О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории") и поделена между Ставропольским краем, Дагестанской АССР, Северо-Осетинской АССР и Грузинской ССР. Лишь 9 января 1957 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР "О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР", а месяцем позже - Указ Президиума ВС РСФСР "О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области". В соответствии с Указом "О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны" (16 августа 1956 г.) Чечено-Ингушской АССР вернули все отторгнутые в 1944 г. земли, за исключением Пригородного района, и в порядке компенсации ей прирезали три района Ставропольского края. В результате, территориальные притязания к чеченцам сейчас имеет не только казачество, но и администрация края /48/.

Вероятно, в основе чеченского конфликта лежит совокупность многих факторов. Но есть в нем специфика, которая отличает его от аналогичных ситуаций на Кавка-

зе и сближает с некоторыми конфликтами в странах Востока. Это - сильное воздействие традиционных факторов, что объясняется прежде всего сохранением в чеченском обществе тейповой и вирдовой (вирд- религиозная община) структуры, регулирующей общественные процессы. По свидетельству специалистов, еще в мирное время новая чеченская элита с помощью финансов, добытых не всегда законным путем, стала "поднимать" родные тейпы, подминая или смещая старую номенклатуру, а вирды обеспечивали этот процесс религиозной харизмой"/49/. Война же привела к стремительной исламизации чеченского общества.

События, происходившие в Чечне с декабря 1994 г. по август 1996 г., с полным основанием подпадают под понятие вооруженный конфликт, несмотря на то, что в российских политических кругах длительное время не было единства в определении того, кто же является противоборствующими сторонами конфликта. Официальная Москва вообще отказывалась считать вооруженное противостояние в Чечне конфликтом, предпочитая такие эвфемизмы, как "наведение конституционного порядка", "разоружение незаконных формирований", "борьба с бандитизмом" и т.п., что сильно напоминало политическую риторику времен афганской войны, когда советская пропаганда называла участие Советской Армии во внутриафганской смуте "вводом ограниченного воинского контингента", выполнявшего "интернациональный долг".

Этот конфликт, вне всякого сомнения, - внутренний. Сколько бы Дудаев, а за ним и другие лидеры чеченского сопротивления, ни говорили о государственном обособлении Чечни как о свершившемся факте, сколько бы они ни добивались международного признания самопровозглашенной республики, Чечня даже формально остается в составе России.

Чеченский конфликт несет на себе все признаки государствообразующего, поскольку силы чеченского сопротивления вооруженным путем пытались добиться обособления от России или, по крайней мере, обрести новый статус в рамках федерации. Этот конфликт содержит в себе элементы ирредентизма, так как призывы присоединить к Чечне сопредельные территории, на которых проживают чеченцы (в Ингушетии и Дагестане), и обращение к зарубежной чеченской диаспоре вернуться на свою историческую родину звучали на всем протяжении конфликта.

Хотя российская сторона опровергает наличие в этом конфликте национально-этнических разногласий и делает упор на то, что это был типично "советский" конфликт, поскольку с обеих сторон воевали рядовые и офицеры бывшей Советской Армии, многие из которых имели совместный опыт участия в афганской войне, в "горячих точках" СНГ и даже в Югославии, эта война имела характерные черты этнического и религиозного противостояния. Об этом говорят чисто внешние признаки - принадлежность конфликтующих сторон к различным конфессиям.

Хотя много уже сказано о поверхностном восприятии ислама чеченскими боевиками, равно как и о недостаточно глубоком по сравнению, например, с арабскими и даже среднеазиатскими государствами, проникновении мусульманской религии на Северный Кавказ, трудно опровергнуть тот факт, что свои политические и идейные разногласия противоборствующие стороны облекали очень часто в национальные и религиозные формулировки.

Апелляция Дудаева к национальным и исламским ценностям, его стремление придать войне с Россией характер межцивилизационного столкновения призваны были найти в религии некий мистический источник единства. Ислам стал играть роль моби-

лизирующего фактора. В то же время проявление религиозности в рядах чеченского сопротивления мало походило на попытку воспроизвести на чеченской почве аналог исламской революции. Скорее, риторика чеченских лидеров напоминала формулы третьемировой "теологии революции". Звучавшие в адрес России обвинения в том, что она является главным проводником антимусульманской агрессии, что она действует заодно с Западом /50/, имели пропагандистский запал и призваны были, наряду с прочим, обеспечить чеченскому сопротивлению поддержку со стороны мусульманского мира.

Борьбе за целостность России не без помощи квазиправославной риторики в официальной российской трактовке был придан характер геополитического противостояния ислама и христианства. Форпостом и защитником последнего объявлялась Россия как продолжательница политики Российской империи на Кавказе /51/.

Дудаевцам в полной мере не удалось превратить свою войну в некий аналог джихада времен имама Шамиля, да и этническая разноголосица, внутриклановые и религиозные противоречия, которые также служили помехой Шамилю и его последователям, сказываются в Чечне и в наши дни. Именно поэтому чеченская война не стала, да и вряд ли станет когда-либо общекавказской. Предложенная Дудаевым и во многом замешанная на религии идея "Кавказского общего дома", или "Дома кавказского содружества" - она была выдвинута в противовес и СНГ, и Конфедерации народов Кавказа - провалилась.

Апелляция чеченской оппозиции к исламским ценностям обусловлена, помимо внутренней, внешней целью: мобилизовать общественное мнение мусульманского мира, заручиться политической и финансовой поддержкой его ведущих государств. Как утверждают некоторые дудаевцы (например, бывший министр иностранных дел в дудаевском правительстве Шамсутдин Юсеф), Россия сама оттолкнула от себя Чечню и бросила ее в объятия мусульманского мира/52/, который в религиозном, политическом, социально-экономическом отношении гораздо ближе республикам Кавказа, нежели западные демократии. Вместе с тем восприятие чеченско-российского конфликта в мусульманском мире не является прочеченским, и здесь за риторикой и политическими декларациями о мусульманской солидарности прослеживаются прагматизм и совсем иные, далекие от религии мотивы, толкающие либо на поддержку чеченских сепаратистов, либо на сдержанное отношение к их борьбе.

Сильной поддержкой сторонники независимости Чечни пользуются в радикальных кругах исламских государств Ближнего и Среднего Востока, а также Центральной Азии. Здесь Чечня рассматривается как жертва "агрессии со стороны России", а сама война как "проявление российского империализма". Широкое хождение в политических кругах мусульманских стран получила теория о складывании некоего "антиисламского треугольника" - в Боснии, Ираке и Чечне, где Россия действует заодно с Западом, который-де ставит своей целью максимальный подрыв позиций ислама в мире.

В целом же несмотря на то, что политики и общественные организации и в СНГ, и в странах БСВ высказывались за скорейшее прекращение кровопролития в Чечне, решение проблем в этом регионе за столом переговоров, мирным путем, открытой конфронтации с Москвой из-за Чечни в общем-то не последовало. В отличие от Афганистана, где в рядах муджахедов сражались выходцы из многих мусульманских регионов, в Чечне это были в основном представители так называемых черкесских общин Иордании, Сирии, Турции, члены некоторых радикальных международных организаций, таких как "Братья-мусульмане", например /53/.

Несмотря на активное использование лидерами сепаратизма мусульманской риторики, активных действий в поддержку чеченцев не предприняло ни одно мусульманское государство. И если даже на неправительственном уровне солидарность выражалась, большинство стран Третьего мира с пониманием отнеслось к стремлению России сохранить свою территориальную целостность. На официальном уровне они выразили лишь озабоченность продолжающимся кровопролитием и "беспорядочным использованием силы", что свидетельствует о том, что сохранение и развитие межгосударственных отношений с Россией оказываются для них важнее идеи мусульманской солидарности. Кроме того, многие мусульманские страны сами сталкиваются у себя с проявлением сепаратизма и так же, как и Россия, не особенно щепетильны в выборе средств для борьбы с ним. Что касается Ирана, объявленного Вашингтоном оплотом международного терроризма и покровителем исламского фундаментализма, то и его руководителям отнюдь не с руки сейчас ссориться с Россией: позицию Тегерана в чеченском конфликте определяют более прагматичные соображения - заинтересованность в сотрудничестве с Москвой в военной области и в вопросах освоения Каспия.

Существует некоторая специфика в отношении к чеченскому конфликту со стороны Азербайджана и Турции, но вряд ли они подходят к этой проблеме с позиций реализации идеи мусульманской солидарности. Здесь преобладают иные соображения.

В российской печати появлялось немало сообщений о тайной поддержке Азербайджаном дудаевской оппозиции, в том числе и путем использования азербайджанской территории как перевалочного пункта поставки оружия силам чеченского сопротивления из "дальнего зарубежья". Утверждалось также, что Баку и Грозный стали крупнейшими в кавказском регионе перевалочными пунктами наркоторговли, что чеченские наемники воевали в Карабахе на стороне Азербайджана, и тогда якобы Эльчибей и Дудаев подписали соглашение о праве чеченцев забирать с собой оружие ("живая сила - оружие")/54/.

Сотрудничество с Чечней, как предполагают некоторые российские аналитики, соответствует тактическим и стратегическим целям внешней политики Азербайджана, который нуждается в поддержке своей борьбы за Карабах, и кроме того, заинтересован в ослаблении или, по крайней мере, снижении контроля России за каспийской нефтью. Кроме того, Азербайджан, как и Чечня, может вернуться к выдвигавшейся в прошлом идее создания конфедерации мусульманских государств под эгидой Турции, в которой независимой Ичкерии отводилась бы роль северного форпоста /55/.

Турция, где проживает крупнейшая на БСВ кавказская диаспора (около 7 млн. человек), на официальном уровне выступила за урегулирование конфликта мирными средствами. Не ставя под сомнение необходимость сохранения территориальной целостности России, турецкие власти тем не менее не препятствовали развернутой кавказской диаспорой кампании по поддержке Республики Ичкерия, отправке в Чечню добровольцев, в том числе и из других стран БСВ, организации тренировочных лагерей для дудаевских боевиков на территории Турции и Северного Кипра /56/. Осенью 1995 г. турецкое правительство выступило за вывод российских войск из Чечни и за ограничение российского контингента на Северном Кавказе под предлогом нарушения Москвой "фланговых ограничений" договора о сокращении войск и вооружений в Европе, заключенного в 1990 г.

За действиями турецких и других сторонников независимости Чечни лежат не только симпатии к чеченскому сопротивлению или же стремление ослабить Россию,

"наказать" ее за антиисламскую политику. Не меньшее значение имеет нефтяной фактор: ведь не может быть простым совпадением, что резкая эскалация действий чеченских боевиков совпала по времени с решениями, принимавшимися нефтяными компаниями США, а также Анкарой, Тбилиси и Баку, относительно маршрутов экспортного транзита каспийской нефти.

Что касается Запада, то он отреагировал на события в Чечне крайне сдержанно. Осуждались лишь методы, использовавшиеся российской армией, многочисленные жертвы среди мирного населения. Подвергались критике и такие явления российской политической жизни, как отсутствие гражданского контроля над армией, легкость, с какой правительство прибегает к военной силе. Подчеркивалось, что все это создает непредсказуемость и нестабильность, затрудняет вхождение России в международную политику.

Западные политики считают также, что конфликт, наподобие чеченского, способен дестабилизировать ситуацию на Северном Кавказе, стать причиной социальных и политических потрясений на всем постсоветском пространстве. Он также может нарушить хрупкое политическое, этническое, религиозное равновесие в регионе Ближнего и Среднего Востока, словом, создать для Европы и США дополнительные трудности. Потому Запад готов закрывать глаза на нарушения прав человека в Чечне, лишь бы российское правительство удерживало там ситуацию под контролем.

И все же, последствия чеченской войны представляют огромную опасность прежде всего для судеб самой России. Ведь нет никаких гарантий, что этот конфликт удастся минимизировать и саму конфликтную зону эффективно локализовать: сократить наращивание в регионе Северного Кавказа крупных контингентов войск, предотвратить неконтролируемое распространение оружия и наркотиков, массовую миграцию населения и, как следствие этого, - социальную, политическую, национально-этническую нестабильность.

Чеченская война породила еще одну страшную угрозу - терроризм. По опыту других стран известно, что терроризм даже в благополучных странах не поддается быстрому лечению. Он способствует, кроме того, укреплению в обществе культа силы, насилия, пренебрежения основными правами человека, и прежде всего правом на жизнь. Чеченский кризис не стал исключением, превратившись в самый серьезный вызов нарождающейся демократической системе и гражданскому обществу в России. Он выявил крайне слабое воздействие на политику государства собственно российского и международного права, во многом подорвал престиж власти как защитницы правопорядка, гаранта безопасности граждан. Прервал он и процесс реформирования армии, которая вновь - по афганской и таджикской модели - оказалась втянута во внутречеченское клановое противоборство.

Другая сторона этой проблемы - целостность России, которая поставлена перед серьезным испытанием. Военное вторжение, обращение к силе, иррациональная жестокость, проявленная войсками, сделали в Чечне то, чего не мог бы сделать ни Дудаев, ни какой-либо другой чеченский лидер - сопротивление чеченцев стало выглядеть как национально-освободительное движение, а религия в ранее не особенно набожном чеченском обществе быстро радикализировалась, способствуя наведению контактов чеченских неопитов с экстремистскими течениями мусульманского мира.

Идея независимости пустила за время российско-чеченского вооруженного противостояния слишком глубокие корни, чтобы ею можно было пренебречь в дальней-

ших переговорах по урегулированию конфликта. Усиление влияния религии, рост авторитета традиционных исламских структур могли бы способствовать общей стабилизации и в Чечне, и во всем северокавказском регионе. В условиях же войны, невольного обострения национального, религиозного противостояния верх взяло воинственное течение ислама, для которого оборонительные задачи в определенный момент могут трансформироваться в наступательные. Речь не идет о мифической угрозе исламского фундаментализма, который якобы давно свил себе в Чечне гнездо. Скорее религия и национализм стали дополнительным аргументом в пользу непримиримой позиции части политиков, культивирования в рядах чеченского сопротивления идеи о несовместимости российского и кавказского мироустройств.

Что касается внешних аспектов "чеченского синдрома" - использования военной силы при решении национальных и территориальных проблем, - то раньше всего они могут проявиться в государствах Закавказья, где политика России в Чечне в определенном смысле развязала руки местным политическим режимам, далеким от демократии и склонным решать возникающие проблемы с помощью авторитарных, силовых методов.

ВЫВОДЫ.

1. Кавказ с его мини-гражданскими войнами, территориальными и национально-этническими конфликтами генерирует наиболее серьезные вызовы безопасности России, СНГ, сопредельных государств Третьего мира. За годы независимости ни одной из кавказских республик не удалось избежать тотального спада производства, массового обнищания населения, военно-политических катаклизмов, а Грузии и Азербайджану - военных переворотов. Но и для народов Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха, Чечни борьба за независимость обернулась не самыми радужными последствиями: экономической разрухой, изоляцией от внешнего мира и образованием военизированных авторитарных режимов.

2. "Миротворчество" России, которая могла бы играть решающую роль в урегулировании конфликтных ситуаций на Кавказе, весьма специфично, поскольку она приносит во все конфликты соперничающие интересы российских элит. Кроме того, она либо стремится доказать свое главенство и оттеснить других миротворцев, либо предпочитает "заморозить" конфликт, чтобы в нужный момент (например, при решении вопросов о транспортировке маршрутов каспийской нефти) нажать на "болевыe точки", "разогреть" его.

3. Но конечно же, не только по этим причинам конфликты на Кавказе с таким трудом поддаются урегулированию. Пробивающие себе дорогу в новых независимых государствах Закавказья тенденции к авторитаризму, делающему ставку на силу и ограничивающему, в целях сохранения нелегитимных властных полномочий правящих режимов, права человека, свободу печати, другие демократические ценности, препятствуют разрешению конфликтов цивилизованным путем, с помощью переговоров и компромиссов. Политическое поведение конфликтующих сторон отмечено непримиримостью: помимо бесконечных, бесплодных дискуссий об "историческом первородстве" ("мы жили здесь раньше вас" и т.п., и потому "наши права выше") ситуацию усугубляет изначально высоко установленная планка в переговорном процессе ("все или ничего"), которую ни один из противников не хочет опускать первым. Очевидна также

неспособность и нежелание вождей сепаратизма предвидеть пагубные последствия внешне эффективных, но на деле очень опасных шагов по "вывешиванию национального флага", то есть провозглашения независимости, отделения от государства. Столь же иррациональной и малоэффективной выглядит попытка официальных властей, будь то в Азербайджане, Грузии или в России, - "наказать" "мятежников", а тем более заставить их силой капитулировать, вернуться к прежнему, довоенному статусу после вспышек насилия, этнических чисток, многочисленных жертв и пролитой крови, порождающих взаимную "эскалацию ненависти".

4. Нынешние конфликты на Кавказе отличаются особой жестокостью и кровопролитием еще и потому, что сформировавшиеся в период суверенизации многочисленные нерегулярные вооруженные силы стали орудием амбициозных политиков, двигателем братоубийственных войн. Доступность оружия и быстрое овладение партизанскими методами ведения войны делают эти формирования приспособленными к долговременным боевым действиям против регулярных армейских частей, особенно таких деморализованных, как российские, и только формирующихся, как местные регулярные армии.

5. Соглашения о прекращении огня приостановили столкновения на этнической почве и широкомасштабные боевые действия на карабахском фронте, а также в зоне грузино-абхазского противостояния. Во всех закавказских государствах правящие режимы использовали эту передышку не только для усиления боеспособности вооруженных сил, но и для укрепления собственной власти: подавления оппозиции, свертывания демократических свобод под предлогом необходимости консолидации нации для отпора врагу, образ которого причудливо и попеременно, по прихоти властей, видоизменяется. Вчера это был "российский империализм", сегодня - оппозиция или местные сепаратисты. Не снимаются с повестки дня территориальные споры. Это означает, что угроза миру и стабильности на Кавказе сохраняется, и все конфликтующие стороны будут по-прежнему стремиться подключить к своим спорам внешних игроков - Россию, Турцию, Иран, страны Запада, с тем чтобы реализовать с их помощью свою политическую стратегию в каждой конкретной конфликтной ситуации. Вариант использования в Закавказье опыта урегулирования чеченского конфликта пока ни Баку, ни Тбилиси не просматривается: правящие режимы в этих странах занимают по проблемам сепаратизма жесткую позицию.

6. С точки зрения экономических и материальных ресурсов хозяйственное освоение Кавказа является для России в настоящее время нереалистичным: она не способна обеспечить социальное выживание и политическую стабилизацию в этом регионе без того, чтобы взять на себя его дотирование. Но оно в любой форме окажется убыточным для российской экономики. И все же Россия не может позволить себе полностью свернуть свое присутствие на Кавказе либо "уйти" из него. Речь следовало бы вести лишь о корректировке курса в отношении кавказских конфликтов. В обозримом будущем Россия не может абстрагироваться от них и тем более - отстраниться от участия в их урегулировании и в силу исторической правопреемственности, ответственности за судьбу этнических русских, проживающих в конфликтных зонах, и в силу прямого воздействия нестабильности на Кавказе на этнополитическую ситуацию в северокавказских автономиях России и прилегающих к ним "русских районах" - Краснодарском и Ставропольском краях.

7. Предшествующий опыт "миротворчества" России на Кавказе, который свелся главным образом к тому, чтобы принудить воюющие стороны заключить перемирие на приемлемых для российских военных условиях, привел к усилению влияния российского генералитета на политику, но не к закреплению экономических и политических позиций России в регионе. Иллюзорными оказались и надежды на то, что охлаждение отношений России и Запада из-за нарушения прав человека в Чечне усилят процессы интеграции России и государств Закавказья. Там Россия пока что может положиться как на своего союзника только на Армению и то, видимо, лишь в краткосрочной перспективе.

8. Было бы крайне недальновидно также считать Армению и другие закавказские государства лишь пешками в руках опытных региональных игроков. Армения с ее нынешней российской ориентацией, Грузия, вынужденная опираться на военный потенциал России, Азербайджан, учитывающий тюркские приоритеты, давно уже пытаются проводить самостоятельную политику, искать новых стратегических партнеров (и доноров) на Западе и в странах БСВ. Складывающиеся в регионе военно-политические союзы - турецко-азербайджанский, с одной стороны, и российско-армянско-иранский - с другой, могут на какое-то время стать фактором стабилизации, подготовить условия для перехода к серьезным переговорам по карабахской проблеме. Но все же ни военные союзы, ни экономические и политические соображения и нефтяные выгоды не способны привести к нормальному сотрудничеству и миру в регионе. Неоправданными являются и расчеты на то, что Запад через свои нефтяные компании заставит стороны умиротвориться, чтобы создать возможность безопасно добывать и транспортировать нефть.

10. Использование военной силы для борьбы с сепаратизмом во внутренних конфликтах в целом малоэффективно. "Разогрев" конфликт, трудно создать на "мятежной" территории стабильный режим, пользующийся доверием всего населения и способный привести враждующие стороны к мирному диалогу. Невозможно также предотвратить интернационализацию конфликта, что оказывает дестабилизирующее воздействие на всю региональную систему в целом.

11. В целом международное сообщество активно не повлияло на ход конфликтов на Кавказе либо на их урегулирование, частично из-за того, что этот регион не является сферой главных политических и стратегических приоритетов Запада, а частично и из-за открытого противодействия Москвы, стремящейся единолично разрешать конфликты в постсоветском пространстве. Ни государства Третьего мира, ни Запад не собираются, как очевидно, признавать независимость самопровозглашенных НКР, Абхазии, Чечни, поскольку это способствовало бы усилению сепаратистских настроений в других странах мира, что чревато дестабилизацией и войнами. Хотя мировая общественность и осуждает методы, с которыми действовали российские войска в Чечне, террористические вылазки сепаратистов не найдут поддержки, поскольку терроризм подвергается единодушному осуждению во всем мире.

12. Несмотря на многие серьезные издержки российской политики, в том числе и в Чечне, было бы ошибочным со стороны Запада допустить новую изоляцию России. Ее правозащитные и неправительственные организации нуждаются в партнерстве с Западом в первую очередь для того, чтобы стабилизировать обстановку на Кавказе. Особо важной представляется такая сфера деятельности, как постоянное наблюдение за соблюдением прав человека, прав национальных и религиозных меньшинств в кон-

фликтных зонах. Представляется важным также ужесточить меры международного воздействия в отношении инициаторов насилия, этнических чисток, вооруженных погромов. Ведь сумела же мировая общественность и ее организации достичь этого в бывшей Югославии, где военных преступников начали преследовать в судебном порядке.

13. Но, конечно же, было бы наивным полагаться только на международные организации, международное сообщество. Прекращение войн в Карабахе, Абхазии и Чечне зависит все же не от международного фактора, а от того, способны ли противоборствующие стороны, националистические лидеры проявить политическую волю, в состоянии ли общество оказать на власть давление, принудить ее к мирному решению конфликта, заставив пойти на взаимные уступки и серьезные мирные переговоры. Если этого не произойдет, и Кавказ, и Россию ожидают нескончаемые войны с новыми жертвами, разрушениями, потоками беженцев, вспышками терроризма, словом, со всем тем, что во всем мире становится неизбежным следствием вооруженных конфликтов.

ГЛАВА 4. МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ И КЛАНОВОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В КОНФЛИКТАХ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

В четвертой главе анализируются конфликты в Центральной Азии - в Афганистане и Таджикистане. Этот единственный случай прямого сопоставления конфликтов, один из которых происходит в Третьем мире, а другой - на Юге Содружества, обусловлен не только географическим соседством двух стран, общностью их истории, этническим, религиозным фактором - наличием в двух государствах влиятельных таджикской и узбекской общин -, но и переплетением двух конфликтов, зависимостью разрешения каждого из них от исхода гражданской междоусобицы в другом. Конфликтность этих государств автор связывает со сложной национально-этнической ситуацией, с теми противоречиями, которые порождает клановая структура общества. В известной мере и афганский, и таджикский конфликты были порождены тем, что в этих странах оказался нарушенным исторически сложившийся кланово-этнический баланс. Но и религия сыграла в этих конфликтах специфическую роль.

Понятие "Центральная Азия" используется в данном контексте расширительно и им, помимо бывших советских республик Средней Азии и Казахстана, охватывается ряд развивающихся государств Среднего Востока, включая Афганистан. Взгляд на Центральную Азию как на новую зарождающуюся политическую и экономическую общность, относительно самостоятельный регион /1/ обусловлен происшедшими в Азии после распада СССР геополитическими изменениями - выходом на региональную и международную арену постсоветских независимых государств, сохраняющих статус участников СНГ и признающих себя частью Третьего мира, что придает проблемам экономического и политического сотрудничества, мировой безопасности и безопасности России. иное звучание.

Хотя новые независимые государства отодвинули Афганистан от России, афганская проблема и афганское направление сохраняются в структуре российской политики и дипломатии: ведь конфликт в Афганистане продолжает подпитывать нестабильность на Юге СНГ. Сам факт десятилетнего участия СССР в войне, через которую прошло множество граждан бывшего Советского Союза, и сегодня создает некую со-

причастность к происходящему в этой развивающейся стране. Потому-то ни в России, ни в других постсоветских республиках афганский конфликт не воспринимается отстраненно.

Конфликтогенность Афганистана и новых независимых государств Центральной Азии связана со сложной национально-этнической ситуацией в этих странах, сохраняющих большой удельный вес традиций, с теми противоречиями, которые порождает клановая структура общества, с нарушением накануне и в ходе революционных преобразований (и в Афганистане, и в Таджикистане) исторически сложившихся кланово-этнических балансов и связей. Особенности здешней ситуации являются: разобщенность народов по клановому, этническому и региональному признакам, их чересполосное расселение, связь каждого народа с определенным ландшафтом, трибализм и пережитки кастово-племенного строя. Этническая нестабильность в регионе является следствием и определенной условности географического построения и территориального деления государств. Центральназиатские республики, например, возникли в свое время не в результате естественных и длительных культурно-исторических процессов, а вследствие волевого решения - создания в 20-30-е годы на месте Туркестана государств по национальному признаку, что, по мнению ряда специалистов /3/, противоречило многовековой истории народов региона. В результате, в Центральной Азии насчитывается ряд спорных территориальных проблем (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 2), которые подогревают межгосударственные и этнические конфликты. Сохраняет свое значение и старая проблема "разделенных народов" - этнических казахов, узбеков, таджиков, киргизов, уйгуров, туркмен и других, - оказавшихся по воле истории по разные стороны границ, что создает питательную почву для ирредентистских настроений и движений. Наконец, наличие в Афганистане и государствах Центральной Азии национальных меньшинств, носителей иных культур, религий и традиций, легко провоцирует конфликты.

Высказывавшиеся в конце 80-х - начале 90-х годов мрачные предсказания относительно взрыва региональной системы Советской Средней Азии, распада там государственности, всеобщего хаоса и беспорядка /4/ не оправдались. Межэтнические столкновения и конфликты-бунты, происходившие в годы перестройки (см. ТАБЛИЦУ 2), не имели продолжения. С тех времен тянется лишь вооруженное межтаджикское противостояние. В целом, по сравнению с бурлящим Кавказом Центральная Азия предстает относительно спокойным местом на карте бывшего Советского Союза. Но подобная благостная картина может оказаться обманчивой, учитывая остроту национально-этнических, социальных, территориальных проблем, с которыми приходится сталкиваться ныне новым независимым государствам региона. Кроме того, Центральная Азия все больше превращается в объект столкновений интересов России, ведущих государств мусульманского мира, Запада, Китая, Индии, и любое внешнее воздействие в состоянии нарушить здесь достаточно хрупкий баланс, изменить политический облик региона. Это может быть давление со стороны России и соседних азиатских государств, внутренний конфликт в отдельном государстве, сепаратистское движение, территориальный спор и многое другое.

Непродуманная, импульсивная вовлеченность СССР во внутриафганскую фракционную борьбу, очевидная завышенная оценка советскими руководителями военного потенциала своей страны и высокомерное пренебрежение такими "вторичными", с точки зрения коммунистических идеологов, "материями", как религия и национализм, не

говоря уже о множестве других факторов экономического, политического, международного порядков, которые стали тем фоном, на котором события в Афганистане развивались в невыгодном для СССР направлении, - все это

Таблица 2

Межэтнические столкновения и конфликты-бунты в Центральной Азии
(1986-1990)

Место	Время	Конфликт. Стороны	Число жертв (офиц. данные)
Алма-Ата (Казахстан)	17-18,12.1986	Казах. молодежь и студенты, правительства п	58
Ферганск. долина (Узбексит.)	Май-июнь 1989	Узбеки против турок-месхетинцев	112
Новый Узень (Казахст.)	июнь 1989	Казахи против киргизов	3
Ош (Киргизия)	июнь-июль 1990	Узбеки против киргизов	320

Составлено по: Московские новости. 1991, N 11; материалы советской и российской прессы.

привело к ситуации, последствия которой в полной мере ощутимы и в России, и в СНГ, и во всем мире в целом (самые свежие примеры - бывшая Югославия и Алжир, где "афганцы" стали едва ли не главной ударной силой боевиков и террористов). И конечно же, события, происходящие в Афганистане, теснейшим образом переплетаются с тем, что происходит в Таджикистане и в других республиках Центральной Азии.

Конфликт в Афганистане, начавшийся еще в эпоху "холодной войны", помогает многое понять в нынешней кризисной ситуации в Таджикистане, найти оптимальные пути для выхода из нее.

4.1. Афганистан: гражданская междоусобица и вооруженное этническое противостояние

История Афганистана последних десятилетий /5/ характеризовалась бесконечными религиозными, этническими, клановыми столкновениями, заговорами, убийствами, дворцовыми переворотами. Этнический состав Афганистана был нарушен еще в 20-30-е годы, когда из Средней Азии в эту страну хлынули спасавшиеся от советской власти беженцы и басмачи - таджики, узбеки, туркмены, что не могло не вызвать беспокойства пуштунской знати, заинтересованной в поддержании своих лидирующих позиций в управлении и в государственных структурах /6/. И в дальнейшем в афганском обществе сохранялось настороженное и подозрительное отношение к непуштунам - "вынужденным переселенцам", а сама пуштунская знать - в силу самосохранения - традиционно была заинтересована в сохранении стабильного развития в приграничных с

Афганистаном среднеазиатских республиках. Тем не менее в 70-е годы в стране удалось установить хрупкий этнический баланс между пуштунами, являвшимися наиболее многочисленным и влиятельным этносом, и непуштунами. Относительно однородный религиозный состав населения Афганистана (большая его часть - приверженцы ислама) также позволял сохранять стабильность.

По данным переписи населения, которая была проведена летом 1979 г., из 15,5 миллионного населения страны пуштуны (афганцы, или патани, как их называли в Пакистане) составляли около 55 процентов, таджики - 19%, узбеки - 9%, хазарейцы - 8%, остальные - белуджи, казахи, киргизы, арабы и др. /7/. Пуштуны и в меньшей степени таджики доминировали в правительственных и управленческих структурах. Они же составляли вместе с хазарейцами большую часть довоенного населения Кабула. Большинство пуштунских племен (около 5 миллионов человек /2/) компактно и относительно автономно располагалось в приграничных с Пакистаном районах, находившихся в сфере пакистанского влияния. Западная часть страны - Герат - сохранял тесные экономические и культурные связи с Ираном, который контролировал эту территорию до ее захвата афганцами в 18 веке. Горные долины центрального Гиндукуша оставались "вотчиной" хазарейских племен /8/.

И до советского вторжения центральная власть в Афганистане в известном смысле была номинальной. В этом афганская ситуация не особенно отличалась от положения, существовавшего во многих других странах Востока, где на фоне неразвитой социальной структуры сохранялось влияние традиционных институтов, а в общественной жизни преобладали этнические, конфессиональные, клановые интересы или же страна сползала в сторону фундаментализма. В афганском обществе верность народности, племени, клану, личной преданность баю, мулле, главе религиозной общины, секты или братства всегда была чрезвычайно велика. Да и авторитет служителей культа - настоятелей крупных мечетей, преподавателей богословских факультетов учебных заведений, учителей медресе, судей и мулл - был в Афганистане высок и освящен их участием в национально-освободительной, антимонархической и антидаудовской борьбе. Особый вес имели в афганском обществе лидеры суфийских братств (тарикатов), которые и поныне пользуются авторитетом среди своих учеников, послушников, и обладают над ними неограниченной властью, как в религиозных, так и в светских делах /9/.

Мусульманские фундаменталисты ранее не играли особо заметной роли в афганской политике. В период правления короля Мухаммада Захир-шаха (1933 - 1973 гг.) немногочисленные и не слишком влиятельные фундаменталистские партии и организации подвергались в Афганистане преследованиям, поскольку выступали против монархии, а также против богословов-ортодоксов и суфийских братств, традиционно поддерживавших короля. Фундаменталисты оттолкнули от себя и влиятельную верхушку пуштунской племенной знати, потребовав отмены ряда ее привилегий. Еще в 70-е годы многие фундаменталисты вынуждены были бежать из Афганистана в Пакистан, где они завязали союзы со своими единомышленниками, в частности из "Джамаат-и Ислами". Но какого-то единого органа либо центра, способного разжечь исламскую революцию в Афганистане не существовало. Исламско-фундаменталистские движения, сформировавшиеся в эмиграции, были весьма неоднородны, раздробленны. Они враждовали между собой и уже тогда ориентировались на разные внешние силы: Пакистан, Саудовскую Аравию, Иран, Ливию.

В конце 70-х годов мусульманская оппозиция не являла еще собой столь серьезной политической и военной силы, в какую она превратилась после ввода в Афганистан советских войск. Их появление вдохнуло силу в исламское движение, вывело "борцов за святое дело ислама" на передний край политической борьбы, дало ей, если можно так выразиться, моральное обоснование, не говоря уже о чисто материальном аспекте - гуманитарной, финансовой, военной помощи, хлынувшей к "борцам за веру" из самых различных источников.

Афганский конфликт до сих пор оценивают по-разному: в терминах противостояния двух противоборствующих систем, столкновения "коммунизма и ислама" /10/, как противоборство исламской и неисламской цивилизаций /11/, как национально-освободительную, фракционную, клановую борьбу и т.п. На самом деле этот конфликт состоит из множества компонентов, и он не может трактоваться только как внутренний - религиозный либо этнический, как гражданская война, национально-освободительное движение или региональный конфликт. К нему применимы все эти дефиниции, которые на разных этапах проявлялись по-разному.

До Апрельской революции 1978 г. афганский конфликт развивался как внутренний, и борьба тогда велась между партиями и движениями различной идеологической окраски. Второй период, региональный, начался со вторжения советских войск и завершился их выводом. Третий - промежуточный - продолжался до марта 1992 г., то есть до создания в Пешаваре правительства национального согласия. И наконец, четвертый период - межклановой, межэтнической борьбы длится по сей день. Его, однако, трудно понять без обращения к истории конфликта.

Революция объективно способствовала усилению роли религиозного фактора как символа сопротивления насильственной секуляризации. Первые послереволюционные мероприятия правящей Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), направленные на "отмену" религии, привели к взрыву возмущения, откату значительной части населения в лагерь оппозиции /12/. Революционные преобразования, модернизация несомненно несли угрозу привилегиям и влиянию мусульманского духовенства, и не случайно поэтому, большая его часть очутилась в рядах контрреволюции. Однако и сама правящая партия своими "перегибами" в отношении религии, совершенными явно под воздействием советского атеистического опыта, немало способствовала тому, что ислам превратился в идейное знамя борьбы с "атеистическим коммунизмом", покусившемся на святое святых - традиции народа.

Итак, на начальном этапе молодая революционная власть недооценила роли религиозного фактора, что послужило одной из причин возникновения внутреннего конфликта. НДПА не сумела превратить ислам в своего союзника. Она небрежно отбросила в сторону религиозное оружие, посчитав его устаревшим, вышедшим из употребления, и попыталась подорвать вековые традиции, заменить создаваемый религией плюрализм общества унифицированной светской системой.

По официальной советской версии, на введенный в Афганистан "ограниченный контингент" возлагалась задача помочь НДПА отстоять завоевания революции, защитить модель социалистической ориентации. Она, как казалось тогдашнему советскому руководству, начинала утверждаться в Афганистане. Можно предположить, что вера в модель, подменившая анализ афганской действительности - сложной и противоречивой, приверженность абстрактным идеологическим концепциям, весьма далеким от реальности, определила советскую политику в Афганистане на долгие годы. Сыграл свою

роль и страх перед гипотетической исламской угрозой, тем более, что в конце 70-х годов демографический рост в условно говоря мусульманских районах бывшего СССР, особенно в Средней Азии, значительно опережал соответствующие показатели у "славян", а исламский фундаментализм утвердился в Иране после победы там хомейнистской революции.

Все это не означало, что в советских верхах царило полное единодушие относительно целесообразности силового решения афганского конфликта или вмешательства в него путем использования военной силы. По свидетельству военного эксперта, участника войны в Афганистане генерал-майора А.А.Ляховского /13/, тогдашнее советское руководство просто не устояло перед многочисленными и настойчивыми просьбами лидеров НДПА - "парчамистов" и "хальковцев", - боровшихся друг с другом за власть и рассчитывавших добиться перевеса в этих межфракционных столкновениях с советской помощью. У нас нет убедительных доказательств справедливости этой версии, но есть основания полагать, что лоббировавшие военное вторжение политики, представители спецслужб и военные стратеги одержали в конце 1979 г. верх над противниками военного вовлечения СССР во внутриафганский конфликт, и роковое решение было принято. Впоследствии механизм принятия решения о вводе войск в Афганистан был осужден Постановлением съезда народных депутатов СССР "О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года" /14/.

Казавшаяся тогда быстро и легко выполнимой задача "наведения порядка в афганском доме" растянулась для Советского Союза на целое десятилетие. Не прошла эта война бесследно и для мусульманского населения Советского Союза, в особенности для граничащих с Афганистаном республик Советской Средней Азии, став серьезным вызовом их стабильности и безопасности. Имела война и катастрофические последствия для самого существования СССР как государства, а Россию афганский конфликт поставил перед лицом угроз, актуальность которых не уменьшилась и по сей день. Методы, к которым прибегали в этой войне бойцы сопротивления и советские войска - практика заложничества и коллективной ответственности, тактика выжженной земли, бессудные расправы над мирным населением, - впоследствии стали широко применяться в ходе вооруженных конфликтов в СНГ. И здесь нередко бывшие "афганцы" - участники войны в Афганистане - оказывались по разную сторону баррикад, воевали друг против друга, а в сами боевые действия была привнесена невиданная ранее жестокость и неприимность.

Советское вторжение придало религиозный импульс национально-освободительной борьбе, которая приобрела характер джихада, священной войны, развернувшейся как против местной революционной власти, именовавшей себя народно-демократической, так и против поддержавших ее силой оружия "советских оккупантов". Этнические и клановые интересы во многом определили расстановку сил в рядах афганского сопротивления.

Условно все участвовавшие в афганском вооруженном конфликте группировки можно подразделить на две группы: фундаменталисты и традиционалисты. К первым относились: Исламская партия Афганистана (ИПА), возглавляемая пуштуном Гульбеддином Хекматияром; партия под тем же названием, лидером которой является пуштун Мухамед Юнус (Халес); Исламское общество Афганистана во главе с таджикским лидером Бурханудином Раббани; Исламский союз за освобождение Афганистана, во главе которого стоял Абдул Рауф Саяр.

ИПА, созданная с помощью Пакистана, объединенная военная разведка которого сделала ставку на Г.Хекматияра, заняла крайние фундаменталистские позиции и кроме того вела борьбу за придание Афганистану облика "государства пуштунов". Другие фундаменталистские группировки заняли относительно более умеренные позиции как в вопросах соотношения религии и политики в жизни афганского общества, так и по проблемам внешних контактов с "атеистическими" режимами. Исламское общество Афганистана, сформированное по преимуществу из этнических таджиков, стремилось изменить историческую традицию и сохранить центральную власть в руках непустунской племенной и религиозной знати.

Так называемые традиционалисты - Движение исламской революции Афганистана, Фронт национального спасения Афганистана, Национальный исламский фронт - действовали в основном среди пуштунских племен. Их устраивала бы такая форма правления, при которой определенную роль могли бы играть вожди кланов и племен, Именно поэтому они активно не возражали, как это делали фундаменталисты, против возвращения к власти проживающего в изгнании короля Захир-шаха.

Примечательно, что идею создания коалиционного правительства во главе с королем в Афганистане была выдвинута вскоре после подписания Женевских соглашений, и она пользовалась поддержкой значительной части афганцев. Проведенный в июле 1988 г. опрос среди 2,8 млн. афганских беженцев в Пакистане показал, что 71% опрошенных считали Захир Шаха "единственным национальным лидером", способным осуществить мирное объединение страны после вывода из нее советских войск. 12% высказались в пользу "чистого исламского государства" и только 0,5% - за то, чтобы новое афганское правительство возглавила одна из группировок оппозиции /15/.

Вооруженная оппозиция базировалась в основном в городе Пешаваре (Пакистан), где в 1985 г. и был создан известный "Альянс семи", или "Пешаварская семерка" (по числу вошедших в объединение группировок), которая как-то координировала и направляла действия участников альянса и боевых командиров.

Помимо пешаварского альянса в Афганистане сложилась группировка оппозиции, ориентированная в основном на Иран: в декабре 1987 г. в Иране при непосредственном участии местного духовенства она оформилась в "Союз восьми". Вследствие тесных связей "пешаварской семерки" с Пакистаном, странами Персидского залива и с США, она не могла в равной мере рассчитывать и на благосклонность Тегерана, который делал время от времени исключения для Исламской партии Г.Хекматияра и Исламского общества Б.Раббани, отношения с которыми тем не менее не отличались особой гармонией. Лидеры афганских группировок неоднократно обвиняли иранское руководство в намерениях расширить контроль над их движениями, расколоть их изнутри. Имели место и боевые действия в самом Афганистане между проиранскими группировками и подразделениями, подчиняющимися "пешаварской семерке".

Женевские соглашения о политическом урегулировании вокруг Афганистана, подписанные 14 апреля 1988 г., открыли надежду на возможность скорейшего окончания одного из самых тяжелых и болезненных региональных конфликтов, доставшихся миру в наследство от времен "холодной войны". Эти договоренности были зафиксированы в афгано-пакистанском Соглашении о принципах взаимоотношений, советско-американской Декларации о международных гарантиях, Соглашении о взаимосвязи для урегулирования относящегося к Афганистану положения, Меморандуме понимания,

которым были определены пути содействия ООН для воплощения соглашения в жизнь /16/. Однако мир в Афганистане так и не наступил.

До 1989 г. мусульманскую оппозицию объединяло общее для всех требование вывода советских войск. В дальнейшем оказалось, что составляющие ее группировки мало что связывает, поскольку они всегда по-разному представляли себе будущее Афганистана, собственную роль в структурах власти. Не наблюдалось и единства в отношении форм государственного устройства: одни склонялись к восстановлению монархии, другие выступали за построение исламского государства. Но пожалуй, самый серьезный водораздел между различными мусульманскими группировками проходил по линии национально-этнического противостояния, по вопросу о том, кто возьмет верх в независимом Афганистане - пуштуны, из которых по традиции формировались структуры центральной власти, или давно претендовавшие на свою долю государственного "пирога" непуштуны, главными претендентами среди которых были узбеки и таджики.

На непуштунские силы в афганском сопротивлении сделал ставку Пакистан: 24 марта 1992 г. Пешаварским соглашением была формализована новая коалиция моджахедов. Она оставила за бортом пуштунские группировки, которые и объединил вокруг себя Хекматияр, углубив тем самым этнический раскол страны. Афганистан из подобия единого государства превращался в набор территорий, управляемых этническими лидерами, которые пытались в рамках международно признанных границ решать свои проблемы исключительно военным путем /17/.

Но хотя этническое противостояние продолжает являться главным компонентом внутриафганского конфликта, на практике оно не столь жестко проявляется. Внутриполитическая картина претерпевает здесь постоянные изменения, так что недавние союзники могут становиться непримиримыми врагами, а враги - союзниками. Например, известный полевой командир Ахмад Шах Масуд нередко вынужден был действовать заодно со своим злейшим соперником Хекматияром. Генерал Рашид Дустум, бывший соратник Наджибуллы и командующий внутренними войсками, покидает в 1992 г. своего президента и становится фактически полунезависимым правителем северных провинций, где большую часть населения составляют этнические узбеки. Под контролем Дустума оказывается знаменитый перевал Саланг на шоссе Кабул-Шерхан, связывающее Афганистан с Центральной Азией. Известны и тесные контакты Дустума с лидерами Узбекистана.

Новую расстановку сил во внутриафганский конфликт привнесла вышедшая в 1995 г. на политической арену Афганистана новая, ранее не участвовавшая в конфликте сила - движение Талибан (слово "талиб" означает "спрашивающий", "находящийся в поиске", его употребляют также применительно к ученикам, "студентам" духовных наставников) /18/: им сравнительно быстро и легко удалось взять Кабул и значительную часть территории Афганистана, потеснив своих соперников - непуштунские вооруженные группировки.

Если суммировать геополитические версии, объясняющие выход на первые роли талибов /19/, то их можно свести к следующим положениям: 1) талибы-де создадут безопасные условия для прокладки планируемого газо- и нефтепровода, который должен проходить по афганской и пакистанской территориям; 2) опираясь на талибов, некоторые региональные державы БСВ, а также западные компании закрепляют свои экономические позиции в Центральной Азии; 3) талибы обеспечивают безопасную прокладку нового "шелкового пути" из Центральной Азии, что дает возможность Паки-

стану контролировать товарооборот в регионе; 4) талибы являются разменной картой в борьбе между крупнейшими экспортёрами героина и опиума - Ираном, Пакистаном и Афганистаном - за контроль над "белой трассой наркоторговли", пролегающей через Пакистан, Афганистан, Азербайджан и Центральную Азию; 5) талибы при поддержке Саудовской Аравии и США и при помощи их религиозно-идеологического и политического "спонсирования" становятся оплотом суннизма в регионе, подрывают позиции проиранских, а значит, и шиитских, пуштунских группировок Масуда и Раббани.

Все эти версии отражают существующие реалии. Ведь действительно, талибы сумели добиться перевеса в политической борьбе в свою пользу благодаря внешней помощи из Пакистана, Саудовской Аравии и США. Однако же смена игроков на афганской политической сцене имеет и иные объяснения, связанные с особенностями этнополитической, межклановой борьбы в этой стране. Движение Талибан представляет все пуштунские кланы и в отличие от фундаменталистов использует "исламское оружие" не для радикального переустройства общества, а как средство защиты патриархальных устоев. Трудно не согласиться с выдвинутым А. Умновым предположением, что приход в Афганистане к власти талибов "объективно соответствует устремлениям всех сил, заинтересованных в воссоединении страны и стабильности на ее границах" /20/. Союз, заключенный Дустумом с Раббани и Масудом осенью 1996 г. ввиду наступления талибов, не может быть прочным, и события 1997 г. подтверждают это предположение: Дустум был смещен, а узбекские вооруженные формирования в Афганистане в условиях распада традиционной межэтнической структуры проявляют стремление к обособлению и утверждению себя в качестве силы, с которой должны считаться. Серьезным подспорьем для них является Узбекистан.

Конфликт в Афганистане, давно перестав быть внутренним, обрел инерцию, не поддающийся миротворческим усилиям, которые, кстати, не особо здесь и прилагались. СССР "ушел", но его не заменила никакая-либо другая политическая сила, способная заставить враждующие стороны сесть за стол переговоров. Великие державы, ООН, региональные организации по существу "отпустили" этот конфликт на самотек, и его участники, получающие постоянную военную подпитку извне, просто не в состоянии самостоятельно придти к какому бы то ни было разумному компромиссу. Очевидно, что в Афганистане образовался вакуум власти, и ни участники конфликта, ни заинтересованные стороны не могут добиться убедительной победы или хотя бы изменить ход событий.

Афганский конфликт преподнес немало ценных уроков, но, к сожалению, ни один из них не был "выучен" ни правопреемницей Советского Союза - Россией, ни новыми независимыми государствами, да и в странах Третьего мира они не были учтены в полной мере. Какие же это уроки?

1. Афганский конфликт доказал, что пренебрежение чувствами верующих в мусульманской стране, неосторожная, непродуманная политика, направленная на то, чтобы "задвинуть" религию на второй план, "запретить" ее, приводит к трагическим последствиям, к расколу общества по линии гражданского противостояния. Во внутривнутриполитическом плане подобный "скачок" провоцирует своего рода "реакцию отката". Вот ведь и в наши дни после десятилетий вооруженной междоусобицы на части афганской территории к власти приходят религиозные фанатики, исповедующие обскурантизм и нетерпимость. Афганистан же, как в свое время Иран, истерзанный после победы ис-

ламской революции гражданской войной и этническими распрями, может быть отброшен в своем развитии на много лет назад.

2. Этот конфликт продемонстрировал широкий диапазон применения "религиозного оружия". Даже представители просвещенной элиты, такие как Хекматияр, охотно используют его для достижения своих целей. С помощью религиозной пропаганды, апелляции к идеям мусульманской солидарности политикам удается мобилизовывать в поддержку своих программ и себя лично широкое число сторонников. Религия, таким образом, обладает еще немалыми возможностями для воздействия на общественное сознание, находящееся в плену традиционных представлений и иллюзий.

3. Для России, так и не сумевшей выбраться из "афганской трясины" /21/, результаты многолетней вовлеченности во внутриафганскую смуту выглядят еще более драматичными и все менее обнадеживающими. Поскольку Россия признала себя правопреемницей СССР в международных делах, она поставлена сейчас перед необходимостью решать вопрос о судьбе афганских беженцев, находящихся в России. Но эта проблема, помноженная на многочисленные вызовы со стороны русских - мигрантов и вынужденных переселенцев из бывших союзных республик и "горячих точек" СНГ, - является практически неразрешимой в нынешних российских условиях.

4. Неконтролируемые поставки оружия в Афганистан, в том числе из южных государств СНГ, попытки центральноазиатских лидеров играть в афганском конфликте "свою игру", проводить политику, не всегда совпадающую с российскими интересами, создают угрозу национальной безопасности России. Такую же угрозу безопасности России представляют наркопоставки из Афганистана через центральноазиатские республики, где давно сформированы центры наркомафии. Афганский конфликт, следовательно, превратился для России в еще одно, весьма обременительное "советское наследие".

5. Россия, как, впрочем в свое время и великие державы, мало что может сделать для его разрешения, поскольку межэтнические, межклановые, религиозные распри и столкновения не поддаются в Афганистане внешнему воздействию. Бесперспективной тратой сил и ресурсов являются попытки отстранить от власти в Афганистане фундаменталистов, пусть даже сам этот феномен - мусульманский фундаментализм - выглядит в глазах некоторых российских политиков и дипломатов, а также их единомышленников, скажем, в Центральной Азии, Индии или США, нежелательным и опасным.

6. Учет сложных и противоречивых афганских реалий поможет России достичь сбалансированного подхода: продолжать участвовать в переговорном процессе с позиций "третьей стороны", избегать блокирования с какими-либо политическими и военными фракциями, группами, кланами Афганистана, а также силового вовлечения в вооруженное этническое и клановое противоборство в этой стране. 7. Хотя гражданскую междоусобицу удастся в целом удерживать в пределах Афганистана, она время от времени выходит из-под контроля, дестабилизирует обстановку на границах СНГ, оказывает - пока непрямое - воздействие на общественное мнение, религиозные движения и политические силы в мусульманских анклавах России. Афганский конфликт способен также стать детонатором этнических и религиозных потрясений в постсоветских центральноазиатских государствах, создавать там ситуацию небезопасности не только для живущих там русских, но и для "коренных" этносов, вынуждая и тех, и других покидать родные места и устремляться в более благополучную Россию. Тревожным сигналом, предупреждающим об опасности именно такого развития событий, является кон-

фликт в Таджикистане. Он продемонстрировал возможности, которыми обладают традиционные факторы в этой части центральноазиатского региона в плане влияния на политику, а также показал, к чему приводит недоучет уроков афганской войны.

4.2. Таджикистан: война кланов и политиков

Независимый Таджикистан - самая южная, самая сельская (70 процентов населения живет здесь в сельской местности), самая безработная (из 2,5 млн. трудоспособного населения - 230 тысяч человек - безработные) и самая бедная (за чертой бедности здесь 60 процентов населения) из всех республик бывшего Советского Союза. В отличие от своих тюркских соседей таджики (65 процентов из 5,9 миллионного населения республики) принадлежат к иранской языковой группе. Как и большая часть мусульман Центральной Азии, таджики являются суннитами. Крупная таджикская диаспора (от 1 до 2 миллионов человек, не считая ассимилированных) живет в соседнем Узбекистане и около 3 миллионов таджиков - в Афганистане. Второй по численности этнос Таджикистана - узбеки (24 процента населения, или 1,2 млн. человек). Русские в настоящее время составляют что-то около 1 или 2 процентов /22/.

Между основными регионами, на которые делится Таджикистан, а также между населяющими его народами трения существовали задолго до обретения республикой независимости. Еще в царский период в северной части современного Таджикистана стали появляться элементы капиталистических отношений, развиваться промышленное производство. Южная же его часть оставалась под властью одного из наиболее отсталых районов Средней Азии - Бухарского ханства. Здесь прочнее, чем на севере, укоренились феодально-патриархальные порядки, а в советский период борьба с басмачеством приняла на этих территориях особенно затяжной характер. Неравномерное развитие этих двух частей Таджикистана дало о себе знать в дальнейшем, наложив отпечаток на всю новейшую историю республики и заложив основы будущих конфликтов. В 1929 г. Таджикская АССР в составе Узбекской ССР была преобразована в союзную республику, и от Узбекистана ей была отрезана экономически развитая часть Ферганской долины - Ленинабадская (ныне Ходжентская) область, где численно преобладали этнические узбеки. В то же время Бухара и Самарканд с их многочисленным таджикским населением остались в составе Узбекистана, и на них как на свои культурные и духовные центры продолжают претендовать в обеих республиках, так что эти крупные города постепенно превратились в "яблоко раздора". Более того, узбеки, живущие в Таджикистане, жалуются на то, что им навязывают таджикский язык и культуру, а таджики Узбекистана обвиняют власти в дискриминации, насаждении "узбекского империализма" и "тюркизации" /23/.

Отнюдь не идиллически складывались отношения официального Душанбе с Горным Бадахшаном. Последний оставался в составе России с 1895 г. до 2 января 1925 г., когда решением Президиума ЦИК СССР Советский Памир был преобразован в ГБАО и отошел к Таджикистану /24/. Горные памирцы, отличавшиеся от таджиков культурой, языком, образом жизни, религией - многие из них являлись приверженцами исмаилизма, - подверглись в годы советской власти насильственной ассимиляции: их

обязывали записываться в паспортах таджиками, запрещали пользоваться национальными языками, а исмаилизм вообще оказался под запретом, и многие приверженцы этой религии, как рядовые, так и священнослужители, подверглись репрессиям. В период коллективизации в 30-е годы жителей Горного Бадахшана насильственно сгоняли на равнину для освоения Вахшской долины. Хотя противоречия между жителями разных регионов внутри каждой среднеазиатской республики весьма существенны, именно в Таджикистане эти противоречия достигли особой остроты в силу того, что не был преодолен искусственный характер объединения, и потому что основные регионы страны развивались крайне неравномерно.

На север Таджикистана - Ходжентскую область, где проживает треть населения страны (2 млн.) и значительная узбекская община, приходится 80 процентов валового продукта Таджикистана. Эта область с ее плодородными землями и более развитой, чем в южных, горных районах, инфраструктурой, традиционно поставляла в Душанбе партийные кадры, и до гражданской войны выходцы из этого региона занимали все ключевые посты в республике. Здесь настолько ощутимо сильное влияние соседнего Узбекистана, что время от времени возникают разговоры относительно возможного объединения Ходжента с Узбекистаном. Юг страны - Хатлон - преимущественно аграрный, экономически отсталый регион, где также имеются этнические проблемы: в Курган-Тюбе компактно проживают узбеки, соперничающие с "титупной нацией" - таджиками, - а также с другими этносами из-за земли, водных ресурсов, дотаций и пр. Центральный регион Таджикистана - Каратегин (Предпамирье) - в годы гражданской войны стал оплотом религиозной оппозиции, а малонаселенный Бадахшан (Горно-Бадахшанская АО), занимающий 43 процента территории страны, хотя формально и подчиняется Душанбе, издавна занимает обособленную позицию, плохо интегрируется с остальными регионами, а ныне вообще фактически оказался под контролем оппозиции. Противостояние региональных кланов - за дотации, власть, доступ к ресурсам - и вылилось в конечном итоге в гражданскую войну.

Конфликт в Таджикистане /25/ по своей природе и основным характеристикам является внутренним, поскольку действия вооруженных группировок на всем протяжении кризиса были подчинены одной стратегической цели - захвату власти. Этот конфликт носит на себе также все признаки этнического, так как его участники отражают интересы своих этносов не меньше, нежели узкорегиональные интересы, и в ходе гражданской войны отчетливо выявилось противостояние между "титупной нацией" и узбеками, между "равнинными" таджиками и памирскими народами. Присутствуют в нем и элементы ирредентизма в связи с высказывавшейся идеей создания Великого Таджикистана, способного объединить этнических таджиков, проживающих ныне за пределами страны - в Узбекистане и Афганистане. Наконец, в этом конфликте ощущается и налет сепаратизма: вопрос об отделении Ходжентской области и ГБАО муссируется в этих регионах на протяжении уже нескольких лет.

Но едва ли конфликт в Таджикистане может быть сведен к простым формулам: "исламский фундаментализм против светского государства" либо "демократы против коммунистов". Подходить к нему с идеологическими мерками было бы упрощением, хотя и поныне некоторые оппозиционеры, изгнанные "из власти", продолжают обвинять своих противников в том, что они осуществили коммунистический реванш /26/, в то время как их оппоненты навешивают на всю оппозицию ярлык "исламского фундаментализма" /27/, что является в их понимании синонимом регресса и дестабилизации.

На самом деле, как убедительно доказывается во многих публикациях по Центральной Азии /28/, коммунизм в его российском понимании здесь никогда и не существовал, а партийный функционер всегда воспринимался в первую очередь как представитель власти, опирающийся на родственный клан, и уже только потом как носитель коммунистической идеологии. То же самое относится и к лидерам оппозиции. Некоторые из них сделали ислам идейным и духовным знаменем своей борьбы в противовес официальной коммунистической идеологии, которую исповедовали их противники, и конечно же они, оппозиционеры, являлись выразителями новых политических сил и веяний. Но и они опирались, как и "коммунисты", на родственные им кланы, представляли вполне конкретные регионы. Словом, конфликт в Таджикистане вызван совокупностью множества факторов, а его движущие силы не всегда находятся на поверхности.

Начнем с экономических причин, которые сыграли важную роль в возникновении и развитии военного конфликта в Таджикистане. Речь идет в первую очередь об аграрном перенаселении и огромном напряжении на рынке труда, связанными с быстрыми темпами роста населения. По самой осторожной оценке, безработица здесь в 1990 г. составляла 12,5% численности трудоспособного населения. Называют также цифру 26-30 процентов /29/. В то же время земельный надел в лучшем случае достигал 0,25 га, а в худшем 0,11 га. /30/. В результате в сельском хозяйстве оказалось накопленным 35-40 процентов избыточного труда /31/.

Безработица и малоземелье, люмпенизация значительной части молодежи - прекрасные дрожжи для социальной нестабильности. К этому следует прибавить и перекосы в экономической политике прежнего союзного центра, который десятилетиями навязывал республикам Средней Азии госзаказ на выращивание хлопка, столь необходимого военно-промышленному комплексу, что привело к истощению почв и водных ресурсов, резкому снижению урожайности сельскохозяйственных культур, экологическим катастрофам. Не удивительно, что как только рухнула прежняя система управления, в республиках Центральной Азии вспыхнула борьба за землю, причудливо переплетавшаяся с этническими конфликтами. Как отмечает В.Переведенцев, "Жесткое администрирование центрального аппарата, своеволие местных баев подняли давление в котле межнациональных отношений до критической отметки. Наша казарменная экономика перессорила туркмен, киргизов, узбеков, таджиков...У них зуб друг на друга из-за земли, воды, неравных капиталовложений" /32/.

Но несмотря на то, что Таджикистан являлся беднейшей республикой в бывшем Советском Союзе, его экономический потенциал чрезвычайно высок /33/. В Таджикистане имеются богатейшие залежи золота, серебра, алюминия, драгоценных и полудрагоценных металлов и самое главное - стратегического урана. В советское время все это богатство было поделено между регионами: ленинабадцы контролировали хлопковую отрасль и часть наркобизнеса; Турсунзаде - алюминиевую промышленность; кургантюбинцы занимались золотодобычей и т.п. С началом гражданской войны в Таджикистане вспыхнула клановая борьба за передел этих богатств /34/. Некоторые эксперты, объясняя причины таджикского конфликта, приходят также к выводу о том, что крупные поставщики этих ресурсов, в том числе и на Западе не хотели чтобы Таджикистан вышел на мировой рынок со своим дешевым сырьем, вынудил бы их резко снизить цены и тем самым привел бы к переменам на устоявшемся рынке и к смене его лидеров. Отсюда делался вывод, что война в суверенном Таджикистане оказалась выгодной его многим экономическим конкурентам /35/.

Какими бы ни были экономические причины, вызвавшие конфликт в Таджикистане, развязать его оказалось очень легко в первую очередь благодаря тому, что здесь имела "благоприятная" социальная база: массовая безработица, малоземелье, низкий уровень жизни большинства населения. Огромное значение в возникновении и развитии вооруженного противостояния имели региональные, этнические, религиозные распри, разгоревшиеся в Таджикистане на фоне политической борьбы. Переход власти от ходжентцев к кулябцам, к другим новым кланам дестабилизировал обстановку и усилил центробежные тенденции в регионах. Подобная ситуация усугублена и этническим конфликтом, который протекает в Таджикистане порой в скрытой форме, но его существование нельзя сбрасывать со счета /36/. Некоторые из этнических противоречий уходят в глубокое историческое прошлое, часть порождена сталинской национальной политикой, но нередко конфликт коренится в различии культур или конфессий. И все же чаще всего этнические противоречия в Таджикистане оказываются подогреты малоземельем, безработицей, борьбой за передел собственности. Не меньшее воздействие на них оказывают внутривластные процессы, связанные с борьбой за власть между кланами, региональными элитами и группами, отражающими те или иные интересы.

Исламский фактор также сыграл немаловажную роль в развитии конфликта /37/. В политическом плане ислам в Таджикистане заявил о себе еще в 70-е годы, когда в отдельных районах страны появились сторонники возврата к первоначальной чистоте исламского вероучения. В начале 90-х годов Таджикистан вызывал наибольшие тревоги в плане перспектив его возможного сближения с мусульманским миром, особенно после того, как здесь сформировалась единственная в своем роде во всей Центральной Азии исламская оппозиция. Организационно она оформилась вокруг Исламской партии возрождения (ИПВ) - впоследствии Движение исламского возрождения Таджикистана (ДИВТ). Ее возглавил тогдашний духовный глава (казикалон) мусульман Таджикистана, а ныне - один из лидеров вооруженной таджикской оппозиции, Ходжаибар Тураджонзода /38/.

В условиях начавшейся еще во времена перестройки либерализации государственной политики в отношении религии в Центральной Азии стали заметны признаки религиозного возрожденчества: обращение к национальным, историческим, религиозным корням сопровождалось ростом интереса к исламу, его вероучению, письменным источникам. Проводилась работа и по осознанию исторического места народов Центральной Азии в мировой цивилизации /39/.

Несмотря на то, что исламское духовенство, религиозно настроенная интеллигенция сыграли заметную роль в политическом процессе в Таджикистане, став влиятельной частью оппозиции, но эта страна в преддверии гражданской войны не стояла на пороге исламской революции по иранскому образцу. Тураджонзода едва ли кривил душой, когда уверял, что "исламская революция в Таджикистане - это миф. Здесь идет борьба за власть" /40/. Таджикские оппозиционеры, выступившие против старой коммунистической номенклатуры, искали в исламе идейное обоснование своей борьбы. Одновременно с этим ислам стал оружием в руках каратегинцев (а именно из Каратегина происходил род Тураджонзады, их родственников и земляков), гармцев, кургантюбинцев, то есть представителей новых региональных элит, требовавших перераспределения власти в свою пользу.

Хотя основные перипетии политической борьбы в Таджикистане в годы развернувшейся там кровопролитной борьбы за власть получили подробное освещение в

научной литературе и прессе, представляется целесообразным напомнить о том, как развивался этот конфликт и какую эволюцию претерпели в ходе его все противоборствующие стороны.

На излете перестройки в Таджикистане вспыхнула острейшая политическая борьба между старой партийной и советской номенклатурой и оппозицией, выступившей под демократическими, националистическими или религиозными лозунгами. Оформившись в ряд партий и движений (Народный фронт, Демократическая партия, Растохез, Исламская партия возрождения, Лали Бадахшон и другие), она начинала оказывать влияние на политический процесс в этой некогда покорной и забитой республике и уже одним этим представлять реальную угрозу властям.

Поскольку исламско-демократической оппозиции в Душанбе противостояли те же силы, которые инициировали кровавые трагедии в Тбилиси, Фергане, Баку, Ереване, а позднее - в Вильнюсе, Москве, Пригородном районе Северной Осетии, не удивительно, что конфликт в Таджикистане начинался по такому же сценарию, как и в других "горячих точках" бывшего СССР. Сначала - мирные митинги и демонстрации, затем запускаемые "сверху" слухи, которые будоражат толпу и провоцируют насилие и бесчинства, либо, как это было в других городах и районах тогдашнего СССР, - погромы на этнической почве, с обязательным участием "откуда-то взявшихся" уголовников. Этот "круг" завершается вводом войск МВД, которые проводят акции устрашения среди мирного населения (как правило, жертвами становятся случайные мирные граждане), и введением чрезвычайного положения. После этого в республиках в большинстве случаев вспыхивали гражданские войны и этнические конфликты. Таджикистан в этом плане не составил исключения.

Здесь непосредственным толчком к возникновению конфликта послужили намеченные на 25 февраля 1990 г. выборы народных депутатов. На них демократическая оппозиция имела реальные шансы одержать победу. К тому же в январе-феврале у здания ЦК КПСС в Душанбе постоянно проводились митинги, на которых в числе многих требований звучали и призывы к отмене 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС. Как отмечал один из лидеров оппозиции, председатель Демократической партии Таджикистана, Шодмон Юсупов, тогдашнее высшее руководство Таджикистана "насторожила активизация демократических процессов в республике, усиление деятельности Народного фронта и его влияние на избирателей. Нужно было что-то предпринять, чтобы дискредитировать национальное движение" /41/. Видимо, с этой целью, начиная с января, в Душанбе начали усиленно муссироваться слухи об "армянах из Карабаха", которым якобы отданы квартиры очередников, о "30 русских детях, взятых в заложники" и т.п. /42/. По Душанбе прокатилась волна погромов магазинов, газетных киосков, квартир. Активную роль в них сыграли уголовные элементы, действовавшие с благословения тогдашнего руководства Таджикистана. Беспорядки преследовали несколько целей: отвлечь от властей недовольство, дискредитировать слабое и разрозненное демократическое движение, наделив его участников ярлыками националистов и религиозных фанатиков, запугать население хаосом и беспорядками, которые якобы неизбежны при отсутствии "твердой коммунистической руки", заставить центр прийти к ним на помощь и тем самым помочь спасти пошатнувшуюся власть /43/.

После нескольких месяцев политического противостояния в мае 1992 г. было создано коалиционное правительство народного доверия. Оппозиции удалось установить в нем контроль над некоторыми силовыми структурами: так, один из лидеров ИПВ

Давлат Усмон стал первым заместителем главы правительства, курирующим МВД и КГБ. Духовный глава памирских исмаилитов Худоберды Холикназаров стал министром внешних сношений, а лидеры Ростахеза Миррахимов, Камиров, Хантов возглавили телерадиокомпанию /44/. Очевидно было, что ходжентский клан оказался потесненным выходцами из других, ранее не представленных на вершинах власти регионов. Оппозиционеры, кроме того, не принадлежали к партийной и советской номенклатуре. Они представляли совершенно новые политические силы, разделявшие в целом демократические убеждения, и потому их появление в правительстве можно было расценить как прорыв Таджикистана к демократии. Вместе с тем, как заявлял Д.Усмон, "о победе демократической оппозиции говорить не приходится. Две трети министерских портфелей - в руках старой номенклатуры, она занимает ключевые позиции. Политическая обстановка сознательно дестабилизируется старыми структурами, экономика на грани развала" /45/.

Осенью 1992 г. противостояние в Таджикистане достигло кульминации, и страна фактически стояла на пороге раскола. Коалиционное правительство, сформированное в Душанбе, не было признано в Кулябской области. Кулябцы (их численность достигает 1 млн. человек) не захотели мириться с приходом к высшей власти в Таджикистане выходцев из куда менее малочисленных кланов. Создалась угроза, что юг может быть поделен между вооруженными группировками кулябцев и их противников - "исламистов-демократов", опиравшихся преимущественно выходцев из горных районов (так называемых гармцев) и их союзников - памирцев. Ходжентские кланы, занявшие первоначально позицию сторонних наблюдателей, также не смирились с тем, что их фактически вытеснили из Душанбе. В августе 1992 г. оппозиция не устояла перед соблазном революционного свержения правящей верхушки: президентский дворец был захвачен "беженцами" из провинций и столичной молодежью. Рахмон Набиев и председатель Верховного совета Сефарали Кенджаев вынуждены были подать в отставку, что создало опасный прецедент. Ведь в условиях отсутствия в таджикском обществе демократических традиций там не было создано серьезного противовеса нелегитимным методам борьбы, и как только был нарушен баланс сил, само общество оказалось взорванным изнутри.

Из столицы противостояние перемещалось в регионы. Армия Сангака Сафарова, уголовного с несколькими судимостями и лидера Народного фронта, сколоченного властями для разгрома оппозиции, начав с Куляба, взяла на себя задачу "окончательного решения" "исламско-демократического вопроса" в Таджикистане. Кулябцев поддерживали ополченцы пригородов Душанбе - Гиссарского и Турсунзадевского районов, населенных преимущественно этническими узбеками, а также вооруженные отряды из Ходжентской области. Разгоравшаяся гражданская война на короткое время приостанавливалась после подписания мирных соглашений - в Хороге в июне 1992 г., а затем и в Ходженте (25 ноября 1992 г.), но в целом конфликт становился необратимым, он вовлекал в себя все большее число участников, позиции которых становились все более непримиримыми.

Старая номенклатура, не смирившись с потерей власти, к ноябрю 1992 г. сумела мобилизоваться и частично взять реванш. Созванная 16 ноября 1992 г. в Ходженте сессия Верховного Совета, на которой присутствовали наблюдатели из Центральной Азии и России, заявила о необходимости принять экстренные меры с целью прекращения гражданской войны и предотвращения повторения Таджикистаном судьбы Ливана или

Сомали /47/. Верховный Совет официально отстранил от должности президента Набиева и утвердил в качестве председателя Верховного Совета бывшего секретаря парторганизации южнокулябского совхоза и одного из лидеров проправительственных вооруженных формирований Эммомали Рахмонова. Его посчитали более жестким политиком. К тому же кандидатура Рахмонова была поддержана Узбекистаном, который - в тандеме с Россией и ее армейскими подразделениями, дислоцированными в Таджикистане (201-й дивизией) - помог разгромить оппозицию.

Взяв под контроль почти всю Курган-Тюбинскую область, вооруженные формирования Народного фронта овладели 11 декабря 1992 г. Душанбе. К февралю 1993 г. практически вся территория Таджикистана была очищена от повстанцев и взята под контроль правительственных сил. Отряды оппозиции были оттеснены в Бадахшан и в соседний Афганистан, откуда они, оправившись после поражения, возобновили боевые действия.

В Душанбе и на всей территории Таджикистана, где действовали правительственные силы, был развернут настоящий террор против бадахшанцев, каратегинцев, гармцев. От рук таджикских "красных кхмеров" погибали представители интеллигенции, лидеры и рядовые члены демократических, религиозных и националистических организаций, не имеющие отношения к политике рядовые горожане и сельские жители /48/. Исполнителями этнических чисток и своего рода советско-коммунистического реванша стали кулябцы-народнофронтовцы, в составе которых было немало уголовников. (Ср. с ситуацией в Грузии, где "грязную работу" также выполняли ранее судимые Джабо Иоселиани и Тенгиз Китовани). Параллельно с этническими чистками, политическим, а временами и уголовным террором власти попытались внедрить в политическую жизнь Таджикистана те же методы, с которыми соседние Узбекистан и Туркменистан провели борьбу со своей оппозицией. Так, 21 июня 1993 г. Верховный суд Таджикистана вынес решение о запрещении деятельности на территории республики оппозиционных партий и движений - Демократической партии, ИПВ, Растохез, Лали Бадохшон. Их обвинили в разжигании гражданской войны и попытке свержения конституционного строя /49/. Кроме того, власти поставили в зависимость от себя официальное духовенство /50/. Всего, по некоторым оценкам, к 1993 г. Таджикистан потерял в боевых действиях более 300 тысяч человек. Общее число беженцев оценивалось в 1,5 млн./51/. Из них русские и русскоязычные составили свыше 300 тысяч (по некоторым данным, их в Таджикистане осталось не больше 70-80 тысяч) /52/.

За годы, последовавшие за разгромом оппозиции, в Таджикистане и Афганистане сформировалось несколько силовых центров, которые продолжили вооруженную борьбу. Однако расстановка сил, состав противоборствующих сторон и цели борьбы существенно изменились.

Правительственный блок, в котором в начале конфликта доминировали представители ленинабадского клана, после декабря 1992 г. подвергся своеобразной "кулябизации" (выражение обозревателя "Московских новостей" Санобар Шерматовой /53/), что вызвало недовольство вчерашних союзников - ленинабадцев и гиссарцев, а также Ташкента, поддерживавшего правительство Рахмонова. Москву, напротив, до недавнего времени устраивала пророссийская ориентация последнего.

А что же другая противоборствующая сила в конфликте - оппозиция, которую, как и раньше, только с очень большой натяжкой можно было бы назвать "исламской" или "демократической" (либо и тем, и другим вместе)?

На начальном периоде конфликта - 1990-1992 гг. - оппозиция представляла собой коалицию партий и движений, выступивших с антикоммунистическими лозунгами. В основе их объединения лежала и идея национального возрождения таджиков. Но конечно же, существовали разночтения, разногласия относительно путей, по которым должен будет развиваться независимый Таджикистан, а также по вопросу направлений его взаимодействия с тюркоязычными соседями. Например, ИПВ делала упор на исламское духовное наследие как на первооснову национального возрождения. Лидеры Растохез и Лали Бадохшон, являвшихся скорее не политическими, а культурно-просветительскими движениями, стремились поднять значение таджикского языка, культуры, сохранить их самобытность, защитить от тюркского влияния. Разные по своей ориентации партии и движения объединяла одна стратегическая цель: отстранить старую партийную и советскую номенклатуру от власти. Что касается перспектив построения в Таджикистане демократического, правового государства, то здесь уже намечались разногласия между сторонниками условно западной и даже российской модели; "исламистами", призывавшими к более глубокому внедрению исламских норм в общественную жизнь; и националистами, ратовавшими за реализацию идеи "Великого Таджикистана", противостоящего тюркскому окружению и влиянию.

К тому же и "демократы", и "исламисты", и "националисты" имели в Таджикистане весьма ограниченную базу. Например, по свидетельству бывшего министра МВД Таджикистана Гулдасташо Имроншоева, число сторонников ИПВ в вооруженных группировках оппозиции составляло 10-15 процентов /54/. Опорой ИПВ и Демократической партии была немногочисленная прослойка интеллигенции, молодежи. Эти партии поддерживали также родственные их лидерам кланы, население отдельных регионов, откуда они были родом. Стоит ли говорить о том, что, например, Лали Бадохшон не стало общенациональным движением и имело базу практически только в Горном Бадахшане.

Большинство русскоязычного населения, напуганного националистической риторикой оппозиции, превратилось в ее ярых противников. Для них понятия "демократ" и "националист" стали тождественны. Отпугнул их от оппозиции и ее исламский облик, то обстоятельство, что духовный глава мусульман стал одним из лидеров оппозиции. Впрочем, многие страхи той поры по поводу угрозы исламского фундаментализма - на совести официальной пропаганды, результат слухов, сознательно запускавшихся спецслужбами. Они выполняли охранительную функцию - защиту системы, незыблемость которой расшатывала оппозиция. В то же время призывами к борьбе с исламскими фанатиками местные партийные функционеры стремились вызывать к себе симпатии России и Запада.

По мере углубления политического и вооруженного противостояния в Таджикистане оппозиция разделилась на внутреннюю и внешнюю, но и внутри каждого лагеря имеются различия. Вооруженные отряды, базировавшиеся в Афганистане, напрямую были связаны с более чем 30 исламскими государствами /55/, вели боевые действия против правительственных сил и российских погранвойск, а их лидеры - Саид Абдулло Нури и Ходжи Акбар Тураджонзода - участвовали в мирных переговорах по урегулированию таджикского конфликта. Руководители Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) отказываются (по крайней мере на словах) от идеи построения в Таджикистане исламского государства. Не претендует ОТО и на всю полноту власти. Стратегическая цель ее лидеров - вернуться домой из вынужденного изгнания и легитимизировать свое

положение. Но есть в рядах вооруженной оппозиции и непримиримые, готовые воевать до последнего и отказывающиеся вступать в диалог с Рахмоновым.

Внутренняя оппозиция также неоднородна. Ее влиятельное крыло возглавил Абдумалик Абдулладжанов, занимавший какое-то время посты премьер-министра и посла в России. Организованный им блок "Национальное возрождение" представлял влиятельный северный клан и пользовался поддержкой Узбекистана и части российской политической и экономической элиты /56/. Хотя блок и вошел в коалицию с ОТО, его представители напрямую не участвуют в межтаджикских переговорах. Это можно объяснить давлением России, стремящейся отеснить Узбекистан и патронируемые им северные таджикские кланы - потенциальных конкурентов в борьбе за сферы влияния в регионе. Свидетельство тому - высказывание Тураджонзода, который заявил: "Российские войска в Таджикистане служат не только удержанию нынешнего режима у власти. Это к тому же еще и хороший кулак против Узбекистана!" /57/. В Душанбе есть влиятельные политические силы, которые не заинтересованы в возвращении А.Абдулладжанова во власть, ибо это было бы связано с новым усилением Ходжента, перераспределением полномочий, а значит, и возможностей в сфере контроля над промышленными предприятиями, потреблением, контролем за экспортом природных ресурсов.

В начале 1996 г. дали о себе знать "новые оппозиционеры", бывшие полевые командиры Народного фронта, которые, не без поддержки Ташкента /58/, поднимали антиправительственные мятежи в Курган-Тюбе, Гиссаре, Тавильдаре и Турсунзаде. Они выдвинули в общем-то не новую идею - пропорционального представительства всех регионов в органах власти.

До осени 1996 г. оппозиция рассчитывала захватить власть в Таджикистане вооруженным путем, опираясь на афганских муджахедов и Иран. Ситуация изменилась после того, как таджикские формирования под командованием Масуда были вытеснены из Кабула и вынуждены были пойти на союз с генералом Дустумом, относительная независимость которого базировалась на военно-дипломатической поддержке России и Узбекистана. Отодвинув угрозу тотального наступления талибов на север и северо-восток Афганистана, Дустум скорее всего заручился обещанием Масуда прекратить "спонсирование" таджикской оппозиции. Неприятие Дустумом последней объясняется не только этническим происхождением генерала, но и тем, что оппозиция противостояла проузбекскому ходжентскому клану, стремилась вытеснить его и другие проузбекские кланы с политической сцены Таджикистана. Наконец, лидеры ОТО - Нури и Тураджонзода - осознавали, что в конечном итоге решение конфликта находится в руках России, и потому они пошли на уступки правительству Рахмонова и вступили в коалицию с ним. В ходе межтаджикских переговоров в Душанбе (23-25 декабря 1996 г.) и в Москве (февраль 1997 г.) стороны пошли на серьезные взаимные уступки: было достигнуто согласие о вхождении представителей ОТО в состав правительства и о слиянии вооруженных отрядов оппозиции с формированиями таджикской армии. Это не значит, что все боевики подчинятся решению своих лидеров (мятеж братьев Содировых в феврале 1997 г. ярчайшее тому подтверждение). Неясно также, как поведет себя обойденный переговорами ходжентский клан и возглавляемая А.Абдулладжановым "внутренняя" оппозиция. Поскольку Москва поддержала Рахмонова, а Ташкент, похоже, не считая его достаточно лояльной Узбекистану фигурой, поддерживает проузбекские, северные кланы, этот конфликт может оставаться открытым еще долго. Почти с

уверенностью можно предположить и продолжение вооруженных столкновений в Горном Бадахшане, где давно имеются вооруженные отряды, подчиняющиеся местным командирам. Они пытаются самостоятельно контролировать бадахшанский участок таджико-афганской границы, превратившуюся в важную наркотрассу. Словом, говорить о стабилизации ситуации в Таджикистане еще рано.

Из проведенного анализа могут быть сделаны следующие выводы:

1. Традиционные факторы во многом определили ход конфликта, расстановку политических сил, программные установки противоборствующих сторон в межтаджикском вооруженном противостоянии.

2. Из опасения остаться один на один с исламской и националистической оппозицией официальные власти Душанбе, Ташкента, других центральноазиатских государств заинтересованы в российском военном присутствии. С помощью военного потенциала России, ее предполагается не только сохранить стабильность в регионе, но и предотвратить воздействие на него течений радикального ислама.

3. Несомненным условием мира и стабильности в Таджикистане явилось бы формирование здесь политической элиты, которая отражала бы не узорегиональные и этнические, а общенациональные интересы.

4. Прогнозы относительно мирного разрешения конфликта, а также возможностей для сторон добиться компромисса, остаются неутешительными. Многое будет также зависеть от того, как сложится общерегиональная ситуация, какой будет политика России, государств мусульманского Востока и стран Запада. Именно этот, региональный аспект конфликта в Таджикистане, накладываясь на него, будет определять будущее мирного процесса.

4.3. Региональное измерение конфликтов в Афганистане и Таджикистане

И афганский, и таджикский конфликты давно уже вышли за рамки внутреннего вооруженного противостояния. В них незримо представлено множество внешних "игроков", и потому они де-факто давно являются региональными. Оба конфликта стали неотъемлемой частью продолжающейся перегруппировки сил в регионе, ожесточенной борьбы между крупными развивающимися странами, мировыми державами и транснациональными компаниями - за политическое лидерство, за овладение богатейшими стратегическими, энергетическими и природными ресурсами, за контроль над действующими и проектируемыми нефтяными и газовыми магистралями. Но и традиционный фактор также сохраняет свое значение, воздействуя на межгосударственные отношения, позиции государств региона, политику их партий, движений, вооруженных формирований, нередко определяя их отношение к противоборствующим сторонам. Это региональное измерение придает особую сложность и остроту процессу дальнейшего урегулирования рассматриваемых конфликтов.

Как отмечалось ранее, большая часть беженцев и отрядов таджикской оппозиции нашли убежище в соседнем АФГАНИСТАНЕ. Это обстоятельство, а также исторические, этнические, религиозные связи народов Афганистана и Таджикистана обусловили особую роль, которую играет Афганистан в данном конфликте и в перспективах его урегулирования.

В России в отношении Афганистана и таджикского конфликта давно существует стереотип, сложившийся, по-видимому, еще со времен "холодной войны": Афганистан-де заинтересован в дестабилизации центральноазиатского региона, поскольку это позволяет ему и его давним покровителям - Пакистану и Саудовской Аравии - осуществить вековую мечту - объединить под эгидой "исламского государства" "исторические" территории Туркестана.

Действительно, в мусульманском мире есть немало идеологов, политиков, организаций (Братья-мусульмане, Мусульманская лига, Джамаат-и ислами), обосновывающих идею объединения мусульман в сообщество (умму). Приверженцы этой идеи есть и в Афганистане, где - в отличие, например, от России, - народы Центральной Азии воспринимаются прежде всего как братья по вере. Так, идеологи афганского движения "Талибан" неоднократно заявляли о необходимости "нести свободу всем мусульманам на территории, где правят чуждые исламу режимы" /59/. Но объективно талибы заинтересованы в прекращении гражданской междоусобицы и в самом Афганистане, и в соседнем Таджикистане.

Талибы отражают настроения пуштунов Афганистана, стремящихся восстановить нарушенный за истекшее десятилетие этнический баланс в стране. За годы войны с Советской Армией пуштуны пострадали больше других этносов страны, поскольку наиболее ожесточенным разрушениям подверглись пуштунские районы, в то время как афганский север, где сосредоточено узбекское и таджикское население, пострадал меньше. В ходе гражданской войны, развернувшейся в Афганистане после вывода советских войск, доля пуштунов также резко уменьшилась, зато возрос удельный вес таджиков и узбеков. Он продолжал увеличиваться за счет таджикских беженцев, спасавшихся в Афганистане от межтаджикской междоусобицы. По подсчетам российских афганистов, около 3,5-4 млн. пуштунов покинула страну, в Афганистане с учетом военных потерь их осталось 4,5-5 млн., в результате чего, "ранее устойчивая этническая территория пуштунов приобрела аморфные черты и большая ее часть оказалась по существу в Пакистане" /60/. В Афганистане понимают, что если война в Таджикистане продолжится и - хуже того - если рухнет афгано-таджикская граница (в случае массового потока людей или распада Таджикистана), то это приведет к такому резкому увеличению непуштунского населения Афганистана, что это государство попросту взорвется.

Можно возразить на это: в Афганистане нет центральной власти, в сохранении прежнего этнического баланса больше заинтересованы пуштунские вооруженные группировки, в особенности движение "Талибан", в то время как для непуштунских лидеров - для Дустума, Масуда и Раббани - перевес в сторону непуштунов мог бы стать привлекательным, поскольку позволил бы им взять верх в политической борьбе за власть. В российских изданиях сообщалось о существовании в Узбекистане сторонников проекта "Великого Узбекистана", который объединил бы Турсунзаде, ряд районов Ходжентской области Таджикистана и северо-восток Афганистана (провинции Кундуз и Мазари-Шариф, 65 процентов населения которых - более 2 миллионов человек - составляют этнические узбеки), и воссоздал бы в несколько усеченном виде "исторический" Туркестан. И генерал Дустум не раз заявлял о том, что не исключает возможности расширить Узбекистан в случае распада Афганистана /61/. Но даже если и допустить, что подобные планы могли рассматриваться и обсуждаться непуштунскими политиками и полевыми командирами Афганистана или же в Узбекистане в качестве альтернативы либо как долгосрочный проект, подобный геополитический передел в регионе, в случае его

реализации, неминуемо повлечет за собой дестабилизацию, создаст угрозу целостности и Афганистана, и Таджикистана.

Другим важным фактором, определяющим заинтересованность талибов в прекращении войны в Таджикистане и Афганистане, является экономический интерес - выгоды, которые можно получить от "нового шелкового пути", который Пакистан и стоящие за ним западные компании надеются с помощью талибских отрядов проложить из постсоветской Центральной Азии через Афганистан к портам Индийского океана, а оттуда на Запад. Эти планы поддержаны и в новых независимых государствах Центральной Азии: в марте 1995 г. президент Туркменистана С.Ниязов и тогдашний пакистанский премьер-министр Б.Бхутто подписали в Исламабаде меморандум о строительстве газопровода из Туркменистана в Пакистан через афганскую территорию силами консорциума Юникал-Дельта (американская компания Юникал и саудовская компания Дельта Ойл Компани). Кроме газопровода, силами того же консорциума планируется строительство нефтепровода. Позже, в мае 1996 г., меморандум по проекту был подписан еще раз, но уже с участием Узбекистана, а 8 августа 1996 г. к меморандуму присоединился и РАО "Газпром" России /62/. Вспышка гражданской войны в Афганистане между талибами и войсками Масуда и Дустума осенью 1996 года была вызвана борьбой за контроль над планируемой торговой и газовой-нефтяной трассой.

Вовлеченный в афганский конфликт ПАКИСТАН давно уже стал его заинтересованной стороной. Пакистанские лидеры заявляют о своем стремлении прекратить здесь гражданскую междоусобицу, поскольку Пакистан, переживший распад государства, не заинтересован в изменении этнического, политического, религиозного баланса в регионе и без того отличающегося большой нестабильностью /63/.

Между тем в афгано-пакистанских отношениях существуют серьезные противоречия, способные подорвать наметившийся за годы войны межгосударственный военно-политический альянс. Речь идет в первую очередь о весьма болезненных для Пакистана территориальных и этнических проблемах: с 19 в. Афганистан оспаривает права Пакистана на входящие в его территорию пуштунские районы, выдвигая разнообразные требования - от провозглашения автономии этих районов до создания независимого Пуштунистана, или "Великого Афганистана" в границах 1747 г. Ни одно афганское правительство не признавало законным афгано-пакистанскую границу, а пуштунская проблема и пресловутая "линия Дюранда" (по имени М.Дюранда, возглавившего британскую миссию по демаркации границы между Афганистаном и Британской Индией) остаются по-прежнему разменными картами в руках афганских политиков, вне зависимости от их идеологической или политической ориентации.

Существует и другой камень преткновения в афгано-пакистанских отношениях: просуннитская политика Исламабада. Особую настороженность она вызывает у афганских шиитов - хазарейцев, персов, горных таджиков и других, сохранивших тесные культурно-религиозные и экономические связи с Ираном. Пуштунская знать до революции подвергала шиитскую общину преследованиям и дискриминации, но и Пакистану шииты не доверяют, поскольку там представители этой ветви ислама занимают положение людей "второго сорта". Следовательно, если в теории какие-то политики и отводили Афганистану роль связующего звена в "исламской цепи" Пакистан - Иран, то на практике такой альянс вряд ли может быть реализован. Слишком непримиримы суннитско-шиитские противоречия и силен антагонизм, вызванный борьбой между Пакистаном и Ираном за сферы влияния, в том числе и в Афганистане.

Изменения на политической карте Пакистана - смена военного режима на гражданский, приход к власти новых лидеров - сопровождалась и некоторой "сменой вех" во внешней политике. Например, Беназир Бхутто, с 1988 г. несколько раз возглавлявшая правительство, давала понять, что не заинтересована в дальнейшей эксплуатации религиозного фактора в афганском конфликте, а тем более в установлении в Кабуле власти фундаменталистского режима. Признав, что отряды движения Талибан создавались на территории Пакистана и что оружие для него поставляли Англия и США на средства Саудовской Аравии, Бхутто намекнула, что талибы связаны с жесткой исламской оппозицией в самом Пакистане и находятся вне сферы компетенции правительства /64/. Согласно другой версии /65/, у пакистанского правительства вообще нет четкой политики ни в отношении Афганистана, ни Таджикистана, и если пакистанская разведка (ISI) по-прежнему ставит на Хекматияра, то МВД поддерживает талибов.

Поддержав талибов, Пакистан так и не сумел развить своего перевеса и вынужден был участвовать в переговорах с лидерами временной узбекско-таджикской коалиции. Очередная смена власти в Исламабаде в начале 1997 г. лишила талибов на время пакистанской поддержки. К тому же в Пакистане отнюдь не все политические силы заинтересованы в победе талибов и соответственно в усилении политического влияния пуштунов. Ведь это означало бы фактическое возвращение Афганистана к дореволюционной ситуации, а значит, и реанимацию отодвинутых на задний план в годы войны территориальных притязаний пуштунов к Пакистану.

Вне зависимости от того, какие политические силы возглавляют пакистанское правительство, основные контуры политики Пакистана на афгано-таджикском направлении не претерпели кардинальных изменений: оба конфликта сохраняются в основном в сфере компетенции пакистанских военных и определяется их корпоративными интересами.

Что касается ИНДИИ, то ее позиция в отношении происходящих в регионе конфликтов определяется, с одной стороны, традиционно светским подходом к проблемам внутренней и внешней политики, с другой - стремлением создать противовес Пакистану и его планам расширения влияния в регионе, с третьей - многолетними союзническими связями с СССР, а ныне - особыми отношениями с Россией. На Индию, кроме того, влияет острота религиозно-этнической проблемы внутри страны, реальная угроза стабильности, которую несет здесь мусульманский экстремизм, получающий поддержку извне, главным образом, из Пакистана.

По убеждению индийских политиков, перерождение Афганистана или Таджикистана в чисто исламские государства могло бы произвести в регионе и в самой Индии "эффект домино", повлечь за собой нежелательные политические и социальные потрясения. С целью изменения нынешнего стратегического уравнения в Южной Азии в свою пользу, индийские политики готовы вступить в союз с любыми силами, противостоящими Пакистану. В Дели по-прежнему весьма благосклонно относятся к перспективам сотрудничества с Ираном и многие индийские политики считают, что, несмотря на свою мусульманскую ориентацию, Иран как противовес суннитскому фундаментализму, поддерживаемому Пакистаном, способен оказать благоприятное воздействие на ситуацию в регионе, приблизить мирное решение афганской проблемы /66/.

Позиция ИРАНА в отношении афганского и таджикского конфликтов не выглядит религиозно обусловленной или же идеологизированной. Так, афганская стратегия ИРИ всегда учитывала "советский фактор", несмотря на поддержку, оказываемую

Ираном афганскому сопротивлению. В годы войны с Ираком Тегеран смирился с возросшей ролью Пакистана, ставшего главным "спонсором" и вдохновителем священной войны против "советской оккупации Афганистана". Но ИРИ никогда не забывал о своей главной цели - подорвать влияние Пакистана и Саудовской Аравии, являющихся стратегическими соперниками Ирана в регионе. Именно этим, а также стремлением оказать нажим на суннитские группировки моджахедов, воспрепятствовать тому, чтобы после вывода советских войск из Афганистана вакуум там стал бы заполняться США, Пакистаном и Саудовской Аравией, было обусловлено решение Ирана поддержать провозглашенную Наджибуллой политику национального примирения /67/.

На нынешнем этапе войны в Афганистане, который характеризуется вооруженным противоборством между различными группировками и "армиями", Иран, несколько видоизменив тактику, продолжает осуществлять в Афганистане свою долгосрочную стратегию. Он по-прежнему стремится включить в сферу своего влияния провинции Герат и Хазараджат.

Не меньшую заинтересованность проявляет Иран и к развитию Таджикистана, и к проблемам урегулированию конфликта в этой стране. Это обусловлено следующими факторами: историко-культурной, религиозной и языковой близостью народов двух государств; экономическими и стратегическими интересами; стремлением - с помощью воздействия на таджикскую оппозицию и попыток контролировать конфликт - закрепиться в Таджикистане и других государствах Центральной Азии, сыграть здесь роль связующего звена на торговых путях между Европой и Азией; отыграть у Турции - своего вечного соперника в регионе - "поле боя" в "одной отдельно взятой" персоязычной стране СНГ; наконец, "навести мосты" в отношениях с Москвой, которая, хотя и поддерживает в Таджикистане и во всей Центральной Азии антиисламские силы, может, по мнению иранских политиков, помочь Тегерану прорвать экономическую блокаду, инициированную Соединенными Штатами.

Для того чтобы развеять опасения относительно своих намерений в Таджикистане, отвести от себя обвинения в стремлении разжечь исламскую революцию в регионе, тегеранское руководство пошло на такой шаг, как официальное заявление о том, что ИРИ не намерена вмешиваться во внутренние дела Таджикистана /68/. И хотя идеологически иранским муллам ближе таджикские оппозиционеры, нежели проузбекский, как они считают, и светский душанбинский режим, Тегеран готов сотрудничать с любым таджикским правительством, которое обладает реальными возможностями для достижения мира в Таджикистане. Ибо этническая нестабильность, попытки перекройки границ неизбежно ударят по Ирану, где имеются собственные сложные этнические проблемы. Именно поэтому для Ирана, как и для Афганистана, дружба с Россией намного важнее, а таджикская оппозиция превращается в козырную карту во взаимоотношениях этих стран.

Итак, и Пакистан, и Иран не преминули воспользоваться "исламской картой" для того, чтобы извлечь для себя максимальную выгоду из афганского и таджикского конфликтов. Планы по установлению в этих государствах исламских режимов могут и в дальнейшем оставаться важным политическим козырем в руках пакистанских и иранских "ястребов", особенно в той политической игре, которую они намереваются вести с США и Россией. Вместе с тем даже нынешних иранских политиков, преемников курса Хомейни, отличает прагматизм в политике и им отнюдь не свойственна слепая приверженность религиозной догме. Соседей Афганистана и Таджикистана скорее устроило

бы прекращения кровопролития, установление режимов, способных контролировать обстановку и обеспечивать стабильность и порядок. Правящие круги государств БСВ не заинтересованы в продолжении анархии в Афганистане и Таджикистане, какую бы религиозную форму эта междоусобица не принимала.

Как отмечалось выше, УЗБЕКИСТАН глубже, чем другие центральноазиатские государства, оказался вовлечен в конфликты в Таджикистане и в Афганистане. Он стал одновременно и участником боевых действий, и заинтересованной стороны, и посредником на мирных переговорах. Мотивы подобной активности Узбекистана легко объяснимы: это и географическая приближенность республики к зонам конфликтов; и этнический фактор - наличие крупной узбекской диаспоры в Таджикистане и Афганистане, а таджикской - в Узбекистане; и общность исторических и культурных судеб народов региона; и экономическая взаимосвязь, что по существу превращает границы в некую формальность; наконец, опасения узбекских руководителей - во многом справедливые - относительно того, что дестабилизация в соседних государствах может оказать пагубное воздействие на политическую ситуацию в самом Узбекистане.

Но за этими очевидными мотивами просматривается тщательно скрываемое намерение утвердить Узбекистан в качестве нового регионального "центра силы". Этим планам соответствует и стратегия узбекского руководства. Она заключается в стремлении сохранить влияние Узбекистана в экономически более слабом и зависимом от него Таджикистане или же при каком-то благоприятном для Ташкента течении событий интегрировать эту республику - если не всю, то по крайней мере ее часть.

Установки таджикской оппозиции на национальное возрождение таджиков, на консолидацию таджикской нации, на наведение "мостов" с таджикской диаспорой за рубежом, (что заставляло вспомнить об отнюдь не похороненной идее "Великого Таджикистана") - все это не вписывалось в планы узбекского руководства, которое вовсе не было заинтересовано в появлении на своих границах сильного, самостоятельного соседа. То, что Таджикистан в период участия оппозиции в коалиционном правительстве попытался переломить ситуацию, избавиться от "вассальной" зависимости от своего могущественного соседа, явно стремившегося реализовать во внешней политике центросиловые установки, косвенно подтверждается и реальными фактами и свидетельством близким к оппозиции политическим деятелям /69/. К тому же исход гражданского противостояния в Таджикистане в начале 90-х годов был еще неясен, перспектива прихода там к власти исламско-демократической оппозиции была реальна, а потому нежелательна, ибо это грозило разрушением узбекско-таджикско-российских номенклатурных связей. На позицию Узбекистана в начальный период конфликта оказали влияние и другие факторы.

Во-первых, узбекские власти опасались политической активизации в республике таджикского населения, которое под воздействием успехов исламистского и националистического движения в Таджикистане могло бы выступить с требованием предоставить культурную автономию Бухаре и Самарканду. Официальный Ташкент стремился также не допустить активизации под воздействием таджикских событий деятельности узбекской оппозиции: для этого узбекские власти в 1990-92 гг. осуществили фактический разгром собственной оппозиции.

Во-вторых, Узбекистан, как и другие государства Центральной Азии, был встревожен подъемом в ходе гражданской войны в Таджикистане исламского движения. Например, Ферганская долина, куда можно было добраться только через Ходжент-

скую область, превратилась в один из неформальных центров исламско-религиозного возрождения, поскольку здесь еще с советских времен сохранил свои позиции так называемый неофициальный, "чистый" ислам. А поскольку религиозная оппозиция рассматривалась Ташкентом как одна из самых серьезных угроз, он был заинтересован в целях сохранения собственной безопасности подавить ростки исламского возрожденческого движения в соседнем Таджикистане дабы не допустить распространения этой "инфекции" на своей территории.

В-третьих, рост беженцев из Таджикистана как следствие гражданской войны мог бы нарушить и без того хрупкий этнический баланс в Узбекистане, подорвать там стабильность. Не в интересах Узбекистана было бы и размывание таджикско-афганской границы.

Наконец, Узбекистан, как и его соседи по региону, являясь полиэтническим государством, опасался угрозы перерастания конфликта в Таджикистане из политического в межэтнический, что могло бы цепной реакцией ударить по всему региону, в котором административные и государственные границы не совпадают с этническими.

Самое же главное, Узбекистан, кровно заинтересован в привлечении иностранных инвестиций и осознает, что без обеспечения предсказуемого и стабильного развития в регионе, где все тесно взаимосвязано и переплетено между собой, несмотря на существующие государственные границы, ему никогда не добиться этой цели. Эта приоритетная задача и определила тактику Ташкента по отношению к межтаджикскому конфликту.

Именно узбекские вооруженные силы совместно с российскими помогли Народному фронту разгромить оппозицию в конце 1992 - начале 1993 г. Средства массовой информации того времени /70/ сообщали о том, что боевики Народного фронта прошли военную подготовку на узбекской территории под Термезом. Узбекская сторона поставила Народному фронту бронетехнику, а воздушные налеты на оплот оппозиции - Кофарникон совершала узбекская авиация /71/. О заинтересованности узбекской стороны в приходе к власти в Таджикистане Народного фронта свидетельствует и такой факт. Когда в начале декабря 1992 г. на совещании в Термезе министров иностранных дел Узбекистана, Казахстана, Киргизии и России было принято решение об оказании миротворческой помощи Таджикистану и о вводе туда миротворческих сил СНГ для урегулирования конфликта, оно не было выполнено. Как утверждают аналитики /72/, основной причиной стало противодействие Узбекистана, который в тот период считал более выгодным для себя поддержать продвигавшийся к Душанбе победным маршем под красными флагами Народный фронт. Впоследствии, как заявлял Саид Абдулло Нури, Э.Рахмонова назначили на первый пост в государстве не без подсказки Узбекистана /73/.

Узбекистан, присоединившись к неформальному клубу "диссидентов СНГ" - Азербайджану, Украине, Туркменистану, дистанцирующихся от России и стремящихся освободиться от ее военно-политического "зонтика", стал открыто проводить, начиная с 1995 г., курс на примирение официального Душанбе с таджикской оппозицией. Узбекистан значительно упрочил свои позиции в Таджикистане и даже переиграл в этом отношении Россию. Он навел "мосты" с западными компаниями, с американским военным ведомством (например, была достигнута договоренность о подготовке узбекских офицеров в центрах подготовки НАТО и военные специалисты США обещали помочь в формировании узбекской армии). Урановые, золотые и серебряные рудники Таджи-

кистана находятся в зоне, контролируемой Узбекистаном. Практически все таджикские коммуникации проходят через Узбекистан. Пограничные с Таджикистаном афганские территории, на которых находятся базы таджикской оппозиции, подконтрольны Ташкенту. Кроме того, этнические узбеки Таджикистана неплохо организованы и имеют собственные вооруженные отряды /74/. Узбекистан, получивший контроль над ураном, может уже на другом уровне разговаривать со своими ядерными (Россия) и околоядерными (Индия, Пакистан, Китай) соседями. В свою очередь это позволяет ему еще активнее претендовать на региональное лидерство, успешнее реализовывать курс на создание региональных центральноазиатских структур вне СНГ, а значит - и вне России.

Региональный аспект афганского и таджикского конфликтов был бы неполным без рассмотрения роли в них РОССИИ.

Она поддержала таджикский режим в его противостоянии с оппозицией, потому что считала его способным обеспечить безопасность населения республики, раздираемой гражданской войной, навести порядок и дать мир стране. Фактором, обусловившим вмешательство России в таджикские события, явилось важное стратегическое положение Таджикистана, его роль "заслонки" от проникновения в Центральную Азию фундаменталистской экспансии, наркомафии, бандформирований из охваченного войной Афганистана. Немаловажным мотивом была и судьба русского населения, которое нуждалось в защите, а также то обстоятельство, что потоки беженцев из центральноазиатских государств, в случае наступления там политического хаоса, потекли бы именно в Россию. Но в 1993-1996 годах, когда стало очевидно, что без участия оппозиции не удастся предотвратить конфликт, тактика Москвы не являлась продуктивной /75/. Вмешательство России во внутренний таджикский конфликт на стороне правительственных сил во многом выглядело как "повторение пройденного" - вовлечение СССР в афганскую войну на стороне одной из противоборствующих фракций. И так же как в свое время в Афганистане, в Таджикистане Россия не смогла решить крупных политических, экономических, стратегических задач.

Местное русское население все равно покидает республику из-за войны, экономических трудностей, безработицы, антирусских настроений. Государственная граница не стала безопасней, и русские пограничники превратились в объект нападений со стороны формирований таджикской оппозиции и афганских боевиков. Не удалось пресечь и наркотрафик из Афганистана и Пакистана в СНГ. По признанию аналитиков Федеральной пограничной службы РФ, лишь 5-10 процентов наркотиков, переправляемых через таджико-афганскую границу, удается задерживать. Не менее 13 тонн попадает в СНГ. В то же время российские военные постепенно оказываются вовлеченными в наркооперации. Так, ряд военных столкновений с участием российских военнослужащих был вызван именно этим фактором и, по утверждению некоторых аналитиков, часть наркотиков доставляется в Россию военными самолетами, на досмотр которых таджикские таможенники не имеют права /76/.

Не сумела Москва укрепить своих позиций в экономике Таджикистана. В то время, как Россия оказывает огромную финансовую помощь душанбинскому режиму, поддерживая его силой своего оружия и военной мощи, ведущие горнодобывающие компании США, Канады, Великобритании и Узбекистана завоевывают месторождения республики, богатые золотом, серебром, ураном, алюминием и другими цветными металлами /77/.

Непосредственные участники конфликта и заинтересованные стороны, в особенности Узбекистан, давно уже ведут в регионе собственную, независимую от Москвы игру. Нет гарантии также, что душанбинский режим, уже сейчас во многом зависящий от других региональных сил, не будет проводить двойную игру, использовать российский военный потенциал в собственных интересах, весьма далеких от российских. Нельзя исключить также и смены правящих элит в Душанбе, приход к власти представителей других кланов, соперничающих с рахмоновским, или же новой политической силы, близкой к исламским кругам, и тогда российские позиции, учитывая прошлые связи Москвы с "антиисламской" стороной конфликта, окажутся подорванными. Это ставит перед российскими политиками задачу скорректировать курс в отношении Таджикистана, признать тот факт, что урегулирование конфликта в этой республике и поддержание здесь стабильности - дело не только и не столько Москвы, сколько государств, являющихся неотъемлемой частью данного региона и жизненно заинтересованных в его безопасном развитии.

Российской армии и погранвойскам не удастся удерживаться в Таджикистане на позициях вооруженного нейтралитета, связь между ними и правительственными силами поставлена плохо, и российские "миротворцы", так и не превратившись в стабилизаторов конфликта, гарантов мира, используют здесь скорее тактику пассивной обороны. Кроме того, российские военные и политики не всегда способны разобраться в сложностях местной клановой и этнической структуры, в специфической роли религиозного фактора, во взаимоотношениях, существующих между местными вооруженными формированиями. Имеет место и намеренное преувеличение угроз, исходящих от исламских фундаменталистов, а также от соседних с Таджикистаном государств, якобы заинтересованных в разжигании гражданской смуты в этой стране.

В Афганистане Россия пытается оказать влияние на исход противоборства в выгодном для себя направлении. Но конечно же, у России есть экономические интересы: рынки, источники сырья, хозяйственные связи. Между тем ее тактика в афганском конфликте не особенно сильно отличается от политики СССР накануне военного вторжения в эту страну и по-прежнему основывается на принципе баланса сил, игры на противоречиях. Последнее проявилось в ставке то на "узбекский", то на "таджикский" факторы, что имеет исторические аналогии - и в прошлом узбеки были главной опорой Москвы в Средней Азии, - и подтверждается косвенными свидетельствами: в начале 1997 г. Россия активизировала помощь национальной армии Таджикистана оружием и кадрами. Соответствующим Указом Президента России был легализован институт военных советников в министерстве обороны Таджикистана /78/. В этой ситуации самой большой ошибкой России стало бы повторение ею пройденного Советским Союзом пути - при опоре на стратегических партнеров в регионе, например, Индию и Иран, вновь расширить свое влияние в регионе Центральной Азии, фактически вернуться "назад в СССР" - в 1978 год. Что ждет Россию в этом случае?

Во-первых, она не обладает действенными экономическими и военными рычагами влияния, которые обеспечили бы ей в долгосрочной перспективе прочную базу в Афганистане. Во-вторых, ставка на одну из сторон внутреннего конфликта, что является реализацией стратегии баланса интересов (или разделяй и властвуй), - анахронизм, неприемлемый в новых условиях, когда мировой порядок коренным образом меняется, да и Россия не является сверхдержавой. Поощрение же в Афганистане нестабильности, поскольку ни к чему иному ставка на таджикские или узбекские вооруженные форми-

рования не приводит, может иметь непредсказуемые последствия в первую очередь для постсоветских центральноазиатских государств и для самой России. Достаточно вспомнить, какие последствия имела для СССР афганская война, которая немало способствовала его распаду.

ВЫВОДЫ.

1. Гражданские войны в Афганистане и Таджикистане привели к фактическому расколу этих стран, а этнический фактор, межклановое соперничество немало "способствовали" этому. Конфликты в этих государствах показывают, сколь хрупки и неустойчивы границы в современной Азии, сколь взаимосвязаны и взаимозависимы протекающие здесь процессы. Они свидетельствуют также и о том, что уход с афганского "поля боя" обеих сверхдержав, распад Советского Союза, выход на политическую арену государств, претендующих на центросиловую политику, открыло дорогу региональному и международному соперничеству. На Среднем Востоке и в Центральной Азии начался, образно говоря, новый раунд "Большой игры", но уже с несколько изменившимся по сравнению с 19 веком - тогда борьба за господство в регионе велась главным образом между Англией и Россией - составом игроков.

2. Участие СССР в афганском конфликте и России - в таджикском в форме постепенного втягивания неподготовленных войск в длительное, кровопролитное и мало-предсказуемое гражданское и этническое противостояние не сняло проблем, из-за которых разгорелись эти конфликты. Это также повлекло за собой неминуемые издержки и расходы, которые Москва вынуждена оплачивать, поскольку уж она добровольно вызвалась на роль главного арбитра в споре. Наконец, самое главное - Россия упускает возможность закрепиться в Центральной Азии экономически. А ведь именно этот аспект взаимодействия России со странами региона, а не количество военных баз, больше отвечает ее интересам.

Ставка на наращивание в Таджикистане российского военного присутствия под предлогом борьбы с "фундаменталистской агрессией" афганских талибов не является альтернативой экономическому и политическому влиянию России и уж тем более зависящие от таджикских властей российские пограничники и миротворцы мало что могут сделать для того, чтобы потеснить конкурентов - Узбекистан, Турцию, Запад, международные экономические корпорации.

В этих условиях первоочередным становится укрепление афгано-таджикской границы с максимальным подключением к этой задаче центральноазиатских участников Договора о коллективной обороне СНГ. Другим важным моментом является корректировка политики России в отношении как таджикского, так и афганского конфликтов в плане отказа от прежней практики втягивания в конфликт на стороне какой-либо противоборствующей группировки, манипулирования его участниками вместо того, чтобы овладеть методами его управления.

3. Ислам, равно как язык и этническое происхождение, останутся в регионе главными источниками идентичности. Эти факторы обусловят и линию размежевания между персоязычными таджиками и тюркоязычными народами Центральной Азии, во многом определяют поведение внешних "игроков" - государств Среднего Востока.

4. В отличие от Афганистана, где исламский фундаментализм занимает прочные позиции в общественной жизни, этот феномен имеет незначительные шансы утвердиться на таджикской почве, сколь бы продолжительным ни был конфликт в этой стране и сколь бы ни было велико воздействие на оппозиционеров "импортированной" исламской идеологии. Религия в Таджикистане набирает силу, но она служит в основном средством выражения социально-политического и экономического недовольства.

Продолжение гражданского противостояния, вызванного неуступчивостью, нежеланием идти на компромиссы нынешних хозяев Душанбе, усилит эту тенденцию, превратит ислам в идейное знамя всех "униженных и оскорбленных". Но такой воинствующий ислам будет уже феноменом местного, отечественного производства.

5. Роль ислама как внешней угрозы и для стран Центральной Азии, и для России, и для Запада явно в пропагандистских целях преувеличена. Но как внешняя угроза для правящих режимов Таджикистана и других государств региона она легко может реализоваться в условиях гражданских междоусобиц, ухудшения экономического положения населения, падения уровня жизни, массовой безработицы. Такова же роль и перспектива этнического национализма. Как показывает опыт развивающихся стран, близких по основным своим характеристикам государствам Центральной Азии, национализм и этническое неравенство, культивируемое властями, становятся той взрывоопасной силой, которая способна подорвать стабильность и безопасность.

6. Опыт Афганистана, как и Таджикистана, показывает, что ислам и этничность не являются сами по себе факторами дестабилизации или силой, соперничающей с модернизацией. Их политизация - прежде всего результат провалов правительственной политики, неспособности светской власти предотвратить социальный и экономический упадок в стране, обеспечить безопасное проживание ее гражданам - вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности. Все это усиливают рост экстремизма в обществе, способствует вытеснению умеренных течений ислама и замены их крайними, нетерпимыми формами.

7. И афганский, и таджикский конфликты показали, насколько сложной является проблема структурирования собственного социального пространства в отсталых, традиционных обществах. Ни в Афганистане, ни в Таджикистане не произошли процессы, имевшие место в Пакистане, где ислам, изначально заложенный в фундамент образовывавшегося государства, в дальнейшем превратился в элемент рациональной идеологии, национального проекта секуляризованной элиты. В Пакистане произошла своего рода "национализация" ислама, и эта религия использовалась в национальных интересах, в интересах формирующегося национального государства. В этнически разделенном государстве ислам стал фактором социальной интеграции. А вот в Афганистане и Таджикистане ни религия, ни какая-либо "национальная идея" не сумели стать "собирательницей" различных этносов и кланов. В отсутствии общенациональной или общерелигиозной идеи разобщенное, разорванное общество, оказалось погруженным в хаос и кровопролитие. И в этом состоит главный трагический урок афганского и таджикского конфликтов.

ГЛАВА 5. ПУТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В ТРЕТЬЕМ МИРЕ И НА ЮГЕ СОДРУЖЕСТВА.

Проблема урегулирования конфликтов в Третьем мире и СНГ находится в сфере пристального внимания мирового сообщества. ООН, другие международные и региональные организации, отдельные государства и даже политики давно уже играют ключевую роль в предотвращении, урегулировании и разрешении многих вооруженных конфликтов /1/. С 1991 г. ООН задействована в конфликтах в Анголе, Боснии, Хорватии, Мозамбике, Сомали. Она пыталась приостановить взрыв насилия в Руанде в 1995 г. С апреля 1997 г. гуманитарная миссия ООН под охраной многонационального миротворческого контингента, набранного из европейских стран, старается упорядочить гражданский конфликт в Албании.

Между тем практика последних лет показала, что международные механизмы поддержания мира имеют серьезные ограничители. Строго говоря, юрисдикция ООН не распространяется на этнические или межконфессиональные конфликты, которые, как правило, являются внутренними, хотя они и угрожают международному миру и безопасности не меньше, чем межгосударственные. Кроме того, Запад и его организации - ЕС, ОБСЕ, НАТО - не готовы идти на такое же серьезное вовлечение в конфликты в Третьем мире и СНГ, как они это сделали в бывшей Югославии или в Албании, а ООН порой просто не в состоянии выполнять роль "пожарного" в неутихающих гражданских и этнических распрях в Третьем мире и в постсоветском пространстве.

Если проследить за тем, как продвигаются к урегулированию и разрешению конфликтов страны Третьего мира и СНГ, то ситуация здесь, на первый взгляд, внушает основания для оптимизма. Здесь не прекращается деятельность ООН, ОБСЕ, НАТО, других международных и региональных организаций, а также различных посредников, представляющих неправительственные организации. Предпринимаются усилия со стороны региональных и великих держав с целью сблизить позиции противоборствующих сторон, разрешить существующие между ними трудности и противоречия. В СНГ положено начало урегулированию конфликта в Таджикистане и близок к разрешению конфликт в Чечне. К сожалению, остальные конфликты в постсоветском пространстве остаются в "замороженном" состоянии. Их урегулирование, а тем более разрешение, отложено, отодвинуто на неопределенный срок. В силу этого опасность возобновления боевых действий сохраняется.

Но и в Третьем мире не все так радужно и гладко: продолжается кровопролитие в Афганистане. В странах Тропической Африки эфиопская модель мирного разрешения конфликта стала скорее исключением, чем практикой. Идет этническая война в районе Великих африканских озер, не затихают конфликты в Судане и Либерии. В целом, развивающиеся страны наряду с заметными достижениями в деле разрешения конфликтов дают немало примеров неудач и полных провалов попыток урегулировать этническое, политическое, религиозное или какое-то иное вооруженное противостояние. Тем больший интерес представляет международно-правовая практика предупреждения, контроля и урегулирования конфликтов.

5.1. Международно-правовая практика предупреждения конфликтов и основные методы их контролирования, урегулирования и разрешения

В мировой "конфликтной политике" проблеме предупреждения конфликтов стали уделять внимание сравнительно недавно. Генеральным секретарем ООН Бутрос Бутросом-Гали в июне 1992 г. была опубликована "Программа мирного развития" /2/, а метод превентивной дипломатии получил концептуальную разработку /3/. Давая ему характеристику, канадский специалист Роджер Хилл писал: "Превентивная дипломатия - деятельность, предотвращающая возникновение споров между странами и перерастание существующих споров в конфликты либо ограничивающая распространение конфликтов, если они возникают. Подобная деятельность включает меры доверия - такие, как систематические обмены военными миссиями; выявление фактов для получения информации и прояснения запутанных ситуаций; раннее предупреждение, например, о голоде или массовых передвижениях населения; превентивное развертывание сил ООН и других сил; создание демилитаризованных зон" /4/.

Попытки "раннего предупреждения" конфликтов в Третьем мире предпринимаются и ООН, и региональными организациями, и отдельными странами, однако пока это направление "конфликтной политики" оказалось не особо эффективным. Так, хотя ученые и политики, анализировавшие ситуацию во многих полиэтнических обществах Третьего мира, где складывались потенциальные условия для взрыва насилия на этнической почве, твердили о необходимости принятия превентивных мер для его предотвращения, мировое сообщество не предприняло никаких адекватных действий, не сделало попыток предотвратить трагедию. В качестве примера можно привести Руанду, где многовековое соперничество между хуту и тутси не было ни для кого секретом, однако превентивные акции - ни со стороны ОАЕ, ни со стороны ООН - не были предприняты. "Объявленные заранее" кровавые столкновения произошли, и региональная нестабильность на долгие годы утвердилась в этом районе Тропической Африки.

Другой пример. Известно, к каким последствиям, в условиях неурегулированности территориальной проблемы, может привести постановка вопроса о перекройке границ и территориальных изменениях. Тем не менее отдельные российские политики, не заботясь о последствиях, публично обсуждают гипотетический вариант присоединения к России "русских" земель Казахстана, Украины, Эстонии, вопрос о возвращении России Крыма, Госдума России принимает решение о статусе украинского города Севастополя. Одновременно с этим и некоторые националистические лидеры и политики в государствах "ближнего зарубежья" выдвигают территориальные притязания к России, к другим своим соседям, ведут агитацию, направленную на ограничение гражданских прав "некоренных наций", на вытеснение их из своих стран. Последствия, к которым ведут подобные призывы и действия легко прогнозируемы: рост межнационального и религиозного противостояния, возникновение напряженности в межгосударственных отношениях, опасное движение в сторону разжигания конфликтных ситуаций. И все же действия, которые следовало бы направить на возможное предотвращение конфликта, скорее всего сознательно приносятся в жертву политическим амбициям, конъюнктурным соображениям, идеологическим построениям.

Возможно ли в принципе не только разглядеть возникновение той или иной потенциальной "горячей точки", но и принять адекватные меры по предотвращению конфликтных ситуаций? До сих пор в основном все усилия в этом направлении сводились

к сбору и обобщению информации. Что касается ее дипломатического и политического обеспечения, то здесь возникают серьезные препятствия.

Главное из них - вопрос о соотношении двух международных принципов - права народа на самоопределение и принципа территориальной целостности /5/. Особую остроту он приобретает в тех случаях, когда ситуация внутри страны накаляется вследствие возникновения сепаратистского движения или же когда правительству брошен вызов - политический или экономический - соперничающими силами, действующими в самой стране, а также и за ее пределами, с территории соседних государств. Даже в том случае, когда надлежащая информация, свидетельствующая о взрывоопасной ситуации, получена и требуется принять срочные меры для предотвращения вооруженного столкновения, осуществить это практически невозможно. Ведь правительство любого государства крайне болезненно относится к вмешательству извне, считая все, происходящее внутри страны, внутренним делом. Именно поэтому попытки любого международного посредничества квалифицируются обычно как нарушение государственного суверенитета. Совет Безопасности ООН в Третьем мире, как правило, рассматривают как инструмент политики великих держав и особенно США.

Кроме того, для того чтобы получить санкцию Совета Безопасности на проведение превентивной акции, требуется согласие правительств стран-членов на участие в ней. Почти всегда правительства проявляли сильное нежелание впутываться во внутренние дела других государств, несмотря даже на то, что конфликт может вылиться в кровопролитие, создать угрозу безопасности соседних государств.

Но даже в тех случаях, когда правительства соглашались на международное посредничество в деле предотвращения вооруженного конфликта, это отнюдь не исключало его вспышки. Так произошло на Ближнем Востоке летом 1996 г., когда, невзирая на усилия американской дипломатии, других посредников, позиции палестинской и израильской сторон сблизить так и не удалось, и вооруженные столкновения, затихшие до этого, вспыхнули с новой силой в Южном Ливане и в самом Израиле. Не удалось предотвратить нового раунда войны в Афганистане после захвата талибами Кабула осенью 1996 г., несмотря на попытки посреднических миссий убедить враждующие стороны пойти на примирение.

И все же трудности с реализацией на практике концепции превентивной дипломатии связаны не только с позицией развивающихся стран. Несмотря на всю внешнюю привлекательность этой концепции и ее вербальную поддержку со стороны развитых государств и великих держав, очевидно, что последние готовы принимать меры по предотвращению конфликтов только в тех странах Третьего мира, которые входят в сферу их главных интересов. Соединенные Штаты весьма оперативно реагируют на все то, что происходит в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, но их мало трогают этнические противоречия, чреватые конфликтами, где-нибудь в отдаленных районах Тропической Африки.

Существуют кроме того и чисто технические трудности: громоздкость, неповоротливость структур международных организаций - прежде всего Совета Безопасности ООН, - призванных по определению быть гарантами международной безопасности, забюрократизированный аппарат, отсутствие материального и военного обеспечения по сбору необходимой информации и проведения превентивных акций. Если в Европе - в Македонии - мировому сообществу удалось осуществить превентивную операцию по

поддержанию мира, то в Третьем мире оно пока что не может занести в свой актив ни одной успешной акции такого рода.

Опыт стран Третьего мира свидетельствует также и о том, что одним только информационным обеспечением, т.е. сбором информации о наличии конфликтного потенциала в том или ином районе или государстве, равно как дипломатическими и военными средствами предотвратить конфликт зачастую просто невозможно. Ведь в основе большей части межэтнических противоречий лежат экономические, социальные и политические факторы, и этнический конфликт чаще всего возникает как следствие отсутствия экономических и социальных преобразований или неудач в их проведении. Речь, таким образом, идет о чисто внутренних проблемах, которые невозможно решить одним махом, с помощью международной "пожарной команды".

В СНГ с проблемой предупреждения конфликтов дело обстоит так же непросто. Здесь еще с советских времен учеными, специалистами, общественными деятелями были обозначены "болевые точки", грозящие перерасти в конфликты. Главным образом они относились к проблемам взаимоотношений между различными этносами и народами, нарушений прав представителей отдельных конфессий. Тем не менее их гласное обсуждение, а тем более осуждение тех или иных аспектов правительственной политики квалифицировалось в советские времена как разжигание межнациональной розни и преследовалось зачастую по закону.

Ныне в России и некоторых государствах СНГ проблемы этно-национальных и религиозных противоречий обсуждаются достаточно свободно. Иногда, правда, их используют в популистских, пропагандистских целях либо замалчивают, чтобы, как утверждается, не "взорвать мир и согласие". Что касается предупреждения конфликтов, то этот метод с трудом внедряется в практическую политику. Такова была ситуация, сложившаяся в России после принятия Верховным Советом РФ 26 апреля 1991 г. Закона о реабилитации репрессированных народов. Этот закон имел огромное позитивное значение, так как провозглашал политическую реабилитацию "наказанных" и депортированных в сталинские времена народов и содержал в себе статью о праве этих народов на территорию, которую они занимали до депортации. Но каким образом это право может быть воплощено в жизнь и как предотвратить территориальные и межнациональные конфликты, способные возникнуть при его реализации, Закон не предусматривал. Столь же непродуманным до конца был и принятый 4 июня 1992 г. Закон об образовании Ингушской Республики в составе России, усугубивший территориальные и межнациональные споры на Северном Кавказе. И хотя многие эксперты по национальным проблемам - и в Москве, и в российских автономиях - предупреждали о том, что на Северном Кавказе и в особенности в спорном Пригородном районе Северной Осетии могут произойти столкновения на этнической почве, ничего не было сделано для их предотвращения, и первое кровопролитие - осетино-ингушский конфликт произошло уже 31 октября 1992 г.

Нередки в СНГ случаи, когда этническое меньшинство заявляет о нарушении своих прав, но его - как это нередко бывает - обвиняют в сепаратизме, а выступившее в защиту этого меньшинства государство - во вмешательстве во внутренние дела другого суверенного государства. Яркой иллюстрацией подобной ситуации является вопрос о положении русских в Казахстане и ряде других государств Центральной Азии, неоднократно поднимавшийся Россией и вызывавший крайне негативную и болезненную реакцию центральноазиатских лидеров. Очевидно, что неурегулированность этой про-

блемы, ее замалчивание официальными лицами отнюдь не снимает ее остроту в том же Казахстане, который при определенных обстоятельствах может стать новой "горячей точкой" СНГ, очагом этнического русско-казахского (а возможно и межгосударственного российско-казахстанского) конфликта.

Обращает на себя внимание относительно новый элемент в поведении независимых государств СНГ: они охотнее идут на контакты с представителями международных организаций, отдают предпочтение их превентивной дипломатии перед российской. Но здесь, видимо, дает себя знать постимперский синдром - подозрительность в отношении российских миротворческих инициатив, которые независимые государства воспринимают - иногда не без основания - как инструмент центросиловой политики. Но, как и в Третьем мире, новые независимые государства не готовы еще признать приоритет прав человека над другими правами, и потому отвергают любые попытки защитить права национальных меньшинств в своих странах, поскольку это-де является вмешательством во внутренние дела. Как и в Третьем мире, в СНГ не найден консенсус между правом народа на самоопределение и принципом территориальной целостности.

При подходе к проблемам поисков мира и безопасности в "горячих точках" международная практика различает несколько понятий: "управление", "контролирование", "урегулирование", "разрешение" конфликтов /6/. Так, предполагается, что конфликт может быть "урегулирован", но это не означает, что он "разрешен", и угроза возобновления военных действий ликвидирована. В ходе урегулирования конфликта стороны останавливаются на достигнутом статусе-кво, и эскалация боевых действий прекращается. Враждующие стороны под давлением извне вынуждены принять решение о заключении перемирия, приостановке военных действий, разъединении вооруженных формирований или каких-либо других соглашениях подобного рода, в результате которых прекращаются военные действия. Разрешение конфликта - это процесс, в рамках которого ведется поиск возможных путей выхода из кризисной ситуации. Но урегулированным конфликт можно считать только после того, как будет достигнут ряд предварительных условий: добровольное и осознанное примирение конфликтующих сторон, взаимное признание ими законности выдвинутых целей и интересов, урегулирование спорных вопросов, противоречий, вызвавших эти споры /7/.

Существуют и другие варианты прекращения военных действий: конфликт может быть приостановлен, "заморожен", что чаще всего происходит под давлением "третьей силы", посредников, миротворцев /8/ или же в том случае, когда военный запал у обеих враждующих сторон иссякает и они "созревают" для начала переговорного процесса /9/.

Устав ООН предусматривает использование мер невоенного характера для мирного разрешения конфликтов. Но именно военно-силовые методы остаются важнейшим инструментом управления конфликтами. К ним охотно прибегают региональные "центры силы", великие державы, а также международные организации. Эти методы включают в себя весьма широкий набор средств: от военной помощи, продажи оружия, военного вмешательства до мер силового давления на конфликтующие стороны.

Наиболее успешно военно-силовые методы использовались в Третьем мире Соединенными Штатами и Францией в практике их "конфликтной политики". Во многих случаях им удавалось путем предоставления военной помощи, продажи оружия, военного присутствия добиваться политических целей. Они быстро и незамедлительно реагировали на возникавшие в странах-реципиентах очаги напряженности, использовали

размещенные на "подведомственных" территориях воинские контингенты, а также другие "силы быстрого реагирования". Именно таким образом США "контролировали" конфликты на Ближнем Востоке, а Франция - в Африке /10/.

Конкретные случаи применения различных методов в ходе конфликтов и в Третьем мире, и в СНГ свидетельствуют о том, что нет универсальных рецептов для разрешения конфликтов. Кроме того, как бы красиво не выглядели концептуальные разработки, жизнь всегда вносила коррективы, и многие казавшиеся внешне вполне логичными и теоретически проработанными схемы не давали желаемых результатов. Остановимся на проблеме операций по поддержанию мира.

Большая их часть осуществлялась именно в Третьем мире. Своеобразную модификацию этот метод получил в условиях СНГ. Российский исследователь Г.И.Морозов обращает внимание на некоторые несоответствия заложенных в Уставе ООН правовых принципов международной практике: "Устав ООН запрещает не только войны, но и угрозу применения силы для разрешения международных споров", и в Уставе ничего не говорится об операциях по поддержанию мира, которые в соответствии с решениями Совета Безопасности составили одну из существенных сторон практической деятельности ООН /11/. Решения о принятии принудительных мер в случаях нарушения мира Совет Безопасности принимает в соответствии с положениями, заложенными в Главе шестой "Мирное урегулирование разногласий" и Главе седьмой "Действия по отношению к угрозе миру, нарушениям мира и актам агрессии" Устава ООН. Но они не дают ответа на вопрос о том, как действовать в условиях так называемых "конфликтов нового поколения" - гражданских войн, этнических и религиозных конфликтов, то есть в тех случаях, когда трудно выявить "чистого агрессора". О гражданских войнах, кстати, ничего не сказано не только в Уставе ООН, но и в уставах НАТО и некоторых национальных армий Запада.

Отталкиваясь от существующей международной практики, разделим операции по поддержанию мира на четыре типа: 1. традиционное, или классическое миротворчество; 2. вмешательство с целью оказания гуманитарной помощи; 3. многосторонние международные миротворческие действия (кооперативная безопасность); 4. международные операции по принуждению к миру силой.

Под классическим (традиционным) миротворчеством мы подразумеваем операции, проводимые в строгом соответствии с Уставом ООН. Речь здесь идет прежде всего о контроле над конфликтами, происходящими между суверенными государствами. Этот тип операций предусматривает заключение Советом Безопасности со странами-участниками соглашений, определяющих мандат операций по установлению мира; запрет на применение силы; осуществление таких действий, как посредничество, переговоры, мероприятия по поддержанию мира (разъединение сторон, содействие в достижении договоренностей между противоборствующими сторонами о прекращении огня, контроль за соблюдением прав человека, недопущение интернационализации конфликта и другое) /12/. Задача этих мероприятий - создать условия для переговоров по спорной проблеме. Миротворческие миссии осуществляются контингентами стран-членов ООН, действуют с полного согласия конфликтующих сторон и только после того, как достигается соглашение о прекращении огня. Примером подобного миротворчества явилась акция по разъединению арабов и израильтян на Ближнем Востоке после Суэцкого кризиса 1956 г. и Октябрьской войны 1973 г. Аналогичных результатов достигло мировое сообщество в Персидском заливе, где боевые действия между Ираком и Ира-

ном были прекращены и с 1988 по 1991 гг. с согласия обеих сторон международные миссии наблюдали за соглашением о прекращении огня.

В ходе других операций по поддержанию мира в развивающихся странах ООН пыталась в целом придерживаться таких основополагающих принципов, как: согласия противоборствующих сторон на присутствие международных воинских контингентов, беспристрастности последних по отношению к участникам конфликта, вовлечения в операции ООН контингентов стран, не являвшихся постоянными членами Совета Безопасности ООН, (чтобы избежать глобализации конфликта), применения силы лишь в целях самообороны и т.п. Иное дело, что под давлением обстоятельств происходило постепенное размывание этих принципов (в Намибии, Анголе, Камбодже, Персидском заливе, Сомали, бывшей Югославии). На недавних сессиях Генеральной ассамблеи ООН вопрос о реформировании операций по поддержанию мира (относимых нами к типу традиционного миротворчества) подвергся ревизии, поскольку их дороговизна поставила ООН на грань финансового краха. Многие из таких операций либо были неспособны остановить кровопролитие либо утверждали силовой подход, в результате чего многонациональные силы становились одной из сторон конфликта.

На фоне сокращения в мире числа межгосударственных конфликтов множатся очаги гражданского и этнического насилия в границах существующих государств, и к этим ситуациям классическое миротворчество применить особенно трудно. Ведь одно дело - организовать миротворческие операции с тем, чтобы приостановить либо прекратить военные действия между суверенными государствами-членами ООН, на которые Совет Безопасности может оказать давление, а другое дело - принять решение о вводе миротворческих сил в государство, раздираемое внутренним конфликтом. Не говоря о том, что противоборствующие стороны вообще могут не попросить об этом или противятся этой акции - что чаще всего и происходит, - они часто и не желают прекращения боевых действий, поскольку считают, что способны еще добиться своих целей на поле боя. В подобной ситуации очень сложно, а порой и просто невозможно оказывать на них политическое или силовое давление /12/.

Другой метод операций по поддержанию мира - вмешательство с целью оказания гуманитарной помощи - зачастую существенно облегчает страдания мирного населения, испытывающего лишения и из-за военных действий, и из-за стихийных бедствий (засух, землетрясений, наводнений и пр.). Подобное вмешательство осуществляется и вне зависимости от того, достигнуто ли прекращение огня. Не обязательным для гуманитарных миссий является и согласие воюющих сторон на предоставление такой помощи, возможно и вооруженное сопротивление, которое оказывает одна из враждующих фракций. Словом, гуманитарные акции в строгом смысле не имеют целью разрешения конфликта как такового, они нацелены на спасение жизней людей - жертв вооруженных конфликтов. Многочисленные случаи международного вмешательства в конфликты в Третьем мире с целью доставки гуманитарной помощи, как правило, имеют минимальный успех, а то и просто заканчиваются провалом. Именно так произошло на Африканском Роге, где международные организации попытались спасти население от засухи, голодной смерти и других бед, сопровождавших гражданские войны в Эфиопии и Сомали в 80-е годы. В 1992 г. крупномасштабная засуха, голод, грозящий катастрофой, побудили международное сообщество, Совет Безопасности ООН направить в Сомали чрезвычайную гуманитарную миссию, несмотря на царящую в стране анархию, вызванную гражданской междоусобицей, войной между местными

кланами и их "армиями". Однако осуществить эту операцию так и не удалось: к ноябрю 1992 г. 80 процентов помощи было разворована, и она не дошла до нуждающихся, а сотрудники Красного Креста вынуждены были рисковать своими жизнями в условиях всеобщего хаоса и отсутствия какого-либо подобия власти в Сомали /13/.

Нечто схожее с сомалийской ситуацией наблюдалось в "горячих точках" СНГ: в Чечне и Таджикистане. Следовательно, вмешательство в конфликт с целью оказания гуманитарной помощи эффективно только в том случае, если миротворцы могут применить силу, чтобы защитить себя. Но ссылки на опыт Боснии, где контингенты НАТО обеспечивали военное прикрытие миротворческим и гуманитарным операциям, не вполне корректны. В том же Сомали многосторонним миротворческим силам под командованием США было разрешено - в соответствии с принятой Советом Безопасности ООН 3 декабря 1992 г. Резолюцией 794 - применить силу для обеспечения безопасной доставки гуманитарной помощи в эту африканскую страну. Однако же, как говорилось выше, из этого ничего не вышло, миротворцы сами оказались втянутыми в военные действия и вынуждены были ни с чем покинуть Сомали, так и не осуществив свой мандат.

Наряду с традиционным миротворчеством и вмешательством с целью оказания гуманитарной помощи широкое применение в мировой практике нашел метод многосторонних (коллективных) миротворческих операций. Они призваны уменьшить напряженность в отношениях между противниками, участвующими в конфликте, помочь им претворить в жизнь мирное соглашение. Как и традиционное, коллективное миротворчество ограничено установленными сроками, а вся операция подчинена определенному графику. По мере истечения ее сроков, ООН либо продлевает либо прекращает их, как это было, например, в Намибии, Камбодже, Мозамбике. Схожим образом пытаются вести себя структуры СНГ, координирующие миротворческие мероприятия в некоторых "горячих точках" Содружества.

Поскольку "коллективные миротворцы" чаще всего имеют дело с внутренними конфликтами, им предоставляются более широкие, по сравнению с традиционными миротворцами, права по применению военной силы, что создает определенный риск: потери среди миротворцев, давление со стороны какой-либо из враждующих фракций с целью использования силы или санкций против их противника, как это было в Камбодже, Анголе, Мозамбике, бывшей Югославии и ряде других конфликтных зон.

Опыт государств Третьего мира свидетельствует о преимуществе коллективного миротворчества перед аналогичными односторонними действиями. Но есть и немало примеров, когда коллективные миротворческие операции с треском проваливались. Это происходило в тех случаях, если силы по поддержанию мира были сколочены формально, без получения соответствующего мандата от региональных или международных организаций. Так случилось, например, в Ливане в 1982 г., когда силы американо-французско-английско-итальянской коалиции начали действовать без санкции ООН и Лиги Арабских Государств (ЛАГ), и в результате они вынуждены были свернуть там свою активность.

Специфическим случаем коллективного миротворчества являются Коллективные Миротворческие Силы СНГ, которые, правда, не подпадают под юрисдикцию ООН и не являются частью международных миротворческих контингентов. КМС СНГ призваны поддерживать безопасность в постсоветском пространстве, гасить возникающие здесь конфликты. Создание этой структуры продиктовано в первую очередь

стремление России контролировать ситуацию, в том числе и связанную с конфликтами, в новых независимых государствах Содружества. Именно поэтому, а также вследствие слабого военного потенциала государств СНГ, КМС укомплектованы преимущественно российскими военнослужащими. Фактически их подразделения в "горячих точках" Содружества совмещают функции коллективных миротворцев и сил быстрого реагирования, не имея, в отличие от последних, соответствующей подготовки и не получая современного военного оснащения.

В целом, усилия КМС по локализации конфликтов, разъединению сторон, прекращению огня принесли результаты в Приднестровье, Абхазии, в Южной Осетии. Меньших успехов (зачастую просто в силу независящих от них обстоятельств) добились КМС СНГ в Таджикистане. Они не способны были "принудить к миру" враждующие стороны, поскольку: а) центральноазиатские государства отстранились от урегулирования этого конфликта, и между ними не было достигнуто консенсуса относительно необходимости вмешательства в него, и потому России пришлось нести на себе практически единолично всю тяжесть миротворчества; б) КМС фактически воевали вместе с правительственными войсками против Объединенной таджикской оппозиции. По утверждению В.Патрикеева, занимавшего какое-то время пост командующего КМС в Таджикистане, первоначально в состав последних были даже включены части правительственных войск Таджикистана, что противоречит международным нормам, в соответствии с которыми принимающая сторона не имеет права становиться частью миротворческого контингента. Не удивительно, что таджикская оппозиция неоднократно выражала сомнение в нейтральности таких "миротворцев"; в) хотя КМС в Таджикистане и были созданы по решению глав государств-участников СНГ, которое по своему международному статусу является региональной организацией, они не вполне легитимны, поскольку ООН так и не предоставила им мандата на проведение миротворческих операций.

Операции по принуждению к миру силой Г.И.Морозов относит к категории "боевых действий сил ООН для борьбы с вооруженной агрессией" /14/. Мы же трактуем этот четвертый тип операций расширительно - как метод, применяемый в международных отношениях в тех случаях, когда традиционное (классическое) миротворчество не оправдывает себя, становится непригодным для многих ситуаций, связанных с религиозно и этнически мотивированными конфликтами /15/. Участвующие в такого рода операциях миротворцы - не обязательно из состава контингентов ООН - ставят своей задачей добиться прекращения огня де-факто, защитить гражданское население и заставить враждующие стороны начать переговоры.

Операции по принуждению к миру осуществляются обычно путем использования двух средств: а) санкций; и б) угрозы, или применения, военной силы. Формально эти методы противоречат Уставу ООН, в котором вообще отсутствует термины "санкции" или "эмбарго" /16/. Но на практике мандатные санкции, которые по настоянию ведущих государств накладываются Советом Безопасности против нарушителей мира, сводятся чаще всего к эмбарго на поставки оружия и лишь в редких случаях - как это было в отношении Ирака, Югославии и Ливии - применяются широкие меры наказания. Санкции несомненно служат определенным дополнительным рычагом давления, позволяют мировому сообществу снизить уровень напряженности в зоне конфликта, сделать более гибкой позиции конфликтующих сторон. Они сигнализируют гражданам страны, где происходит конфликт, о недовольстве международной общественности по-

литикой, проводимой их правительством - инициированием насилия или нарушением международных норм. Санкции, кроме того, ограничивают свободу действий государств, на которые они наложены, так как эти государства отстраняются от участия в глобальных экономических процессах.

Если санкции не достигают поставленных целей, это означает, что дальше должны последовать жесткие меры воздействия на нарушителя (или нарушителей) международной стабильности. В существующей практике международные организации придерживаются правила: нужно доказать, что мягкие меры - санкции - не привели к желаемому эффекту, и лишь только после этого требовать применения силы против нарушителя стабильности. Санкции могут быть использованы мировым сообществом и как протест против преступлений, совершаемых правительственными войсками, участвующими в конфликте (геноцид, этнические чистки, погромы и пр.), и как превентивная акция, и как средство для установления цивилизованных норм поведения между государствами, а также между правительствами и их гражданами /17/.

Но, конечно, вопрос об эффективности применения санкций далеко не бесспорен.

Во-первых, их все-таки легче задействовать в межгосударственном конфликте, когда есть государство-агрессор и государство-жертва, но они с трудом применимы к внутренним, особенно этническим конфликтам, где очень сложно непредвзято и объективно выявить зачинщика конфликта и потерпевшую сторону. Во-вторых, в самом Совете Безопасности при решении вопроса о санкциях среди его членов верх часто берут подсказанные собственными интересами соображения, весьма далекие от международной безопасности, в результате чего консенсус достигается чрезвычайно редко. В-третьих, санкции чаще всего не достигают поставленных целей: от них по преимуществу страдает рядовой обыватель, в то время как режим, против которого эти санкции направлены, умудряется обходным путем пополнять свой военный арсенал, торговать нефтью (Ирак, Ливия), заключать торговые сделки через подставных лиц или посредников.

Грузино-абхазский конфликт - пока единственный в СНГ, в отношении которого саммитом СНГ принято далеко не бесспорное со всех точек зрения решение о применении санкций. В международно-правовом плане оно несет отпечаток волюнтаризма, поскольку принято волевым решением государств-членов СНГ без привлечения международных механизмов: Совета Безопасности либо ОБСЕ. Очевидно, что принимая такое решение, главы государств и правительств СНГ не только проявляли солидарность с официальным Тбилиси, но и руководствовались собственными интересами - задачами борьбы с проявлениями внутреннего сепаратизма, который просматривается почти во всех многонациональных республиках бывшего СССР. В то же время важные императивы международной политики, к которым апеллируют абхазы и другие национальные меньшинства - права человека, право народов на самоопределение, - игнорировались.

Подобное решение привело к ухудшению экономического положения абхазского населения, стимулировало его отток в Россию и "дальнее зарубежье", несколько подорвало доверие к России как к традиционному арбитру межэтнических споров на Кавказе. Оно при этом достигло совсем противоположного эффекта: еще больше укрепило абхазское руководство в намерении добиваться независимости, о чем свидетельствовали проведенные в ноябре 1996 г. парламентские выборы в Абхазии. Следовательно, хо-

тя санкции в ряде случаев и являются необходимой и приемлемой мерой принуждения к миру, решение об их применении необходимо принимать крайне осторожно и с учетом всех возможных краткосрочных и долгосрочных последствий.

Что касается другого средства по принуждению к миру - использования военной силы, то наиболее успешно, пожалуй, оно было применено в 1990-1991 гг. в ходе военной операции сил международной коалиции в Персидском заливе. В ряде других случаев Совет Безопасности ООН предоставлял отдельным странам (США на Гаити, Франции в Руанде) санкцию на "использование всех необходимых средств" /18/, и тогда операций по принуждению к миру не требовалось - достаточно было одной лишь угрозы. И все же проблема правомерности применения военной силы в миротворческих операциях и соответствия подобных акций международно-правовым нормам относится к числу спорных вопросов международной жизни.

Использование системы коллективной безопасности для предупреждения конфликтов и их контролирования не всегда оправдывает себя, несмотря на то, что многим политикам и в России, и в СНГ она видится едва ли не панацеей достижения стабильности. В широкой трактовке идея коллективной безопасности предполагает принятие государствами определенных обязательств в международных делах для защиты от внешней агрессии. На уровне региона речь может идти о выработке неких правил и норм, позволяющих государствам самим отвечать за поддержание стабильности с тем, чтобы не перекладывать эту ответственность на "третью сторону" - в этой роли чаще всего выступают великие державы - либо на международный миротворческий контингент.

Тем не менее ни в одном регионе Третьего мира или СНГ так и не удалось, несмотря на приложенные усилия, создать эффективную систему коллективной безопасности. Это связано, по-видимому, с тем, что межгосударственные разногласия в постсоветском пространстве и уж тем более в Третьем мире слишком сильны и потому приемлемый уровень доверия, необходимый для объединения государств с целью создания некоего надгосударственного органа, контролирующего безопасное развитие, все еще не достигнут. Кроме того, строительство такой системы подразумевает добровольный отказ от части суверенитета со стороны государств-участников. Ни в Третьем мире, ни в СНГ пойти на это еще не готовы. Наконец, государства Третьего мира не доверяют "Западу", к которому они с некоторыми поправками относят теперь и Россию. Они подозревают великие державы в использовании структур коллективной безопасности в своих, узкокорыстных целях, в злоупотреблении своими правами в Совете Безопасности ООН и других международных организациях при принятии решений об использовании военной силы или применения экономических санкций.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Существующие в мировой практике методы предупреждения, урегулирования или разрешения конфликтных ситуаций не всегда оказываются эффективными. Любой из них не может стать универсальным средством и даже в случае его успешного апробирования в Третьем мире он не может быть механически перенесен на конфликтные коллизии в СНГ.

2. Широко применявшийся в 90-е годы метод принуждения к миру силой плохо соотносится с международно-правовыми нормами - принципом суверенитета и территориальной целостности. Операции по поддержанию мира, осуществляемые в форме военного вмешательства в гражданские войны или конфликты, связанные с борьбой

национального меньшинства за изменение своего статуса, создают прецеденты, оправдывающие нарушение прав человека в страновых и международных масштабах.

3. На практике широкое применение военной силы ведет к установлению диктатора крупных развитых государств и их военных организаций (НАТО, например) над более слабыми развивающимися странами, что нарушает равенство статуса членов международного сообщества.

В ряде случаев региональные организации, в том числе религиозные, лучше справляются с задачей предотвращения конфликта, с посреднической ролью, с разрешением внутренних конфликтов, нежели структура, создаваемая в более широких международных рамках. Рассмотрим эту проблему подробнее.

5.2. Региональные и религиозные организаторы и миротворцы

В нашу задачу не входит детальное исследование роли региональных и международных организаций в урегулировании и разрешении вооруженных конфликтов в современном мире /19/. Заметим только, что такие региональные организации, как, например, Лига арабских государств (ЛАГ), Организация африканского единства (ОАЕ), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и другие, наработали в своей практической деятельности немало средств и мер, применение которых регулирует решение пограничных споров, территориальных проблем, использование силы при вспышке разногласий между государствами-участниками. Определили они и подходы к проблеме беженцев, перемещенных лиц и многое другое. К сильной стороне региональных посредников и миротворцев относится их максимальная приближенность к зонам конфликтов, знание местной специфики и факторов, влияющих на позиции конфликтующих сторон.

Но есть у них и слабая сторона: они готовы проявить себя, вмешаться, в том числе и в качестве посредников, в случае возникновения межгосударственных конфликтов, но в отношении внутренних конфликтов и гражданских войн они стараются максимально дольше придерживаться позиций стороннего наблюдателя, неукоснительно соблюдая принцип невмешательства во внутренние дела. Кроме того, региональные организации, как правило, поляризованы из-за позиций их членов, которые являются либо конфликтующими сторонами либо симпатизирующими им другими участниками вооруженных столкновений, поддерживающими противоборствующие группировки во внутреннем конфликте.

С учетом того, что наиболее кровопролитные конфликты проходили в последние годы именно в Африке, перед ОАЕ возросла необходимость принять на себя больше ответственности за происходящее на континенте, шире использовать свои миротворческие контингенты, повысить эффективность механизма ОАЕ по разрешению новых конфликтов. Между тем ОАЕ хронически не хватает средств, и она зависит от финансирования извне, со стороны западных фондов и организаций. Еще одним препятствием для вовлечения ОАЕ в разрешение конфликтов и контроль над ними является отсутствие постоянного органа для принятия решений.

Усилия по мирному урегулированию, которые предприняла ОАЕ - в Либерии, Судане, Руанде, Сомали - фактически оказались проваленными. Ни ОАЕ, ни ЛАГ даже не попытались вмешаться в гражданскую войну в Алжире. Пассивной остается позиция региональных организаций Африканского континента в отношении межэтнических

столкновений и вызванных ими миграционных передвижений, потоков беженцев в государствах, расположенных в районе Великих озер. Справедливости ради следует признать, что международные организации и ООН также мало преуспели в решении этих проблем. Не оправдали себя в полной мере региональные экономические и финансовые организации, хотя некоторые из них (Экономическое сообщество западноафриканских стран) добились скромных успехов /20/. Однако и они не могут записать в свой актив ни одного полностью разрешенного конфликта.

Недостаточно активно действуют пока региональные политические межгосударственные организации в деле урегулирования конфликтов на Ближнем Востоке и в Персидском заливе. Известно, что в ходе кризиса в Персидском заливе в 90-е годы ЛАГ и другие организации арабских государств продемонстрировали полную несостоятельность и растерянность. Достижение же прогресса в ближневосточном конфликте стало возможным благодаря неформальным контактам израильских и палестинских политиков при посредничестве Норвежского института прикладных наук, усилиям американских и западноевропейских медиаторов. Причина подобной ситуации кроется, вероятно, в том, что региональные организации на Арабском Востоке слишком поляризованы из-за позиций сторон, участвующих в конфликте. Вследствие этого они представляют собой весьма неэффективный в плане безопасности региональный альянс.

Значительно больших успехов в деле достижения региональной безопасности добилась АСЕАН. Этой организации принадлежит немалая заслуга в деле локализации и разблокирования конфликта на Филиппинах. Примечательно, что благодаря усилиям стран-участниц АСЕАН этот конфликт был выведен из сферы рассмотрения Организации исламской конференции (ОИК), других религиозных мусульманских организаций. Это свидетельствует о том, что наиболее эффективный путь решения многих этнических и конфессиональных конфликтов лежит все же не в религиозной сфере, а в области традиционных межгосударственных контактов.

В постсоветском пространстве, где ООН оказалась неготовой к проведению операций по поддержанию мира, эти функции взяло на себя Содружество Независимых Государств. Оно действует согласно Статье 52 Устава ООН, разрешавшей региональным организациям проводить миротворческие операции. Правовую базу его миротворческой деятельности составили Устав СНГ, киевское 1992 года Соглашение о группах военных наблюдателей и коллективных силах по поддержанию мира, а также другие документы. Основная трудность в деятельности СНГ состоит не столько в приведении нормативных актов Содружества в соответствие с нормами, на которых строится международное право, определяющее операции по поддержанию мира ООН, сколько в том, что сами эти международные принципы остаются весьма размытыми и нередко вступают в противоречие с практикой (см. об этом выше).

В республиках СНГ опора на собственные силы, на региональные организации как на механизм, с помощью которого можно разрешать и урегулировать конфликты, вообще поставлена слабее, чем в развивающихся странах. Если какая-то форма взаимодействия СНГ и ОБСЕ налажена, то контакты Содружества с ООН весьма ограничены и сведены либо к обсуждению вопросов об отправке наблюдателей в местные "горячие точки" либо к проблемам финансирования миротворческих операций КМС СНГ, (а фактически России). Не стало СНГ и тем органом, который способен был бы положить конец кровопролитию в происходящих в бывшем СССР гражданских войнах и конфликтах. Особенно ощутимо бессилие этой организации и ее структур проявилось в

ходе российско-чеченской войны, на которую СНГ как региональная организация практически никак не отреагировало.

Практика показала, что в странах Содружества вообще отсутствует четкое понимание принципов миротворчества. Фактически все миротворческие функции здесь целиком и полностью взяла на себя Россия, которая и осуществляет самые разные по характеру операции в "горячих точках" Содружества на основе многосторонних договоренностей между Россией и всеми конфликтующими сторонами. В 1993-94 гг. Россия сделала упор на быстрые акции своих воинских подразделений. Они направлялись на разъединение враждующих сторон и разоружение боевиков. Предполагалось также свести до минимума их столкновения с местными вооруженными формированиями. Этот метод был впервые отработан в Приднестровье и Южной Осетии, а затем применен в Пригородном районе Северной Осетии во время осетино-ингушского конфликта. Параллельно российское руководство решало политические задачи - восстановление упавшего престижа армии и отработку планов по созданию собственных сил быстрого реагирования, наподобие американских. Ситуация тем не менее не всегда оказывалась под контролем российских миротворцев: они нередко оказывались втянутыми в прямые военные действия, имеющие тенденцию перерасти в затяжное военное противостояние.

В СНГ только еще формируется механизм, позволяющий перевести вооруженное противостояние в фазу перемирия или прекращения боевых действий. Не разработана методика, дающая возможность начать и вести переговорный процесс, а международный опыт в каждом конкретном случае остается задействован крайне слабо. Опыт чеченской войны показал, что политики и военные и в СНГ, и в России пренебрегли возможностью использовать несиловые методы для предупреждения, а затем и для контролирования конфликтом, не задействовали в полном объеме в начальный период конфронтации переговорный процесс. Они охотнее и легче прибегают к праву силы для решения спорных вопросов.

Светские организаторы, медиаторы и миротворцы зачастую бессильны погасить очаги гражданского и этнического насилия в границах существующих государств, а применить к этим ситуациям классическое (традиционное) миротворчество порой оказывается особенно трудно. Иногда с этой задачей лучше могли бы справиться религиозно-политические объединения и организации, которые изначально, по определению призваны служить целям мира и ненасилия. Религиозные благотворительные и гуманитарные организации, активисты борьбы за права человека своими отчетами и выступлениями привлекают внимание к конфликтам, оказывают давление на мировое сообщество, правительства различных стран, международных организаций. Существующая практика - широко не афишируемой, но достаточно эффективной - посреднической деятельности религиозных организаторов и отдельных священнослужителей благотворно влияет на переговорный процесс, сближает позиции враждующих сторон. Но их деятельность не всегда служит гарантией успешного разрешения конфликта: сплошь и рядом и в Третьем мире, и в СНГ местные режимы в лучшем случае просто не реагируют на критику, а в худшем - занимаются морально-политическим и физическим подавлением оппонентов и несогласных.

В странах традиционного распространения ислама особенностью общественно-политической жизни является наличие довольно развитой системы религиозно-политических объединений, базирующихся на концепции мусульманской солидарно-

сти. Они-то и пытаются координировать и направлять различные аспекты жизни мусульман как в рамках отдельных стран и общин, так и в мировом масштабе. Успели они проявить свою позицию и по целому ряду конкретных аспектов конфликтных ситуаций.

В настоящее время единственной мусульманской организацией, действующей на правительственном уровне, является Организация исламской конференции (ОИК), созданная в мае 1972 г. в соответствии с решением конференции глав государств и правительств мусульманских стран, состоявшейся в Рабате в 1969г. Она отводит значительное место в своей деятельности пропаганде ислама, а также стимулирует развитие экономического, политического, культурного сотрудничества мусульманских государств. При этом членство в ОИК не предусматривает обязательного исламского характера внутренней политики государств-участников, не накладывает обязательств по введению шариата.

Палестинский вопрос - составная и неотъемлемая часть арабо-израильского конфликта - находится на первом месте в ряду политических приоритетов, выделенных ОИК. Этот вопрос стоял в повестке дня всех конференций глав государств и правительств членов ОИК, ежегодных встреч министров иностранных дел стран-участниц. Он рассматривается членами ОИК в нескольких аспектах: религиозном, означающем защиту аль-Кудса (по-арабски - святыня), то есть Иерусалима и его священных мест; политическом - как солидарность с арабским народом Палестины; юридическом, подразумевающим защиту прав палестинских мусульман.

Хотя внешне создается впечатление, что палестинская проблема - одна из немногих, по которым члены ОИК достигли полного единодушия, на деле в подходах к решению ближневосточного конфликта постоянно наблюдается противоборство двух тенденций - умеренной и экстремистской. В начале 80-х годов участники ОИК, придерживающиеся крайних политических позиций, получили дополнительный импульс от победы исламской революции в Иране. Под их влиянием конференция на высшем уровне ОИК в Эт-Таифе (1981 г.) приняла известную "мекканскую декларацию", которая объявляла Израилю джихад. Это решение, впрочем, не имело каких-либо политических последствий, поскольку мусульманским государствам не только не удалось добиться уничтожения Израиля, но и объединить усилия для осуществления его экономической и дипломатической изоляции.

В дальнейшем в отношении палестинской проблемы и вопросов ближневосточного урегулирования верх в ОИК взяла более прагматическая линия. Более отчетливо она проявилась в годы, последовавшие за окончанием "холодной войны". Но все же ОИК не может эффективно участвовать в процессе урегулирования, влиять на какую-либо из конфликтующих сторон, а тем более выступать в роли "третьей", посредничающей, стороны: ОИК изначально четко обозначила свои симпатии и антипатии в отношении противоборствующих сторон в конфликте, а кроме того, деятельность этой организации базируется на идее мусульманской солидарности и значит, подразумевает автоматическую поддержку ее членами своих единоверцев.

Важное место в системе политических приоритетов ОИК и афганский вопрос.

В годы советской оккупации Афганистана члены ОИК выступали с многочисленными призывами к немедленному и безоговорочному выводу советских войск из этой страны, приняли ряд практических решений. Например, внеочередная конференция министров иностранных дел ОИК, созванная в январе 1980 г., приостановила член-

ство "красного" Афганистана в ОИК (это решение сохраняло свою силу до 1989 г.) и призвала своих членов не принимать участия в летних Олимпийских играх, проводившихся в 1980 г. в Москве. ОИК выступила и одним из инициаторов принятия на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1980 г.) резолюции, осуждающей советское вторжение в Афганистан. Хотя в число участников ОИК входили и "друзья" Советского Союза - страны социалистической ориентации, их реакция мало чем отличалась от позиции так называемых прозападных развивающихся государств: и те, и другие осудили действия СССР.

ОИК внесла и определенный позитивный вклад в урегулирование афганской проблемы, предложив конкретный план ее решения /21/. Политическому урегулированию афганского конфликта содействовал и комитет ОИК, сформированный в январе 1980 г. и включивший в себя министров иностранных дел Гвинеи, Ирана, Пакистана, Туниса и Генерального секретаря ОИК.

В целом ОИК чутко реагировала на развитие событий в Афганистане, исходя в своих решениях из принципов неприсоединения. Призывая Советский Союз вывести свои войска из Афганистана, участники ОИК постоянно подчеркивали, что только этот шаг устранил главное препятствие в отношениях между исламскими странами и СССР.

ОИК приветствовала подписание Женевских соглашений по Афганистану, признавая при этом, что основой урегулирования афганского конфликта должно стать создание широкой внутриафганской правительственной коалиции. Таким образом, позиция ОИК по афганской проблеме свидетельствовала не столько об антисоветской направленности этой мусульманской организации, сколько об ее "антиблоковой" позиции. К сожалению, в дальнейшем ОИК утратила какую-либо инициативу в афганском конфликте, не сумела предотвратить кровопролития в этой стране или предложить конструктивную программу по выводу этого мусульманского государства из кризиса.

ОИК высказала свою позицию и по многим другим конфликтам, происходившим в Третьем мире - ирано-иракскому, иракско-кувейтскому, конфликтам на Африканском Роге, в Судане, на Филиппинах и пр. Не осталась эта мусульманская организация равнодушной и к происходящему в бывшем Советском Союзе. Вместе с тем результативность политики ОИК в отношении конфликтных ситуаций в Третьем мире и СНГ может быть оценена как довольно низкая. Одна из причин - различия в социально-политических системах стран-членов ОИК, их внешнеполитической ориентации, неодинаковый подход к мировым проблемам, а также непосредственная или косвенная причастность государств-участниц к существующим межгосударственным спорам и внутренним конфликтам. Другая причина - если так можно выразиться - идеологическая: поддержка идеи мусульманской солидарности, что проявляется в стремлении участников ОИК любой ценой избегать раскола в целях достижения консенсуса. В результате, резолюции и решения, принимаемые ОИК, носят обтекаемый характер, в них отсутствуют принципиальные оценки и конструктивные предложения, необходимые для разрешения конфликтных ситуаций.

Что касается других мусульманских международных организаций, действующих на неправительственном уровне, таких, как Лига исламского мира (ЛИМ), Всемирный исламский конгресс (ВИК), Международная исламская организация и др., то они в еще меньшей степени, чем ОИК, сумели оказать влияние на разрешение конфликтов в странах так называемого мусульманского мира. Их участников разделяют кардинальные разногласия по многим важным проблемам современности, а лозунг

"единства и братства всех мусульман" не способен сблизить их позиции в отношении большинства конфликтных ситуаций.

Несмотря на стремление объединить мусульманский мир, выработать на основе общности религии согласованную позицию по экономическим и политическим проблемам современности, конфликтным ситуациям, международные мусульманские организации полностью своей цели не достигли. Высокая степень их солидарности отмечается лишь при голосовании в ООН по глобальным проблемам (войны и мира, разоружения, экологии и т.п.). Что же касается вопросов, затрагивающих интересы стран традиционного распространения ислама, и в особенности внутренних вооруженных конфликтов, то практически ни по одному из них не удалось достичь согласованной позиции.

Мусульманские государства и их организации стремятся выработать свой собственный, специфический подход к международным проблемам. Их усилия, однако, не вполне реализовались, и они так и не сумели внести конструктивный вклад в их решение. Не превратились международные мусульманские организации, несмотря на все свои притязания, в "третью силу", больше приспособленную к разрешению конфликтных ситуаций, нежели региональные и международные светские организаторы и миротворцы. Солидарность мусульманских стран в рамках их организаций остается в основном чисто символической, не влияющей на практическую политику. На первом месте для каждого государства Третьего мира остаются его жизненные интересы, если речь идет о его безопасности, а не интересы мусульманского сообщества. Влияние мусульманского мира все больше связывается не с деятельностью ОИК, других международных мусульманских организаций, а с активностью светских экономических или политических объединений, таких, как ОПЕК, группа 77, Совет арабского сотрудничества, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Союз арабского Магриба, АСЕАН и др., поскольку они обладают большим удельным весом и влиянием среди стран традиционного распространения ислама прежде всего благодаря нефтяным богатствам или же финансовым возможностям их участников.

Что касается России и других государств СНГ, то здесь попытки религиозных организаций внести свой вклад в разрешение конфликтных ситуаций также не сыграли особой роли. Более того, выявилась огромная зависимость таких организаций либо от властей либо от финансирующих их политических структур. Не способствовали успеху их посреднической деятельности и существующие между ними противоречия, борьба за лидерство и влияние на верующих, а также отсутствие четко проработанной и осмысленной программы. Так, например, в ходе чеченской войны Мусульманский союз России и отколовшийся от него Союз мусульман России, а также ряд карликовых религиозных объединений Северного Кавказа так и не смогли стать "третьей силой", способной принести мир либо оказать давление на конфликтующие стороны с тем, чтобы заставить их сесть за стол переговоров. В таджикском конфликте сложилась аналогичная ситуация: проправительственные организации мусульман даже не осмеливались занять какое-то подобие самостоятельной позиции и действовали в рамках, предложенных официальным Душанбе. А оппозиционные религиозные объединения и их лидеры, оказались вследствие политических репрессий и внутренних междоусобиц лишенными легальных возможностей влиять на политический процесс, способствовать мирному решению конфликта.

Как и в Третьем мире, в СНГ заметно неявное, но все же более действенное, нежели религиозные организации, влияние на разрешение конфликтов разного рода экономических компаний, банковских объединений. Причем, речь идет не только о крупных российских компаниях (Лукойл, Газпром и других), но и о международных монополистических объединениях, таких, как, например, Международный консорциум по переработке Каспийской нефти, сыгравших заметную роль в развитии и завершении конфликта в Чечне и оказывающих воздействие на ход карабахского конфликта. Межтаджикские переговоры и попытки внутриафганского урегулирования также не обходятся без участия Газпрома, Дельты и других компаний. Это не означает, что международные экономические объединения выполняют исключительно позитивную функцию. Да, они действительно заинтересованы в урегулировании конфликтов, ибо предсказуемость и стабильность являются важнейшими гарантиями экономического успеха. Но в то же время российский и международный капитал, внося в политические события соперничающие экономические интересы, нередко усугубляет конфликтную ситуацию, затрудняет поиски мира. Так происходило в Чечне, где спорадические вспышки кровопролития продолжались до тех пор, пока нефтяные компании не пришли к консенсусу. Далеко от завершения и карабахский конфликт, где нефтяные консорциумы никак не поделят сфер влияния и интересов.

Ныне мировым сообществом накоплен богатейший опыт (как позитивный, так и негативный) по урегулированию и разрешению целого ряда вооруженных конфликтов. Многие аспекты такого урегулирования уникальны, они применимы только к определенному случаю. Существуют, однако, в развивающемся мире моменты, которые могли бы быть использованы в существующей практике урегулирования конфликтов в СНГ. Некоторые наиболее примечательные модели международного миротворчества и урегулирования конфликтов заслуживают в связи с этим особого рассмотрения.

5.3. Некоторые модели международного миротворчества и урегулирования конфликтов

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИРОТВОРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ И РЕАКЦИЯ НА НЕЕ В ТРЕТЬЕМ МИРЕ. Кризис в Персидском заливе, вызванный иракской аннексией Кувейта - он был объявлен Ираком его 19-й провинцией, - стал самым серьезным испытанием для мирового сообщества после окончания "холодной войны". Сложность ситуации состояла в том, что здесь в роли агрессора и жертвы выступили два развивающихся государства, члены Лиги арабских государств, Организации исламской конференции и Движения неприсоединения.

Справедливости ради надо признать, что иракско-кувейтский конфликт - не первый и не единственный случай неспровоцированной агрессии одного развивающегося государства против другого. В 70-е годы Ливия, оккупировав часть Чада, объявила захваченные ею территории "географическим и демографическим продолжением Великой Джамахирии". Сомали в 1977 г. напал на Эфиопию, намереваясь присоединить населенный этническими сомалийцами район Огаден, который Могадишо именует Западным Сомали. Сирия, присвоив себе миротворческие функции в Ливане, фактически оккупировала эту страну, независимость которой она, кстати, никогда не признавала. Наконец, Иран и Ирак вели между собой кровопролитную междоусобную борьбу за гегемонию в регионе в ходе войны в Персидском заливе в 1980-1988 гг.

И все же конфликт в Персидском заливе 90-х годов резко отличается от аналогичных ситуаций, возникавших между развивающимися странами в годы "холодной войны". США, защищавшие в Персидском заливе в первую очередь собственные экономические, политические, а главное - нефтяные интересы, сумели быстро организовать под эгидой ООН развертывание сил многонациональной коалиции для проведения направленной против Ирака Операции "Буря в пустыне". Советский Союз, оказавшийся нейтрализованным, вынужден был отказаться от поддержки Багдада, своего многолетнего союзника и партнера. СССР в этот раз впервые не стал выполнять роль стратегического противовеса Западу, и Багдад и симпатизирующие ему радикальные арабские режимы больше не могли извлекать выгоду, играя на противоречиях между сверхдержавами. В ходе кризиса в Персидском заливе мировое сообщество, казалось бы, продемонстрировало способность к быстрым и решительным действиям, а ООН стало превращаться в орган более эффективный, чем во времена "холодной войны": ведь Совету Безопасности ООН удалось тогда квалифицировать действия Ирака как агрессию и задействовать в полном объеме механизм использования вооруженной силы против нарушителя мира, предусмотренный Статьей VII Хартии ООН (Действия в отношении угроз мира и актов агрессии) /22/.

Развивающийся мир события в Персидском заливе застали врасплох. Свидетельство тому - своеобразная "дипломатия молчания" вокруг этой войны, отсутствие каких-либо внятных официальных оценок, серьезные размежевания, широчайший разброс мнений и реакций в арабском мире, а также в остальных регионах Азии, Африки и Латинской Америки. И не удивительно: ведь принципы, на которых базировалась "третьемирская солидарность", больше соответствовали условиям "холодной войны", и большинство развивающихся государств, особенно левых режимов, давно привыкло руководствоваться в своей внешней политике схемой "двухполюсного мира". Развивающийся мир, не приспособившийся еще изменившимся мировым реалиям, встретил кризис в Персидском заливе внутренне ослабленным и расколотым, а его страны оказались, по существу, по разную сторону разных "баррикад".

Война в Персидском заливе - этот первый после "холодной войны" серьезный мировой кризис - вскрыла всю шаткость и уязвимость арабской региональной системы. Она показала, что за фасадом рассуждений об арабском единстве, о сплоченности "арабской нации" скрывались разногласия, раскалывавшие эту систему, свидетельствовавшие об эфемерности идей расовой, национальной, религиозной солидарности. Само понятие "арабский мир" стало выглядеть не более, чем политическая абстракция, поскольку совокупность государств региона Арабского Востока, народы которых говорят на одном языке и исповедуют в основном одну религию - ислам, - была объединена во время кризиса в Персидском заливе лишь "общностью противоречий".

Обращает на себя внимание и еще одна особенность: данный конфликт воспринимался на Арабском Востоке и в других странах Третьего мира иначе, чем в Европе и Северной Америке. Если на Западе диктаторские замашки Хусейна, подавление в Ираке гражданских свобод, прав человека рисовались как самые негативные черты багдадского режима, то для "араба с улицы", да и для большинства правителей арабских и других развивающихся стран все это выглядело не столь уж большим грехом. Захват Ираком Кувейта воплощал в глазах радикалов популистскую идею социального передела. Ее модификацией стал тезис о том, что "интифада против нефтедобывающих государств Персидского залива с целью справедливого распределения богатств" начинает-

ся с аннексии Кувейта - этого "заповедника западной демократии" на арабской земле. Восприятие иракского президента как "объединителя арабской нации", государственного деятеля, способного восстановить ее былую славу и могущество, также объясняет иную, чем на Западе, оценку в арабских странах иракско-кувейтского конфликта. Этому, впрочем, способствовала и умело поставленная пропаганда Багдада: проводилась параллель между объединением двух Германий и "воссоединением Ирака и Кувейта", которое рассматривалось как первый шаг на пути построения "единого общеарабского дома". Подобный демагогический прием немало содействовал тому, что отрицательные черты кувейтской авантюры Багдада как бы отошли в тень.

Присутствие вооруженных сил многонациональной коалиции, ядро которых составили страны Запада, всколыхнуло религиозные чувства арабов, напомнили о тех временах, когда арабские территории становились объектом крестовых походов и колониальных завоеваний. Неприятие образа вооруженного чужеземца и иноверца, ставшая популярной в период кризиса в Персидском заливе идея борьбы с "западным присутствием" заслонила собой все трагические перипетии иракской оккупации Кувейта. Конфликт в Персидском заливе стал восприниматься частью общественности развивающихся стран как вооруженное противостояние "Юга" с "Севером".

Подобные настроения возникли на фоне подозрительного и недоверчивого отношения развивающихся стран к любым инициативам, исходящим от Запада, а тем более от США, которые, как считают в Третьем мире, бесцеремонно навязывают ему свою волю, в том числе и с помощью "подконтрольных Западу механизмов ООН". Сверхдержавам был брошен упрек и в том, что они сами не соблюдают обращенных к Ираку призывов к цивилизованному поведению, следованию принципам международного права (в качестве примеров чаще всего приводились действия США в Гренаде, Панаме, Либерии, а СССР - в Афганистане). В целом все развивающиеся государства признали необходимость поиска путей для обеспечения в регионе долговременной стабильности и взаимной безопасности. Между тем вопрос о том, какими конкретными средствами следует добиваться решения этих проблем, они трактовали по-разному. На начальном этапе конфликта участники ЛАГ попытались выработать согласованную позицию по отношению к иракскому вторжению в Кувейт и по проблеме иностранного вмешательства в события в Персидском заливе. Хотя большая часть арабских государств - членов ЛАГ поддержала законные власти Кувейта и призвала к безоговорочному и безусловному выводу иракских войск, создать единый антииракский блок, а тем более сформировать "коалицию арабских вооруженных сил" для отправки в зону конфликта, что предлагалось в резолюции, принятой чрезвычайным совещанием ЛАГ 10 августа 1990 г., не удалось. Это объясняется неоднородностью политической ориентации арабских государств, несовпадением факторов, определивших их внутреннюю и внешнюю политику.

На антииракской платформе объединились Египет, Марокко, Саудовская Аравия, монархии Персидского залива, придерживавшиеся прозападного курса и отвергавшие концепцию радикального арабского национализма, которую попытался реанимировать Саддам Хусейн. Поддержавшая их Сирия намеревалась использовать кризис в Персидском заливе для устранения с политической арены своего главного соперника - багдадского режима, довести до победного конца свою стратегию в Ливане, вновь выдвинуться на передний край ближневосточной политики с тех "задворков", на которых Дамаск очутился вследствие поддержки Ирана в период ирано-иракской войны.

Противостояние Сирии с Израилем обусловили и другие особенности ее позиции, отличной от египетской и саудовской. Так, при всем своем неприятии багдадского режима Дамаск не склонен был допустить уничтожения военно-промышленного потенциала Ирака. Ведь в случае надобности его можно было бы обратить на пользу общеарабского антиизраильского фронта, о создании которого продолжал мечтать Дамаск.

Саддаму Хусейну удалось расширить круг своих сторонников благодаря умелому политическому маневрированию, точно рассчитанным пропагандистским акциям, отработанным демагогическим приемам. Так, иракский лидер выдвинул инициативу, в соответствии с которой все "случаи оккупации" на Ближнем Востоке должны были рассматриваться согласно принципам Совета Безопасности ООН. "Увязка Хусейна" предусматривала, в частности, "немедленный и безоговорочный уход Израиля с оккупированных территорий в Палестине, Сирии и Ливане; вывод Сирии из Ливана, отход войск из Ирака и Ирана". Начать, по мнению Хусейна, следовало бы с "самого старого случая оккупации" - с Палестины, а завершить "самой недавней" - Кувейтом /23/. Инициатива Саддама встретила понимание в официальных кругах многих развивающихся стран. Иракский президент надеялся также раздуть антивоенные настроения на Западе, воспроизвести на новом историческом витке ливанскую ситуацию 1983-1984 гг. Тогда попытка использовать многонациональные силы для разрешения конфликта закончилась крахом.

Если для некоторых арабских государств принадлежность к общеарабскому лагерю и к миру ислама стали все же определяющими при выборе их позиции в отношении иракской агрессии, то неарабские развивающиеся страны в целом негативно отнеслись к поведению Ирака. Самую решительную позицию заняли крупные государства, региональные "центры силы", являвшиеся либо соседями Ирака, либо его соперниками в борьбе за лидерство в регионе. Конечно же, главным критиком Багдада стал Иран. Его руководители успешно продемонстрировали отточенное еще во времена Хомейни умение сочетать ультрареволюционную риторику с осторожностью и прагматизмом реальной политики. Так, осудив аннексию Кувейта, Тегеран одновременно подверг резкой критике появление американских войск на Аравийском полуострове и в Персидском заливе.

Прикрываясь антиимпериалистической риторикой как надежным и проверенным щитом, иранское руководство сумело извлечь для себя максимальную выгоду из конфликта: в результате ускоренного багдадской стороной восстановления ирано-иракских дипломатических отношений, Иран получил долгожданный мир и передышку, которые он намеревался использовать для восстановления разрушенного войной хозяйства, налаживания политических контактов, наращивания военного потенциала. Ведь Тегеран отнюдь не собирался отказываться от центросиловых устремлений. Помимо Ирана, который никак не может быть причислен к друзьям Ирака, стан врагов Саддама Хусейна усилился за счет других влиятельных мусульманских государств: Турции, Пакистана, Бангладеш.

Итак, кризис в Персидском заливе самым наглядным образом выявил расхождения между мусульманскими государствами, показав, что "арабская", "исламская", "третьемировская" солидарности являются в большей степени недостижимой утопией, идеалом политиков, нежели отражением реально существующих процессов. Позиции большинства государств в отношении этого кризиса, как правило, отражали их нацио-

нальные интересы, а не интересы того или иного регионального, религиозного или международного объединения, в которое они входили.

Международная миротворческая операция, предпринятая мировым сообществом в зоне Персидского залива, и все, что последовало после нее, спустя несколько лет развеяли иллюзии тех, кто уверовал в быструю и безболезненную трансформацию системы международных отношений. Так, ООН вмешалась в конфликт в Персидском заливе во имя защиты территориальной целостности Кувейта, а затем остановилась, так и не решив проблему курдов. Проявившееся в ходе войны в Заливе и в "медовый месяц" новой разрядки взаимодействие СССР и США по вопросам обеспечения международной безопасности не только не получило дальнейшего развития, но и подверглось эрозии ввиду все более явственного несовпадения интересов обеих сверхдержав. Усилия США по созданию нового миропорядка или какой-либо другой универсальной системы международных отношений так и не увенчались успехом.

Багдадский режим, частично оправившийся после войны в Персидском заливе, обрел союзников в теперь уже постсоветской России, возобновил войну с шиитской оппозицией, с курдским повстанческим движением и активизировал свою внешнюю политику, которая не перестала быть экспансионистской. И в этом состоял главный урок итогов международной миротворческой операции в Персидском заливе.

Многосторонние миротворческие операции ООН в Персидском заливе, Камбодже, на Гаити, а также аналогичные действия в ряде других стран Третьего мира, завершились относительным успехом. Почему же провалился сомалийский эксперимент - операция многосторонних сил под командованием США в Сомали, осуществлявшаяся в 1992-1994 гг.? Главная причина, вероятно, состояла в том, что на Сомали механически была перенесена схема, по которой мировое сообщество в Персидском заливе и в других конфликтных зонах принуждало стороны прекратить боевые действия. Хотя этот опыт и был весьма болезнен и для мирового сообщества, и для сомалийцев, и для участвовавших в операции миротворцев, он весьма полезен с точки зрения учета совершенных в ходе его исполнения ошибок.

Итак, поскольку сомалийская миротворческая операция является своего рода моделью того, "как не надо делать", она заслуживает более детального анализа.

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ МНОГОСТОРОННИХ СИЛ В СОМАЛИ.

Операция по установлению мира в Сомали, осуществлявшаяся на основе резолюций Совета Безопасности ООН, является примером действий - хотя и не достигших целей - по принуждению к миру. Основной просчет западных держав, инициировавших ввод в Сомали миротворческого контингента, состоял в том, что они явно не разобрались в хитросплетениях межклановой борьбы в Сомали, не уяснили первопричин конфликта и его сути. А между тем традиционный фактор, личные амбиции "полевых командиров", лидеров "армий" и формирований, ввязавшихся в борьбу за власть, особенности клановой структуры сомалийского общества предопределили в основном причину конфликта и расстановку в нем противоборствующих сил. В этом плане сомалийская конфликтная ситуация чем-то напоминает афганскую, таджикскую и чеченскую.

Сомали - одна из немногих стран Тропической Африки, в которой народ составляет однородную этническую группу, говорящую на одном - сомалийском - языке и исповедующую одну религию - ислам. Вместе с тем кланы играют в сомалийском обществе самостоятельную роль. Для сомалийца принадлежность к тому или иному клану

во многом определяет его жизненный путь, союзников и соперников. Существует в сомалийском обществе и деление на кланы кочевников и оседлых земледельцев, сохраняется соперничество между отдельными регионами страны: Южным Сомали, входившем в состав Британского Сомалиленда в качестве колонии, и Итальянского Сомали, превратившегося после второй мировой войны в подопечную территорию ООН. Сильны в Сомали и позиции сторонников ирредентизма, который вот уже много лет продолжают обыгрывать в политических целях все без исключения сомалийские политики. Дело в том, что вследствие колониального раздела сомалийский народ оказался искусственно расчлененным (часть сомалийцев живет на севере Кении, часть в Джибути, а часть - в Эфиопии, где насчитывается от 1 млн. до 3 млн. сомалийцев/24/). Современное пансомалийское движение в известном смысле вдохновляется исламом, который сыграл важную интегрирующую роль в сомалийском обществе, где уровень политической зрелости чрезвычайно низок.

Сиад Барре, совершивший в 1969 г. военный переворот, попытался объединить сомалийские кланы с помощью общенациональных идей. Это были и концепция социалистической ориентации, и ислам, и ирредентизм, воплощенный в планах объединения всех сомалийцев в рамках Великого Сомали, и даже западная модель демократии. Барре, использовавший диктаторские методы и постоянно прибегавший к тактике "разделяй и властвуй", лишь манипулировал клановой системой, но не свел ее на нет. Более того, Барре, опиравшийся на клан дарод, выходцем которого он сам являлся, только усугубил этнические, клановые и региональные распри после того, как окружил себя людьми из своего клана и тем самым возвысил его перед другими, дав возможность своим соплеменникам получать выгодные государственные должности. Южные кланы считали себя обделенными властью и только ждали случая вступить за нее в борьбу.

По традиции разные сомалийские кланы ориентировались на разных соседей - Эфиопию, Кению, Джибути, Египет, с которыми их связывали исторические, этнические, клановые, религиозные узы. Так, например, исса и хавийя занимали проэфиопские позиции, а дарод - проегипетские. Не удивительно, что в период правления Барре сомалийско-египетские отношения были весьма тесными /25/.

Причина сомалийского конфликта кроется и во внутривнутриполитических проблемах. Несмотря на свое выгодное стратегическое положение (порты на Красном море, потенциальные запасы нефти, которую искали еще советские специалисты и пр.), Сомали - одна из беднейших стран в Африке и в мире. Ее отсталость сомалийские политики объясняют последствиями колониального прошлого. На самом деле она во многом обусловлена проводившимися властями волюнтаристскими, непродуманными экспериментами - сначала псевдосоциалистическим, а затем и псевдодемократическим. Поражение в войне с Эфиопией (1977-1978 гг.) - она, по замыслу Барре, должна была отвлечь внимание населения от бед и экономических тягот, направить недовольство в русло религиозного фанатизма, шовинизма, ненависти к инорелигиозному соседу, - подорвала позиции правящего режима и вдохнула жизнь в клановую борьбу. Она стала особенно кровопролитной и неуправляемой после свержения Сиада Барре летом 1991 г., когда оказался нарушенным хрупкий политический баланс, державшийся во многом отчасти на хитрости, отчасти на жестокости, а отчасти и на харизме сомалийского диктатора.

Сыграло свою роль в развитии конфликта и личное соперничество сомалийских лидеров и "полевых командиров" - представителей различных кланов, претендовавших

на власть. После ухода Барре с политической сцены бывший министр, бизнесмен и лидер свергнувшей Барре военизированной организации Объединенный сомалийский конгресс (ОСК), Али Махди Мохамед, выходец из клана хавийя (подгруппа абгаль), в одностороннем порядке присвоил себе властные полномочия: 29 января 1991 г. он спешно провозгласил себя временным президентом и пообещал в ближайшее время провести в стране демократические выборы. Другая влиятельная политическая фигура - генерал Мохамед Фарах Айдид, также выходец клана хавийя, но из подгруппы хабргебир, возглавил военное командование ОСК и был союзником Махди в борьбе против режима Барре, с которым Айдид имел личные счеты - Барре упрятал в свое время амбициозного Айдид в тюрьму. Генерал не признал полномочий Махди и, направив против него вооруженные отряды Сомалийского национального альянса (СНА), превратился в ключевого "игрока" сомалийского конфликта. Столкновения и бои, развернувшиеся между "армиями" Махди и Айдид, их союзниками и противниками, остальными вооруженными формированиями, ввергли Сомали в состояние анархии, и государственная власть здесь просто перестала существовать. Общий хаос был дополнен и явлением сепаратизма: 17 мая 1991 г. бывший премьер-министр Сомали Мохамед Ибрагим Эгаль в одностороннем порядке провозгласил Республику Сомалиленд на месте бывшего Британского Сомалиленда.

Внешний фактор, причем как африканский, так и международный, только усугубил конфликт. Отношения между государствами северо-восточного региона Африки издавна были осложнены проблемой Нила и борьбой за контроль над его водными ресурсами. В период правления Барре сомалийско-египетские связи стали особенно тесными и в силу клановых симпатий сомалийского лидера, и в силу политического курса Египта, который, опасаясь возможного подвоха со стороны Эфиопии в плане перекрытия ею Нила, сделал ставку на Судан и Сомали. Последние в свою очередь рассматривали Египет в качестве противовеса Эфиопии, с которой они имели и территориальные, и этнические, и политические разногласия.

Египетский политический курс символизировал тогдашний министр иностранных дел Бутрос Бутрос-Гали. Так это или не так, но в Африке считали, что став Генеральным секретарем ООН, Бутрос-Гали не забывал о египетских интересах: давний противник Барре, генерал Айдид был объявлен международным преступником с подачи ООН, которая к тому же поддержала воевавшего против Айдид родственника Барре Мохамеда Саида Херси (известного в Сомали под кличкой "генерал Морган") /26/. Вслед за ОАЕ ООН (заявление Генерального секретаря от 18 декабря 1991 г. /27/) поспешила признать в качестве президента Сомали Али Махди Мохамеда, полномочия которого оспорил Айдид. Следовательно, позиция ООН и в Сомали, и на континенте выглядела далеко небезупречно и небеспристрастно.

Моментом, предопределившим провал миротворческой операции многосторонних сил, стала позиция США, других западных держав, которые легко поддержали "временного президента" Махди только потому, что он предложил более понятный европейскому и американскому менталитету проект восстановления государственности в Сомали - через президентство, выборы, парламент и прочие демократические, ласкающие слух западных политиков, процедуры. Этот бизнесмен выглядел намного предпочтительнее и сговорчивее "фундаменталиста" Айдид, отказавшегося к тому же сдавать оружие и сотрудничать с международными миротворцами. Поддержав "хорошего", "умеренного" Махди, миротворцы бросили все силы на борьбу с Айдидом, которого

обвинили ответственным едва ли не во всех прегрешениях сомалийской междоусобицы.

Между тем Айдид не был столь зловещей фигурой. Он выступал за равноправие кланов (что, возможно, в сомалийских условиях означало лишь обращенный к клану Барре призыв "поделиться властью"), чем снискал себе популярность. Не был генерал и исламским фундаменталистом, хотя и отдавал дань исламской риторике, делая это скорее в целях мобилизации большего числа сторонников. Пристрастность ООН и Запада к противникам Айдиды, развернутая американцами охота на генерала дали обратный эффект: его популярность резко возросла и он приобрел имидж "защитника родины от иностранных интервентов", каковыми стали выглядеть в глазах населения ООН-овские войска, вовлекшиеся в боевые действия на стороне Махди - одной из сторон конфликта /28/.

Ни ОАЕ, ни ЛАГ, членами которых является Сомали, не оказали эффективного воздействия на ситуацию в стране. Но и ООН, решив вмешаться в сомалийский конфликт, с самого начала не определила четких принципов и задач поставленным операциям. Их цель - обеспечение безопасности конвоев с гуманитарной помощью (ЮНОСОМ - 1), разоружение воюющих сторон (ЮНОСОМ -2) - не была выполнена. ООН и возглавлявшие операцию США подошли к сомалийской ситуации с формальных позиций, попытались развязать сомалийский узел, опираясь на европейские формы организации власти (выборы, президентство и т.п.), в то время как этнический, клановый, региональный, религиозный факторы или вообще не принимались во внимание или же им давалась искаженная интерпретация.

Пристрастность ООН, нежелание США и западных стран занять нейтральную позицию в вооруженном споре за власть в Сомали, их отказ от мирных переговоров с целью достижения национального примирения, которое прежде всего имеет смысл гражданского мира - в противовес гражданской войне, ставка на силовое решение запутанных внутренних проблем лишь усугубили ситуацию. Этим и воспользовались воюющие стороны в Сомали, в результате чего страна погрузилась в анархию и насилие, разгул бандитизма. Поддержав "временного президента" Махди и лидеров некоторых военно-политических группировок, ответственных за развязывание конфликта, инициировав "акцию возмездия" против мятежного генерала Айдиды, ООН-овские миротворцы не сумели сохранить заявленный статус беспристрастного посредника. Они проявили себя как заинтересованная сторона конфликта и потому не способны были восстановить мир и стабильность в Сомали.

Руандийский конфликт является другим примером неудавшейся попытки урегулировать силами международного сообщества внутренний конфликт, вызванный межэтнической рознью.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ МЕЖДУНАРОДНОЕ МИРОТВОРЧЕСТВО В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ В РУАНДЕ. Межэтническая война в Руанде, начавшаяся в мае 1994 г. с массового истребления народности тутси (тогда погибло около половины миллиона человек) и распространившаяся постепенно на соседние страны - Бурунди и Заир, поставила мировое сообщество в трудное и щекотливое положение. Нужно было как-то реагировать на массовые нарушения прав человека - резню, погромы, этнические чистки. Огромное число беженцев, изгнанных из Руанды (сначала тутси, потом хуту) в соседние африканские государства, главным образом в

Заир, нуждались в защите и спасении от голода и болезней, грозящих перерасти в эпидемию. ОАЕ, как и во множестве других подобных случаях, слабо реагировать на эти события. Международные организации также тянули с принятием решений и заняли в целом выжидательную позицию: идея международной блокады Руанды так и не была осуществлена; панафриканский миротворческий контингент, который представлялся западным странам более предпочтительным, нежели войска ООН, так и не был сформирован; вопрос об отправке в зону конфликта миротворцев ООН потонул в бесконечных дискуссиях.

Не было единства в международном сообществе и относительно методов урегулирования данного конфликта. Франция активнее всех западных стран выступала за международное военное вмешательство, США же отказывались посылать в Африку своих военнослужащих даже под флагом и эгидой ООН, заявляя, что после неудачной миротворческой операции в Сомали американские войска будут направляться только в "надежные зоны". Имелись и другие нюансы. Руанда, Уганда и Бурунди помогали вооруженным боевикам тутси, нападавшим на лагерь беженцев хуту в Заире. В свою очередь США поддерживали правительство Руанды, а Франция - режим Мобуту в Заире /29/.

Межэтническая война в районе Великих озер, сопровождающаяся попытками перекройки границ с целью создания "этнически чистых" государственных образований, поведение мирового сообщества, так и не решившегося на военное вмешательство в конфликт для прекращения кровопролития, являют собой некую новую модель, по которой могут развиваться конфликты в полиэтнических обществах Третьего мира. Отдельные детали этой модели могут быть спроецированы на аналогичные ситуации на Юге СНГ. Но конечно же в руандийском конфликте есть специфика, без учета которой трудно давать оценки и международному посредничеству, и результативности гуманитарных миротворческих операций, и попыткам силового давления на воюющие стороны, словом, всему комплексу мероприятий, связанному с попытками урегулировать данный конфликт. Начнем с его природы и основных характеристик.

Существует устоявшийся стереотип, в соответствии с которым межэтнический конфликт в районе Великих озер вызван иррациональной вековой враждой двух народностей - земледельцев хуту и скотоводов тутси. Между тем специалисты-этнографы дают понять, что особой разницы между этими двумя народами не существует. К тому же и те, и другие говорят на одном языке и исповедуют по преимуществу одну религию - христианство. Вину же за этническую вражду склонны теперь перекладывать на европейцев, а точнее на бельгийцев: утвердившиеся с 1946 г. в Руанде, бывшей до того колонией Германии, они начали готовить эту подмандатную территорию к деколонизации, развивая у "обиженных", занимавших по сравнению с тутси более низкий социальный статус хуту "национальное самосознание". В конце 50-х гг. в Руанде прошли "демократические выборы", на которых хуту, преобладавшие в численном отношении, естественно, победили и начали выметать с государственных постов тутси, до того монополюльно управлявших страной. "Этнические чистки" 1959, 1963, 1973 гг. привели к тому, что свыше 1 миллиона тутси были выдавлены из Руанды и осели в соседних Бурунди, Уганде, Заире и Танзании. С 1990 г. военная организация тутси Патриотический фронт Руанды, обосновавшаяся в приграничных с Угандой районах, начала вести партизанскую борьбу. С тех пор этническая междоусобица в Руанде не затихает.

Но она вызвана не только действиями боевиков. Огромное значение сыграл демографический взрыв (темпы прироста населения в Руанде - 4 процента - самые высокие в мире), создавший этнический дисбаланс, который был решен традиционным для Тропической Африки способом - физическим уничтожением представителей соперничающей этнической группы - сначала тутси, потом хуту. Нехватка земли и продовольствия ввиду перенаселения также стимулировали этнический конфликт, что некоторым образом сближает его сходство с конфликтами-бунтами в Центральной Азии - из-за земли, воды, продовольствия. Но в отличие от Центральной Азии, где конфликты, за исключением таджикского, были локализованы и ограничились лишь "незначительным" по масштабам региона кровопролитием, руандийский конфликт выплеснулся за границы страны и приобрел региональное измерение. В нем в 1996-97 гг. оказались задействованы армии Заира, Бурунди, Уганды, а на востоке Заира - в Северном и Южном Киву возникла угроза сепаратизма.

Анализируя этот конфликт - Бутрос-Гали назвал его "региональной войной этнического характера" /30/, - некоторые исследователи приходят к выводу о том, что международное вмешательство лишь ухудшило ситуацию, поскольку переговоры велись международными посредниками с экстремистами, а само урегулирование конфликта осуществлялось на фоне скрытой борьбы англосаксонского мира во главе с США и франкоязычной Европы, которая попыталась использовать этническую войну в Руанде, для того, чтобы сохранить и расширить свое влияние на африканском континенте /31/. Наблюдатели констатировали фиаско международной "гуманитарной дипломатии": большинство гуманитарных грузов попало в руки боевиков, а в лагерях беженцев царили коррупция и отсутствовал элементарный порядок. ООН была обвинена в беспомощности и крайней неэффективности: одно из последних решений Совета Безопасности, принятое в разгар боев на востоке Заира между повстанцами тутси и правительственной армией Заира, санкционировало создание многонационального контингента (Резолюция СБ ООН N 1080 от 16 ноября 1996 г.), но так и не было реализовано. В конце 1996 г. СБ заявил о прекращении так и не начавшейся миротворческой операции, поскольку необходимость в ней отпала: власти Руанды предоставили беженцам-хуту из заирских лагерей для перемещенных лиц возможность беспрепятственного возвращения на родину.

Но на самом деле международные организации и западные политики мало что могут сделать в конфликтах наподобие сомалийского, руандийского или заирского. Ведь эти конфликты происходят в живущих по собственным, архаичным законам обществах, раздираемых трибализмом и этническим соперничеством. Европейские формы организации власти оказываются неприемлемыми и ведут только к вспышкам этнической розни. Так, например, попытки добиться в Руанде мира при помощи проведения всеобщих и демократических выборов - способ, сработавший в других ситуациях (Северная Ирландия, Чечня, Филиппины), - каждый раз приводит к победе этническое большинство - хуту, которые немедленно приступают к "окончательному решению национального вопроса" старым африканским способом - резней и изгнаниями своих соперников - тутси. Следовательно, ни ООН, ни другая международная организация, ни "цивилизованные миротворцы" не способны методами традиционного миротворчества, превентивной дипломатии, насаждения мира силой подорвать этническую доминанту существующего противостояния, предотвратить в будущем вспышку конфликтов.

Международное вмешательство в межэтническую войну в рассматриваемом регионе Африки - по традиционной схеме, обкатанной в некоторых других странах Третьего мира, - было бы здесь неэффективным, ввиду хаоса и отсутствия партнеров по переговорам. Одна из конфликтующих сторон - Патриотический фронт Руанды - наотрез отказывалась от миротворчества извне и выдвигала в качестве предварительных условий роспуск и разоружение вооруженных формирований противника, что было нереально. Вмешайся международный контингент во внутреннюю междуусобицу в Руанде в тот период, результат был бы столь же плачевен, как и в Сомали. Более предпочтительной в этой ситуации выглядела позиция США, затягивавшего военное вторжение в конфликтную зону и предпочитавшего действовать методом угрозы применения силы, что в конечном итоге, и сработало: конфликт был приостановлен и беженцы стали в массовом порядке возвращаться в места их проживания.

ФИЛИППИНСКАЯ МОДЕЛЬ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА. Модель урегулирования конфликта на Филиппинах имеет огромную ценность для мирового сообщества, Третьего мира и Юга СНГ. Этот конфликт, происходивший на периферии Третьего мира и не привлекавший к себе особого внимания мировой общественности, отравлял ситуацию в самой стране и в регионе в целом. Кроме того, подобные вялотекущие конфликты имеют тенденцию перерастать в региональные, порождать экстремизм и терроризм, создавать проблему беженцев, словом, бросать вызовы международной безопасности.

Обладая огромной спецификой, филиппинский конфликт одновременно во многом напоминает аналогичные конфликтные ситуации, порожденные сепаратистскими движениями и окрашенные в этно-религиозные тона - в Третьем мире, в Европе, а теперь и в бывшем Советском Союзе. Уникальность филиппинской ситуации состоит, однако, в том, что этот длительный и, как порой казалось многим, неразрешимый конфликт удалось завершить /32/.

Конфликт на Филиппинах складывался из многих составных. Начиная с 1969 года, параллельно с вооруженной конфронтацией, носившей чисто светский характер, - между правительственными войсками и повстанческими силами "коммунистической" Новой народной армии и ее политическим крылом Национальным демократическим фронтом, - на юге Филиппин, то вспыхивая, то затихая, длилось восстание мусульман-моро. В основе его лежало столкновение культур и религий, вызванное нежеланием мусульманских меньшинств страны интегрироваться в государство, где большинство населения составляли католики.

Исторические судьбы мусульман-моро - этим названием обозначают несколько народностей, живущих на юге Филиппин, - складывались иначе, чем у их соотечественников-христиан: ислам и особенности мусульманской культуры обусловили многие черты духовной жизни моро, их общественных организаций, материальной культуры. То обстоятельство, что большая часть моро не считала себя филиппинцами, представителями складывавшейся филиппинской нации, создавало питательную почву для сепаратистских настроений, подогреваемых религиозной аргументацией. На это стремление моро отстаивать свою культурную и религиозную идентичность, свое "право на отличие" от остальных, христианизированных народов страны накладывались и другие противоречия. Одни были вызваны политикой "центра", не уделявшего должного внимания "окраинным" народам южных провинций и в чем-то ущемлявшего их права, дру-

гие - обострением проблемы землепользования как следствия поощряемой Манилой миграции христиан в "земли моро", третьи - искусственно разжигались политиками, религиозными фанатиками, местными богатыми землевладельцами, манипулировавшими в своих интересах настроениями мусульманских масс /33/.

Восстание на Филиппинах шло по восходящей линии до середины 70-х годов, когда повстанцы-моро объединились на базе антиправительственной платформы под эгидой Фронта национального освобождения моро (ФНОМ). Эта организация выступила с идеей свержения "ига филиппинского колониализма", отделения от Филиппин мусульманских районов и создания независимого исламского государства "Республики Бангсаморо" ("бангса" - нация, страна). Эта идея на какое-то время привлекла в ряды повстанцев ФНОМ значительное число сторонников, придала духовный импульс политическому и общественному движению, ориентирующемуся не на филиппинскую государственную общность, а на мир ислама. Но преодолеть этнические, языковые, клановые, социальные различия между вовлеченными в конфликт народностями религия так и не смогла. Отнюдь не все моро разделяли призыв повстанцев "сбросить иго христианских правителей Манилы", поскольку хозяйничанье местных, единоверных латифундистов, стремившихся распоряжаться земельной собственностью бесконтрольно, наносило крестьянам-моро куда больший ущерб, нежели действия центрального правительства. Да и в самом ФНОМ идея независимого исламского государства не получила единодушного одобрения: часть "умеренных" в рядах этой организации стали выступать с требованием предоставления моро автономии в рамках Филиппинской республики. Внутренние разногласия в повстанческом движении привели затем к появлению новых вооруженных формирований.

К концу 80-х годов раскол в повстанческом движении моро в сочетании с умелым маневрированием Манилы и миротворческими усилиями государств АСЕАН создают новую ситуацию: боевые действия затухают и открывается путь к мирному исходу конфликта. Отказ ФНОМ от лозунгов вооруженной борьбы за создание собственного независимого государства на юге Филиппин, переход фронта на умеренные позиции, согласие его лидеров - в соответствии с Триполийским соглашением, подписанным 23 декабря 1976 г., на создание автономии в рамках Филиппинской республики - все это позволило Маниле в 1993 г. начать с повстанцами моро мирный диалог, а затем при посредничестве Индонезии довести переговорный процесс до мирного соглашения. Оно было заключено 2 сентября 1996 г. в Маниле между президентом Фиделем Рамосом и лидером ФНОМ Нур Мисуари.

Согласно мирному договору, повстанцы-моро отказались от лозунга независимости и получили в обмен широкую автономию. Мирный договор предусматривает /34/:

- 1) Создание на юге Филиппин в 14 провинциях и девяти больших городах на острове Минданао и прилегающих островах Совета мира и развития юга Филиппин, большинство в котором составят представители НФОМ.

- 2) Проведение Советом в 1998 г. референдума о предоставлении этим провинциям автономии.

- 3) Введение в тех провинциях, которые проголосуют за автономию, исламского законодательства, основанного на шариате, а также системы народного образования и просвещения, построенных на исламских принципах (с оговоркой, что остаются воз-

возможности для добровольного выбора между мусульманскими и христианскими школами).

4) Создание на юге Филиппин независимой налоговой системы.

5) Делегирование лидерами ФНОМ "центру" всех вопросов, касающихся внешней политики и обороны.

6) Включение мусульманских боевиков (общей численностью в 5750 человек) в состав филиппинских вооруженных сил, а также (1750 бойцов) - в создаваемые на юге архипелага структуры безопасности - полицейские соединения. Предусмотрена также "добровольная" сдача оружия бойцами ФНОМ.

Далеко не все на Филиппинах поддержали мирный договор. И среди мусульманских повстанцев, и в католической среде имеются экстремисты, не признающие перемирия. Некоторые радикальные группировки, такие как, например, Фронт исламского освобождения моро, возглавляемый Хашимом Саламатом, намерены продолжать гражданскую войну и добиваться независимости. Решительно настроены и многие католические священники, которые считают, что Рамос предал христиан Филиппин, составляющих подавляющее большинство населения страны, тем, что он передал сепаратистам слишком много власти /35/.

Но не только политические проблемы омрачают мирное соглашение. Экономика юга, менее развитого по сравнению с остальной частью Филиппин, требует решительного государственного вмешательства и реформирования. Не решен вопрос о многочисленных беженцах, нашедших убежище на острове Калимантан в малайзийском штате Сабах. И все же заключенное соглашение дает больше оснований для оптимизма, нежели для тревог в отношении будущего мирного процесса на Филиппинах.

ВЫВОДЫ.

Следующие просчеты, допущенные в ходе миротворческой операции в Сомали, можно было бы учесть при проведении аналогичных мероприятий в СНГ (речь, разумеется, не идет об обязательном подключении к этому процессу ООН или каких-либо других международных организаций):

Во-первых, не было проведено тщательного предварительного исследования обстоятельств, послуживших причиной конфликта. Не было учтено в полной мере важности клановых институтов, особенностей менталитета местных обществ, роли в них племенных и религиозных авторитетов и старейшин, воздействия традиционного фактора на межгосударственные отношения в регионе.

Во-вторых, принятие решения о проведении операции по принуждению к миру силой и введении под эгидой ООН миротворческого контингента не было предварено "промежуточным" миротворчеством сил ОАЕ или ЛАГ.

В-третьих, решение о разоружении воюющих группировок, не могло увенчаться успехом, поскольку миротворцы ООН предварительно не заручились согласием враждующих фракций на добровольную сдачу оружия.

В-четвертых, случайный подбор участников миротворческого контингента и включение в его число представителей стран, где не соблюдаются права человека и нарушается закон (например, в многонациональные силы, направляемые в Сомали, были включены пакистанцы), не способствовало эффективному выполнению возложенных на миротворцев задач по наведению порядка и защите мирного населения от вооруженного насилия.

В-пятых, неопределенность сроков пребывания миротворческого контингента, его "подвешенное" состояние не устрасило полевых командиров, а только побудило их к более активным действиям, поскольку симпатии населения часто оказывались на их стороне, а миротворцев воспринимали как интервентов и оккупантов.

В-пятых, кровавые этнические распри в Сомали и Руанде, реакция мирового общества на эти события выявили относительно новую деталь в стратегии США и Запада в отношении находящихся на периферии мировой цивилизации "неудавшихся государств", тех беднейших стран Третьего мира, которые превратились в "деклассированный элемент нового миропорядка". В целом ее можно охарактеризовать как "усталость от кризисов" (определение Л.Фридмена /37/, отказ от ответственности за происходящие там события. Схожей тактики Запад придерживается не только в отношении этнических войн в Тропической Африке, но и применительно к афганскому конфликту, этническим и гражданским междоусобицам и войнам на Юге СНГ.

Из филиппинской модели урегулирования конфликтов можно извлечь следующие уроки.

1. Испробовав военно-силовые методы подавления сепаратизма, Манила основной упор сделала на политико-дипломатические и экономические формы, широко действовала переговорный процесс. Большое значение для исхода переговоров имела избранная "центром" тактика - ставка на умеренные силы в повстанческом движении. В результате, сохранив "лицо" и пойдя на незначительные уступки повстанцам, центр сумел постепенно достичь главного - убедить умеренных лидеров оппозиции в необходимости заключить мирное соглашение, мобилизовать в его поддержку основную массу населения мятежных провинций, сохранить территориальную целостность государства, предоставив возможность национальному и религиозному меньшинству развивать свою культурную автономию.

2. Хотя конфликт на Филиппинах, как и любой другой внутренний конфликт такого рода, уникален и по многим параметрам несопоставим с аналогичными сепаратистскими движениями в Третьем мире, не говоря уж о явлениях этносепаратизма на Кавказе, модель заключенного в этой стране мирного договора, его слабые и сильные стороны вполне могут быть учтены в переговорных процессах и при выработке мирных соглашений между враждующими сторонами в этно-конфессиональных конфликтах. Тем более, что существует не так уж много примеров мирного исхода подобных конфликтов.

3. Филиппинская модель урегулирования конфликта имеет преимущества по сравнению с российским вариантом решения чеченской проблемы. Несмотря на то, что в России войну в Чечне назвали "принуждением к миру силой", ничего общего с этим методом действия Российской Армии в мятежной автономии не имели, потому что в ходе совершенной Москвой операции совершалось целенаправленное и ширококомандное уничтожение с помощью бомб, мин, авиации и другой современной техники мирного населения и гражданских объектов в Чечне, что строгойше запрещено целым рядом международных конвенций /36/.

4. Проведенный Россией в Чечне эксперимент с вышеуказанным методом можно считать неудачным еще и потому, что он не достиг ни военных, ни политических целей: чеченские сепаратисты фактически одержали над регулярной российской армией военную победу, поскольку Москва вынуждена была вывести из Чечни свои воинские подразделения и отказаться от своего военного присутствия на этой части россий-

ской территории, которую она все еще считает своей. Хасавюртовские соглашения, благодаря которым война в Чечне была остановлена, хотя и были развиты дальнейшими переговорами, делают отношения России и Республики Ичкерия весьма неопределенными. Россия не реализовала главной задачи - она не покончила с сепаратизмом в Чечне и на Северном Кавказе. В то же время руководство самопровозглашенной Республики Ичкерия добилось своей цели: "отложенный статус", предусмотренный Хасавюртовскими соглашениями, фактически легализует процесс выхода республики из состава России. Вряд ли подобная ситуация скажется благотворным образом на укреплении российской государственности в северокавказских автономиях.

5. Поскольку миротворческие силы под мандатом ООН не могут быстро и эффективно гасить этнические пожары и войны, натовскими стратегами все активнее популяризируются отдельные моменты дейтоновской модели миротворчества - действия по обмену территориями, (что фактически легализует этнические чистки); создание моноэтнических зон; бессрочное пребывание союзнических войск в качестве "гаранта" безопасности и пр. Однако эта модель, которая была успешно обкатана в бывшей Югославии, едва ли может стать "универсальным" средством решения большинства спорных вопросов. В самой бывшей Югославии будущее мирного процесса еще не столь очевидно, поскольку этническая и религиозная рознь продолжают оставаться здесь одним из главных факторов общественной жизни. Дейтоновская модель к тому же едва ли применима к большинству конфликтных ситуаций в Третьем мире и в Содружестве, поскольку это неизбежно потребует пересмотра ряда международных норм, зафиксированных в Уставе ООН, Заключительном Акте СБСЕ, других документах, предусматривающих незыблемость границ и защиту территориальной целостности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Исследование религиозных и этнических аспектов конфликтов в Третьем мире и на Юге Содружества в одной связке доказывает справедливость выдвинутого автором предположения о том, что конфликтность зарождается не в международной сфере, она не является следствием "заговоров" внешних сил. Большая часть конфликтов, происходящих в Третьем мире и на Юге Содружества, носит характер государствообразующих. Такие конфликты генерируются религиозными, клановыми, этническими противоречиями и предрассудками, переплетающимися с меняющимися интересами и ценностями элит, амбициями политиков, мессианскими притязаниями некоторых региональных держав, словом, с целым комплексом внутренних причин, обусловленных сохранением в Третьем мире и на Юге Содружества культурно-цивилизационных традиций незападного типа. Многие сложившиеся в эпоху "холодной войны" оценки угроз в сфере безопасности, взгляды на генезис и динамику конфликтов требуют переосмысления, новых подходов, которые соответствовали бы постсоветским реалиям и изменившемуся геополитическому раскладу сил в мире.

Рассмотрение конфликтов в развивающихся странах и на постсоветском Юге в одной связке помогает выявить, в какой мере вызовы и угрозы, исходящие от каждой из этих двух геополитических величин сказываются друг на друге, а также и на России при том, что динамика каждой конфликтной ситуации обуславливается в первую очередь ее собственными внутренними факторами и процессами. Такая трактовка кон-

фликтов может послужить основой для нового направления исследования современных конфликтов, когда динамика их развития прослеживается не как следствие навязанных извне экономических, политических, идеологических целей, а через взаимосвязь и борьбу различных интересов и сил.

Автор видит следующие уроки, которые могла бы извлечь Россия из прошлых конфликтных ситуаций в Третьем мире и на Юге Содружества, а также из существующего опыта их разрешений:

1. В развивающихся странах Азии и Африки, на Юге СНГ религия и этнонационализм остаются активной силой, воздействующей на идейно-политическую жизнь общества, на всю атмосферу политической борьбы, а в ряде случаев и на состояние межгосударственных отношений. Эти реально существующие и долгосрочные факторы, которые, независимо от темпов, характера, ориентации этих стран, будут и впредь накладывать отпечаток на общественно-политические процессы.

Этнический национализм и религия не только сохраняют свое общественное значение, но и обретают особое звучание в новой геополитической стратегии. Эти факторы знаменуют собой не просто выражение приверженности родине, этносу, языку, культуре, религии, а создание иерархии ценностей, в которых идея этнической или религиозной общности возвышается над базовыми принципами либеральной демократии с ее главной ценностью - правами индивидуума.

2. Модернизация развивающихся обществ, рыночные реформы не становятся панацеей от нестабильности, они не ограждают их от возникновения конфликтов на этнической или религиозной почве. Этнический национализм обладает огромной властью и непредсказуемостью, а его источники многообразны. К тому же мировое сообщество так и не нашло альтернативы "миру наций", что открывает широкие возможности для дробления уже существующих государств на более мелкие, "этнически чистые" образования. Этническая идея же все еще сильна в обществах переходного типа, какими являются развивающиеся страны Азии и Африки и новые независимые государства Содружества.

3. Тенденция современной политической жизни такова, что если внутри страны религиозный и этнический факторы могут еще определять развитие событий, то на уровне межгосударственных отношений верх берут соображения национальной безопасности той или иной страны, а не солидарность на религиозной или этнической основе. Именно поэтому, несмотря на то, что пока многие из внутренних конфликтов в развивающихся государствах Азии и Африки, ряде постсоветских республик Юга СНГ не погашены, их по большей части удается локализовать и они не разрастаются, как во времена биполярного противостояния, до масштабов региональных войн.

Наиболее эффективный путь к достижению безопасности лежит не в проявлении солидарности с находящимися за пределами государства родственными народами и этносами либо "братьями по вере", а в области нормализации традиционных межгосударственных контактов, а также достижения доверия и равноправия между государствами одного региона.

4. Снижению напряженности в отношениях между представителями различных этносов и конфессий внутри государства (но не исчезновению этно-конфессиональных предубеждений, неприязней и розни!) способствуют: последовательно проводимые экономические реформы; формирование среднего класса, кровно заинтересованного в стабильности; укрепление в обществе базовых принципов и ценностей демократии;

проведение политики, сочетающей курс на формирование гражданского (открытого) общества с развитием национальных культур, восстановлением национального достоинства.

5. Южные регионы Содружества сохраняют достаточно высокую степень конфликтного потенциала. Создание здесь действенной системы коллективной безопасности сопряжено с серьезными трудностями, вызванными противоречиями между новыми независимыми государствами - из-за спорных территорий, сепаратистских движений, проблем разделенных народов, центросиловых устремлений отдельных государств. Осложнены межгосударственные отношения и конкурентной борьбой за контроль над водными и природными ресурсами, военной и промышленной собственностью, маршрутами прохождения жизненно важных энергоносителей, и многим другим. Серьезным препятствием для достижения региональной безопасности на Юге Содружества является и слабый военно-экономический потенциал государств этого региона, не позволяющий им развивать институты национальной или коллективной безопасности. Дестабилизирующее воздействие на политическую ситуацию на Юге СНГ оказывает и разворачивающаяся борьба за перераспределение сфер влияния на Кавказе и в Центральной Азии между Россией, США, западноевропейскими странами, региональными державами Азии, международными компаниями и корпорациями. Эта борьба способна также осложнить самостоятельный выход государств региона на мировой экономический рынок.

6. В будущем и в развивающемся мире, и на Юге Содружества наиболее вероятными станут не межгосударственные конфликты - хотя возможность их возникновения тоже нельзя исключить, - а внутренние конфликты, связанные с противостояниями государства и этнических меньшинств, разворачивающихся автономистские, сепаратистские либо ирредентистские (объединительные) движения с целью создания "своего", национального (желательно этнически чистого) государства. Другими источниками внутренних конфликтов являются: стремление правящих элит (чаще всего при опоре на людей своего клана, племени, этноса или единоверцев) укрепить свою легитимность, смести с политической арены противников и оппозиционеров, также готовых опереться на традиционные структуры; борьба интересов; сохраняющееся влияние военно-промышленного комплекса, который сам жизненно заинтересован в росте военных расходов, ибо это является для него основным источником функционирования, а также средством воздействия на политиков, полагающих, что военная мощь государства - главное условие защиты его безопасности, целостности и суверенитета; доступность оружия, наличие внешних источников его поступления.

7. Конкретный механизм урегулирования внутренних и межгосударственных конфликтов должен в каждом конкретном случае учитывать предпосылки, мотивы, побудительные импульсы вовлеченных сторон, их психологию и поведение, обусловленные местными культурой и традициями. В раздираемом этническим и клановым соперничеством обществе трудно добиться мира, если посредники и миротворцы не будут занимать нейтральную, равноудаленную от всех враждующих группировок позицию, избегая блокирования с политическими, этническими или военными фракциями, группами, кланами и тем более - силового вовлечения в вооруженное противоборство на стороне одной из конфликтующих сторон. В то же время выявление умеренных лидеров и группировок, "работа" с ними помогают иногда установить контроль над конфликтом, снизить его интенсивность и привести враждующие стороны к перемирию, а

затем и к разрешению конфликта. Важно также перехватить конфликт в самом начале, попытаться добиться согласия на переговоры, не допустить эскалации насилия, а тем более его бесконечного поддержания в ожидании всеобъемлющего урегулирования.

8. Опыт многих конфликтов Третьего мира свидетельствует о том, как сложно, а порой и просто невозможно разрешать существующие здесь этно-конфессиональные противоречия с помощью западных цивилизационных схем - "прививок демократии", внедрения европейских форм парламентаризма и организации власти. Не всегда применимы здесь методы международного миротворчества. Это свидетельствует о том, что оптимальных средств для урегулирования и разрешения этнополитических и религиозных конфликтов мировой практикой не найдены. Совместное проживание этносов, один из которых является господствующим, как это имеет место в руандийской ситуации, требует особой, неевропейской формы организации власти, и потому одним из путей разрешения конфликтов, вызванных противоречиями, наподобие руандийского, может стать проведение выборов либо плебисцитов на основе деления общества на курии, цеха, сословия, профессиональные группы с тем, чтобы этническое большинство автоматически и вполне "демократическим" путем не установило свою гегемонию.

9. В современных условиях большинство конфликтов порождено жестким следованием принципу нерушимости границ, проведенных, как это было в Тропической Африке, условно и без учета интересов различных этносов и племен, оказывавшихся в результате подобных разделов разделенными, как это произошло с сомалийцами, или в неравном положении по сравнению с другими, более многочисленными и инорелигиозными этносами, как это произошло в Заире или на Филиппинах. В конфликтах в бывшей Югославии и в постсоветском пространстве малоэффективными оказались попытки официальных властей "наказать" собственных сепаратистов в "мятежных" республиках, а тем более заставить их капитулировать силой, вернуться к довоенному статусу после вспышек насилия, этнических чисток, многочисленных жертв и пролитой крови, порождающих взаимную эскалацию ненависти. В этих условиях, чтобы избежать новой эскалации насилия, предотвратить вспышки этнических междоусобиц, возможно, целесообразней было бы в ряде случаев закрепить результаты этнических чисток, дать возможность компактно проживающим этносам развивать свою государственность, но разумеется, без ущерба другим.

10. Опыт военного вовлечения великих держав во внутренние конфликты с целью их предупреждения или контролирования свидетельствует о малой эффективности такого рода действий. Само военное вторжение или тщательно спланированная операция по устранению неудобного режима совершается относительно просто, силами незначительного воинского контингента (именно так произошло в Афганистане, когда был взят дворец Амина, так было и в Ливане, куда США направили в 1983 г. мобильный отряд морских пехотинцев, или когда Израиль вторгся в Ливан в 1982 г.). Но создание после этого стабильного режима, пользующегося доверием большинства населения и способного положить конец внутренней фракционной борьбе, - задача намного сложнее. Справиться с ней на Востоке не сумела практически ни одна великая или региональная держава.

В наши дни территориальная экспансия становится все более невыгодной и все менее эффективной с точки зрения военных, финансовых и материальных затрат, не говоря уже о ее экономическом и политическом аспектах. В условиях роста в глобальном масштабе экономического взаимодействия и взаимозависимости, а также по мере

усиления регионального сотрудничества, военно-политическое и силовое принуждение одного государства другим не приносит тех выгод, к которым может привести развитие добрососедских отношений. Альтернативой межгосударственному конфликту в современных условиях служит и ситуация, при которой созданы условия для мирного экономического принуждения, включая и реализацию неокOLONиальной модели.

11. Недостаточно исчерпаны еще возможности региональных межгосударственных организаций и таких международных форумов, как ООН, ОБСЕ, Совет Европы и других, в основу деятельности которых положен принцип решения спорных вопросов мирным путем, с помощью переговоров и посредничества. Что касается международных религиозных организаций, то они вряд ли способны будут оказать эффективное воздействие на достижение региональной и международной безопасности. Тем более беспомощны они перед лицом внутренних споров и конфликтов, поскольку религиозным организациям так и не удалось создать достаточно авторитетного, надежного и действенного механизма разрешения такого рода конфликтов, и потому влияние на реальную политику Организации исламской конференции, других межгосударственных исламских объединений остается чисто символическим. Как показывает опыт, приоритетными для каждого государства являются его жизненные национальные интересы, а не солидарность на религиозной основе.

12. В полиэтнических обществах бывшего СССР процессы суверенизации не только не привели к исчезновению этнических и религиозных противоречий, но и способствовали их разжиганию. Новые независимые государства Юга СНГ не определились еще окончательно со своими политическими приоритетами. Как и в большинстве развивающихся стран, создаваемые здесь политические системы весьма далеки от демократических западных моделей, а структура власти государств, прошедших через этнические конфликты, становится все более ориентированной на определенного лидера, ставшего победителем в борьбе групп, кланов, интересов. Потребуется время для того, чтобы общества в постсоветских республиках Закавказья и Центральной Азии "самоорганизовались" изнутри, а в государствах, охваченных конфликтами, и противостоящие стороны, и посредники, наконец-то, решили, что для них важнее - достижение мира или утверждение собственных институтов и интересов.

Следующие выводы могут учтены при выработке политики России в отношении конфликтов:

1. Россия недостаточно широко опробовала и задействовала в кризисных зонах Юга Содружества и в Третьем мире невоенные методы - превентивной дипломатии, контролирования конфликтов, посредничества. По-прежнему преимущество отдается военно-силовым методам: военным поставкам в зоны конфликтов, продаже оружия противостоящим сторонам, военной помощи, военному присутствию, прямому вмешательству вооруженных сил в боевые действия. Нередко в российской политике стирается грань между операциями, нацеленными на установление мира, и военным вмешательством.

2. Военное обеспечение российской политики в конфликтных зонах, превращение России в ударную силу в урегулировании конфликтов пока еще нельзя признать удачным. Причина заключается во внутренних проблемах армии России, ее нереструктурированности. Ее воинские соединения, получившие официальное наименование миротворческих, не имеют ничего общего с "голубыми касками" ООН. В отличие от последних, которые формируются из специально обученных и отобранных военных, дей-

ствующих как профессионалы, российские "миротворцы" не имеют соответствующего материального обеспечения. Они несут на себе родовую печать Советских вооруженных сил, руководствуются во многом устаревшей военной доктриной, не учитывающей изменений, происшедших в мире, новой расстановки сил на территории бывшего СССР и того факта, что независимые государства СНГ являются такими же субъектами международного права, как и Россия.

3. Военное присутствие, которое лишь фиксирует факт пребывания российских воинских подразделений за пределами своей страны, не обеспечивает Москве соответствующего политического и экономического влияния в "ближнем зарубежье". Приоритет, отдаваемый военно-силовым методам, также не приносит особых дивидендов России: хотя военный потенциал новых независимых государств несопоставим с российским, многие проблемы, порождаемые конфликтами, не могут быть решены силой оружия, а требуют гибкого сочетания дипломатических и силовых мер.

4. Конфликты на Юге СНГ и в Третьем мире нуждаются дифференциации по степени их соотношения с экономическими и политическими интересами России, как внешними, так и внутренними, с проблемами ее безопасности и территориальной целостности. Соответственно необходима корректировка курса России в отношении этих конфликтов в плане вычленения в них первостепенных и второстепенных, затрагивающих интересы России лишь потенциально.

5. К первой категории относятся конфликты на Северном Кавказе, который сам по себе является зоной повышенной конфликтности. Этот регион, плохо интегрируясь в современное экономическое развитие и требуя огромных финансовых вливаний, сохраняет важное стратегическое значение для России. Гасить в нем межэтнические и религиозные споры Россия может только с помощью экономических и политических рычагов, поскольку, как показал опыт чеченской войны, военные методы усиливают позиции сторонников сепаратизма и экстремизма, создают основу для сближения различных народов этого региона на антироссийской основе.

Параллельно с выявлением и локализацией очагов потенциальных межэтнических, религиозных и прочих конфликтов на Северном Кавказе необходимы активные усилия по разблокированию "замороженных" конфликтов - в Пригородном районе Северной Осетии, в первую очередь. Став нейтральным, но действенным арбитром существующих споров и противоречий в этом очень сложном регионе, прибегая к методам экономического или политического давления, России удастся поддерживать здесь приемлемый уровень стабильности, сохранять контроль над ситуацией.

6. Ко второй категории - конфликтов, затрагивающих интересы России потенциально, - относятся конфликты в Закавказье и Таджикистане. При подходе к ним России необходимо тщательнее учитывать собственные потребности и возможности с тем, чтобы избежать ситуации, в которой оказался Советский Союз, вступив во внутриафганский конфликт на стороне одной из противоборствующих сил. Что касается конфликтов в Третьем мире, то здесь для выработки политики России по отношению к ним, целесообразно было бы учитывать такой важный критерий, как значимость стран, где происходят конфликты (географическая сопредельность, экономические связи и интересы, стратегическое положение).

7. Один из возможных выходов из существующих на Юге СНГ и в Третьем мире конфликтных ситуаций состоит в том, чтобы всем этническим группам было предоставлено право на беспрепятственное развитие своей культуры, языка, разрешение эко-

логических проблем. Россия, концентрирующая свои усилия в этом направлении, занятая поисками путей "перехвата", предотвращения конфликтов, а не наращиванием военной мощи в разгорающихся очагах этнического противоборства, способна стать гарантом равновесия на евразийском пространстве, мира и стабильности на обширной территории бывшего СССР и за его пределами - в странах Третьего мира.

Мир меняется, в нем возникают новые угрозы безопасности и одновременно зарождаются новые возможности. Формирующийся миропорядок требует разработки новых правил международной жизни, нового поведения. Это требование затрагивает и Россию, которая обладает реальными возможностями для того, чтобы осуществлять влияние на многие региональные и международные проблемы, выработать ответственный, трезвый и взвешенный подход к вызовам, возникающим в непосредственной близости от нее - на Юге Содружества и в Третьем мире.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ АВТОРА ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Религия и конфликты в развивающихся странах. - М.: ИМЭМО АН СССР, 1989. - 10,5 п.л.
2. Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности. - М.: Наука, 1991. - 10 п.л.
3. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран. - М.: Наука, 1986. - 14,5 п.л.
4. Россия и новые развивающиеся страны. - М.: ИМЭМО, 1993. - 3 п.л. (в соавторстве, авторские 22 с.).
5. Конфликты на Кавказе: региональное и международное измерение. - М.: ИМЭМО, 1996. - 2,5 п.л.
6. "Исламский фактор" в политике западноевропейских государств // "Исламский фактор" в международных отношениях в Азии. - М.: Наука, 1987. - 1 п.л.
7. Сознание национальное и религиозное: конкурирующие альтернативы // Общественная мысль развивающихся стран. - М.: Наука, 1989. - 1 п.л.
8. Центральная Азия между Россией, Западом и Третьим миром // Россия и Юг: возможности и пределы взаимодействия. - М.: Финстатинформ, 1996. - 1 п.л.
9. Религиозно-этнические факторы конфликтных ситуаций в развивающихся странах // Конфликты в развивающемся мире. Сборник статей. - М.: ИМЭМО, 1986. - 0,5 п.л.
10. Западносахарский конфликт // Конфликты в развивающемся мире. - М.: ИМЭМО, 1986. - 1,8 п.л.
11. Чадский конфликт // Конфликты в развивающемся мире. - М.: 1986. - 1,8 п.л.
12. Вмешательство под видом посредничества // Мировая экономика и международные отношения. - М.: 1987, N3. - 0,3 п.л.
13. Чад - опасный очаг напряженности в Африке // Мировая экономика и международные отношения. - М.: 1987, N4. - 0,3 п.л.
14. Неприсоединившиеся страны и конфликтная ситуация в Анголе // Актуальные проблемы движения неприсоединения. - М.: ИМЭМО, 1988. - 1 п.л.
15. Ислам и межгосударственные отношения в Африке // Современные проблемы политики и идеологии. - М., ИВАН, 1988, Выпуск 2. - 0,2 п.л.

16. Внешнеполитическая деятельность центров силы в развивающихся странах //Народы Азии и Африки. - М., 1990, N3. - 0,3 п.л. (в соавторстве, авторские 4 с.).
17. Эволюция внешнеполитического курса Ирана после Хомейни //СССР и Третий мир: новый взгляд на внешнеполитические проблемы. Сборник статей. - М.: ГПСИ ИМЭМО, 1991. - 0,5 п.л.
18. Позиция неприсоединившихся государств в отношении иракско-кувейтского конфликта //Движение неприсоединения после Белграда. Сборник статей. - М.: ГПСИ ИМЭМО, 1991. - 1 п.л.
19. Государственные интересы СССР и региональные конфликты в Третьем мире //Перестройка в СССР и региональные конфликты в Третьем мире. Сборник статей. - М.: ИМЭМО, 1992. - 1 п.л.
20. "Новая разрядка" и конфликты в Африке //Перестройка в СССР и региональные конфликты в Третьем мире. - М.: ИМЭМО, 1992. - 0,3 п.л.(в соавторстве, авторские 7 с.).
21. "Исламский феномен" в бывшем Советском Союзе: новый вызов региональной безопасности //Россия и мусульманский мир. - М.: 1993, N1. - 0,2 п.л.
22. Центральная Азия - мусульманский вызов России? //Мировая экономика и международные отношения. - М.: 1993, N12. - 0,5 п.л.
23. Конфликты в СНГ и политика новой России //Азиатский вестник. - М.: Постфактум, 1993, N7. - 0,3 п.л.
24. Этнические конфликты на Юге СНГ и национальная безопасность России //Мировая экономика и международные отношения. - М.: 1994, N3. - 1 п.л.
25. Специфика центральноазиатских государств и их отношения с Россией, Западом и Третьим миром //Мировая экономика и международные отношения. - М.: 1994, N6. - 0,5 п.л.
26. Центральная Азия в меняющейся структуре мира //Россия и Юг в меняющемся мире. - М.: ООД ИМЭМО РАН, 1994. - 1 п.л.
27. Ислам как фактор центральноазиатской политики //Государства Центральной Азии: поиск места в мировой политике. - М.: ООД ИМЭМО РАН, 1995. - С.5-8.
28. Конфликты на Юге СНГ и на Ближнем и Среднем Востоке (сравнительный анализ) //Мировая экономика и международные отношения. - М.: 1995, N10. - 1,1 п.л.
29. Алжирский конфликт: уроки для России? //Мировая экономика и международные отношения. - М.: 1996, N10. - 1,1 п.л.
30. Третий фронт холодной войны //Мировая экономика и международные отношения. - М.: 1996, N9. - 0,5 п.л.
31. Региональный и международный аспекты чеченского конфликта //Региональные конфликты в Азии и Северной Африке. - М.: Институт востоковедения РАН, 1997. - 1 п.л.
32. Братья-мусульмане как идейно-политическая сила в арабском мире // Идейно-политические течения в арабских странах. Реферативный сборник ИНИОН. - М.: ИНИОН, 1983. - 0,3 п.л.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Очаги потенциальных межэтнических конфликтов на Кавказе: перечень основных требований и территориальных притязаний

1. Разделение Карачаево - Черкессии на две самостоятельные автономные республики в составе РФ.
2. Разделение Кабардино - Балкарии на две самостоятельные автономные республики в составе РФ.
3. Объединение Южной и Северной Осетии с включением в состав РФ.
4. Присоединение Пригородного и Моздокского районов Сев.Осетии к Ингушской Республике.
5. Установление границы между Чеченской и Ингушской республиками.
6. Требование терского казачества о возвращении Сунженского и Шелковского районов ЧР, создание казачьей республики, ее выход из ЧР и присоединение к Ставропольскому краю.
7. Восстановление контроля чеченцев-аккинцев над территориями, занимаемыми, кумыками, аварцами, лакцами; присоединение Ауховского (Новолакского) и Хасавюртовского р-нов Дагестана к ЧР.
8. Ликвидация автономного статуса Ингушской Республики и присоединение ее к ЧР.
9. Создание "национального очага" для кумыков, ногайцев, шапсугов (в Дагестане, Ставропольском и Краснодарском краях).
10. Создание Республики Адыгея в Краснодарском крае.
11. Создание единого лезгинского национально-территориального образования "Лезгистан" для лезгин, проживающих в РФ и Азербайджане.
12. Создание Урупо-Зеленчукской Республики внутри Карачаево - Черкессии.
13. Создание "национального очага" для курдов в Азербайджане.
14. Присоединение Восточной и Западной провинций Ирана к Азербайджану.
15. Присоединение к Армении Восточной Анатолии (Турция).
16. Изменение статуса Аджарской республики Грузии.
17. Изменение статуса Ахалкалаки (Грузия).
18. Возвращение турок-месхетинцев в места исторического проживания в Грузии.

* Источники: Nations and Politics in the Soviet Successor States. Cambridge, 1993; "Московские новости", N11, 1991; "Сегодня". 3.8.1993; Там же, 5. I. 1994г.

Приложение 2. Перечень основных спорных территориальных проблем в Центральной Азии

1. Требования каракалпакского национального движения изменить статус Каракалпакской автономии.
2. Взаимные территориальные притязания России и Казахстана.
3. Взаимные территориальные притязания Узбекистана и Таджикистана.
4. Отделение части Мангашлыкской области (Казахстан) и присоединение ее к Туркменистану.
5. Отделение части Ташаузской и Чарджоузской областей от Туркменистана и присоединение их к Узбекистану.
6. Притязания Узбекистана на южную часть Чимкентской области Казахстана.
7. Изменение статуса Горно-Бадахшанской автономной области, обсуждение вопроса о ее присоединении к России.
8. Отделение северной части Бухарской области от Узбекистана и присоединение ее к Каракалпакской области.
9. Отделение юго-восточной части Каракалпакии и присоединение ее к Хорезмской области.
10. Отделение южной части Чимкентской области и присоединение ее к Узбекистану.
11. Статус Каспийского моря.

* Источники: Московские новости. 1991, N11; Nation & Politics in the Soviet Successor States. Cambridge: 1993. - с.359.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ:

Глава I:

1. Россия и Юг: возможности и пределы взаимодействия. - М.: 1996.-С.117.
2. Hawthorn G. The Crisis of Southern States //Political Studies.-Oxford,1994,Vol.42,Special Issue.-P.130.
3. Mahbubani K. The West and the Rest //National Interest.-1992,Summer.-P.3-13.
4. Россия и Юг: возможности и пределы взаимодействия.
5. Тишков В. О природе этнического конфликта //Свободная мысль. - М., 1993, N4.-С.6.
6. М'Боу А.-М. Время народов.-М., 1985.-С.55.
7. Fanon F. The Wretched of the Earth. - N.Y.,1969.-С.130-131.
8. См. подробнее: Эволюция традиционных обществ: синтез традиционного и современного. - М., 1984.
9. Авторитаризм и демократия.-М., 1996.
10. Ислам.//Словарь атеиста.-М.,1988.-С.157; Chamber's Dictionary of Beliefs and Religions.-Edinburgh, N.Y.,1992.-P.184. 11. Pipes D. "This World is Political!" The Islamic Revival of Seventies //Orbis.-1980,N1.-P.1-12.
12. Ионова А.И. Традиционализм: значение и тенденции преломления в мусульманском реформаторстве и национализме //Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока.-М.,1986.-С.415-458.
13. См. подробнее: Малышева Д.Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских государств.-М.,1986; Mortimer E. Faith and Power.-L.,1982; M.Kramer. Political Islam.-L.: 1980; G.H.Jansen. Militant Islam.-L.:1979; S.E.Ibrahim. Anatomy of Egypt's Militant Islamic Groups //International Journal of Middle East Studies.-L.-N.Y., 1980, Vol.12, N4; R.H.Dekmejian. The Anatomy of Islamic Revival // The Middle East Journal.-Washington: 1980, N1.
14. См., например: Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма.-Вильнюс,1990; Ланда Р. Ислам в истории России.- М.,1995; Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ.-М.,1996.
15. Гаспринский И. Из наследия. - Симферополь, 1991; Larrezini E.Y. Ismail Bey Gasprinski and Muslim Modernism in Russia. 1878-1914. - Seattle, 1973.
16. Bennigsen A., Enders Wimbush E. Muslims of the Soviet Empire. A Guide. - L.,1986.
17. Авторханов А. Там же.
18. Гусейнов Г., Драгунский Д., Сергеев В. Этнос и политическая власть //Век XX и мир.-М.,1989,N9.-С.13-18.
19. Soviet Strategy and Islam. - L., 1989.
20. Bennigsen A., Enders Wimbush E. Mystics and Commissars. Sufism in the Soviet Union.-L.,1985; Саидбаев Т.С. Ислам и общество.-М., 1976.
21. Малашенко А.В. 80-е: новый политический старт ислама.//Народы Азии и Африки.-М.,1991,N5.-С.59.
22. Лебедева Е. Нет мира в доме Аллаха //Московские новости.-1996, 3-10.11, N44; Шевченко М. Ваххабиты готовы к бою //Независимая газета. 17.05.1997.
23. Galtung J. Cultural Violence //Journal of Peace Research. - L.: 1990, Vol. 27, N3. - p. 291-305.

24. Oxford Advanced Learned Dictionary.-М., Оксфорд: Русский язык,Оксфорд Юниверсити Пресс, 1982, Т.1.-С.178.
25. States in Armed Conflict. 1989.-Uppsala: Uppsala University,1991.-P.2.
26. Ibid.-P.3-6.
27. Ibid.-с.13; SIPRY Yearbook 1991.-N.Y.: Oxford Univ. Press, 1991.-P.346-348.
28. Мукомель В., Паин Э., Попов А. Союз распался - межнациональные конфликты остались. Этнополитические противоречия в СНГ. //Независимая газета.10.01.1992.
29. См. подробнее: Wallersteen P. Third Parties in Conflict Resolution. //States in Armed Conflict.; Zartman W.I. Ripe for Resolution. Conflict and Intervention in Africa.-N.Y.: Oxford Univ. Press, 1989.
30. Issues in Third World Conflict Resolution.-Uppsala: Uppsala Univ., 1990.-P.46.
31. States in Armed Conflict.-P.43.
32. Nordquist K.-A. Religion and Armed Conflict.//Life & Peace Review.-Uppsala, 1990, Vol.4,N1.-P.15.
33. Nordquist K.-A. Religion in Armed Conflict. //States in Armed Conflict.-P.49; Kaldur M. & Kumar R. New Forms of Conflict. //Conflicts in Europe.-Prague,1993.-P.13.
34. См. подробнее: Прохоренко И. Национальный интерес во внешней политике //Международная жизнь, 1991, N12; Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы.-М.,1994.
35. Gellner E. Nations and Nationalism.-N.Y.,1983. См. также другие определения: Carr E. Nationalism and After.-L., 1945; Hobsbaum E. Nations and Nationalism since 1780.-Cambridge, 1990; Snyder L. Encyclopedia of Nationalism.-N.Y., 1990.
36. Dunn J. Introduction: Crisis of the Nation State? //Political Studies.-Oxford, 1994, Vol.42, Special Issue.-P.3.
37. UN Report on Ethnicity & Development.-1987; Carment D. The International Dimensions of Ethnic conflict: Concepts, Indicators and Theory.//Journal of Peace Research.-L., 1993, Vol.30,N2.-P.137.
38. Snyder L. Op.cit.; Hippel K. The Resurgence of Nationalism and its International Implications.//The Washington Quarterly.-Wasington,1994,Vol.17,N4.-P.195.
39. Snyder L. Op. cit.-P.253.
40. Ibid.-P.94.
41. Smith A.D. The Ethnic Sources of Nationalism.//Survival.-L.,1993,Vol.35,N1.-P.50-51.
42. Carment D. Op. cit.-P.146.
43. Wallerstein I. The Two Modes of Ethnic Consciousness: Soviet Central Asia in Transition.//The Nationality Question in Soviet Central Asia.-L.,1973.-P.168.
44. Ibid.-P.169.
45. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict.-Berkeley,1985.
46. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период.-Л.,1990.-С.51.
47. Гусейнов Г.Ч., Драгунский Д.В. Национальный вопрос: попытка ответа.//Вопросы философии.-М.,1989,N6.-С.57.
48. Там же.
49. См. подробнее: Кременюк В.А. США и конфликты в странах Азии (70-е годы XX в.).-М.,1979; Международные конфликты современности. М.,1983; Rodman P.W. More Precious Than Peace. The Cold War and the Struggle for the Third World.-N.Y., 1994.

50. См. подробнее: Перестройка и региональные конфликты.-М.,1986,-Тт.1-2; Regional Conflicts and Conflict Resolution.-Goteborg,1991.
51. Шеварнадзе Э.А. За новое мышление в мировой политике. Выступление на 41-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 23 сентября, 1986.-М.,1986; Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира.-М.,1988.
52. См. подробнее: Лукин В.П. "Центры силы": концепция и реальность.-М.,1983; Малышева Д.М., Мирский Г.И. Внешнеполитическая деятельность "центров силы" в развивающихся странах.//Народы Азии и Африки.-М.,1990,N3.-С.139-143; Роль региональных "центров силы" в Азии.-М.,1991.
53. "Исламский фактор" в международных отношениях Азии.-М.,1987; Полонская Л.Р., Ионова А.И. Некоторые вопросы активизации международного мусульманского движения. - М., 1980. Islam in Foreign Policy.-Cambridge,1987; Djalily M.-R. Diplomatie islamique.-P.,1988.
54. Precht H. Ayatollah Realpolitik.//Foreign Policy.-Wash.,1983,N70.-P.109.
55. Seikal A. The West and Post-Khomeini Iran.//The World Today.-L.,1993,Vol.49,N10.-P.197-198.
56. Hunter SH. Iran and the Spread of Revolutionary Islam//Third World Quarterly.-L.,1988,Vol.10,N2.-P.734-740.
57. Cottam R.M. Khomeini: the Future and US Options.-Muscatine,1987.
58. Precht H. Op. cit.-P.110-111; Петров Н.Я. Шиитский фундаментализм и политика экспорта исламской революции//Народы Азии и Африки.-1990, N4.-С.26-37.
59. Hunter SH. Op. cit.-P.734; Farhang R. Islamic Values and World View: Khomeini on Man, the State and International Politics.-s.l.,1983.
60. The Constitution of Islamic Republic of Iran.-Tehran,s.a.-P.25.
61. Taheri A. The Spirit of Allah.-L.,1985; Keesing's Record of World Events.-Bristol,1989,Vol.35,N6.-P.36724.
62. Middle East International.-L.,1988,N340.-P.19.
63. См., например: Echtechami A. and Murphy E.C. The Non-Arab Middle East States and the Caucasian/Central Asian Republics: Iran and Israel //International Relations.-L.,1994,Vol.12,N1.-P.81-107; Faroughy A. L'Iran a la recherche d'une politique regionale// Le Monde diplomatique.-P.,1992,N458.-P.7; Аятолла Хомейни: "Серьезно подумайте об исламе"//Новое время.-М.,1991,N3.-С.41.
64. См. подробнее: Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: миф или реальность. Исследование идеологии и политики современного пантюркизма.-М.,s.l.
65. White J.B. Islam and Democracy: the Turkish Experiment//Current History.-1995,Vol.94,N588.-P.7-8.
66. См. об этом подробнее: Малышева Д.Б. Указ соч.-С.161-219; The Arabs and Africa.-L.,1985.
67. Ihonvbere J. Nigeria As Africa's Great Power: Contraints and Prospects for the 1990s//International Journal.-Toronto,1991,Vol.XLVI,N3.-P.510-535.
68. Ayoob M. India As Regional Hegemon: External Opportunities and Internal Constraints//International Journal,ibid.-P.420-431.
69. Djalili M.-R. Op.cit.-P.187-189; Fuller G.E. Islamic Fundamentalism in Pakistan. Its Character and Prospects.-Santa Monica,1991; Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана.-М.,1984; "Исламский фактор" в международных отношениях.

70. Жириновский В.В. Последний бросок на юг.-М.,1993; его же. О собирательской роли России и молодых волках //Известия.23.04.1994.

71. Севостьянов И. НАТО отводит России роль пожарного, чтобы гасить пламя исламского экстремизма //Известия.1.06.1996.

Глава 2.

1. См. подробнее о причинах, объясняющих возникновение религиозного экстремизма на Ближнем Востоке: Игнатенко А.А. Халифы без халифата. -М., 1988. - с.74-88; Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. - М., 1990; Примаков Е.М. Ислам и общественное развитие в странах зарубежного Востока //Вопросы философии. -М.: 1980, N8. - с.61-62; Kepel G. Muslim Extremists in Egypt: the Prophet and the Pharaoh.-1986.

2. См. подробнее: В.А.Исаев, А.О.Филоник. Экономические интересы России в арабском мире //Ближний Восток и современность. - М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996. - с.53-55.

3. Киселев В.И. Палестинская проблема в международных отношениях: региональный аспект.-М.,1988.-С.4-6. См. также: Дмитриев Е.Д. Палестинская трагедия.-М.,1986.

4. Подробнее см.: "Исламский фактор" в международных отношениях.-С.79-82; Кудрявцев А.В. Исламский мир и палестинская проблема.-М.,1990.-С.21.

5. Об Ассоциации "Братьев-мусульман" см. подробнее: Сейранян Б.Г. Египет в борьбе за независимость. 1945-1952.-М.,1970; Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. - М.,1988.-С.102-110; Малышева Д.Б. Братья-мусульмане как идейно-политическая сила в арабском мире //Идейно-политические течения в арабских странах. Реферативный сборник ИНИОН.-М.,1983; Banna al H. Five Tracts of Hasan al-Bannah. - s.l., 1978; Mitchell R. The Society of the Muslim Brothers. - L., 1969; Briere C., Carre O. Islam, guerre a l'Occident? - P.,1983.

6. См.: Игнатенко А.А. Указ. соч.; Коровиков А.В. Указ. соч.; Etienne B. L'Islamisme radicale. - P., 1987; Lapidus I.M. Contemporary Islamic Movements in Historical Perspective. - L., 1983; Mortimer E. Faith and Power: the Politics of Islam. - N.Y., 1982.

7. Милославская Т.П. Начальный этап деятельности Ассоциации "Братьев-мусульман" //Религии мира. История и современность.-М.,1982.-С.93.

8. Shadid M.K. The Muslim Brotherhood Movement in the West Bank and Gaza //Third World Quarterly.-1988,Vol.10,N2.-P.668.

9. Ibid.-P.669.

10. Ibid.-P.679.

11. Policy Focus.-Wash.,1992,N1.-P.3.

12. Ibid.

13. Le Point.-P.,1990,N903.-P.62-63.

14. Policy Focus.-P.9.

15. Коровиков А.В. Указ. соч. -М.,1990.- с.125; The Jerusalem Quarterly.-Jerusalem,1985,N34.-P.36.

16. Dekmejian R.H. The Anatomy of Islamic revival: Legitimacy Crisis, Ethnic Conflict and the Search for Islamic Alternatives //The Middle East Journal. - Washington, 1980, N1. - p.2-11.

17. Newsweek.4.01.1988.-P.17.

18. Там же.
19. Проблемы мира и социализма.-Прага,1988, N12.-С.52.
20. The Middle East.-1984,N361.-P.12.
21. Сегодня.7.09.1993.
22. Там же. 29.09.1995.
23. Current History.-1988,Vol.87,N526.-P.86.
24. Там же.
25. The Middle East.-L.,1988,N169.-P.15.
26. Washington Post.20.10.1987.
27. Galtung J. Cultural Violence.-P.297.
28. См. подробнее: Исламские левые. Научно-аналитический обзор. - М., 1986; Charvin R., Vignet-Zuns J. Le Syndrome Kadhafi. P., 1987. - p. 126-127.
29. Murphy R.W. Syria: Not So Inscrutable //The World Today.-L.,1996,Vol.52,N8-9.-P.203-205.
30. См. подробнее: Малышева Д.Б. Религия в вооруженных конфликтах.-С.76-77.
31. Aruri L. Nationalism and Religion in the Arab World //Muslim World.-L., 1977,Vol.67, N4; Van Dam N. The Struggle for Power in Syria. Sectarianism, Regionalism and Tribalism in Politics. 1961-1978.-L.,1979; Малышева Д.Б. Религия и общественно-политическое развитие.-С.49-57.
32. Jeune Afrique.-P.,1987,N1372.-P.17.
33. Киселев В.И. Указ. соч.; Малышева Д.Б. Трагические результаты арабизраильского сговора //Мировая экономика и международные отношения.-1983,N7.
34. См. об этом подробнее: Ланда Р. История алжирской революции. 1954-1962.-М.,1983; La Gorge P.-M. La France et le Maghreb //Politique etrangere.-P.,1995, N4.-P.927-939.
35. Подробнее об этом см., например: Ланда З. Исламисты уходят в подполье //Азия и Африка сегодня.-1992,N9.-С.15-18; Лагутин В. Не видно конца затянувшейся драме //Там же.-1995,N7.-С.36-39; Younessi B. L'islamisme algerien: nebuleuse ou mouvement social?//Politique etrangere.-1995,N2.-P.365-376; Rouadjia A. L'Etat algerien et le probleme du droit //Ibid.-P.351-366; Bonnifous M. Conflit et religion en Algerie //Defense nationale.-P.,1995,N6.-P.35-46.
36. См. подробнее: Руа О. Фундаментализм, традиционализм, ислам //Рубежи.-М.,1995,N2.-С.134; Islamic Neo-Fundamentalism //Chambers Dictionary of Beliefs and Religions.-N.Y.,1992.-P.249. 37. Younessi B. Op. cit.-P.371.
38. Enleli J.P. Political Islam in Algeria: the Nonviolent Dimension //Current History.-1995,Vol.94,N588.-P.13.
39. Сегодня.21.12.1993.
40. Независимая газета.29.11.1996; Русская мысль. - Париж,1996,N4151,28.11.1996.
41. Малашенко А.В. Официальная идеология современного Алжира.-М.,1983; Малышева Д.Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран.
42. Kepel G. Op. cit.
43. Leveau R. Algeria: Adversaries in Search of Uncertain Compromises.-P., Chaillot Papers,1992,4 September.-P.3-4.

44. Буджедра Р. Фронт ненависти //Азия и Африка сегодня.-1995, N1.-С.20.
45. Мирский Г.И. Роль армии в политической жизни стран "третьего мира". М.,1989.-С.6.
46. Bonnefous M. Conflict et religion en Algerie //Defence nationale.-P.,1995, N6.-P.37.
47. Ланда Р. Исламисты уходят в подполье //Азия и Африка сегодня.-1992, N9.-С.17.
48. См.: Буджедра Р. Указ. соч.; Mimouni R. De la barbarie en generale et de l'integrisme en particulier.-Tunis,1992.
49. Nadar L.T. What Green Peril? //Foreign Affairs.-N.Y.,1993,N2.-P.34.
50. Leveau. Op. cit.-P.9.
51. Малышева Д.Б. Молодежь и ислам в арабских странах //Рабочий класс и современный мир.-М., 1988,N3.-С.122-138.
52. Younessi B. Op. cit.-P.369.
53. Ouazani Ch. Qui decide en l'Algerie //Jeune Afrique.-P.,1995,N1805-1806.-P.65.
54. Nadar L. Op. cit.-P.36.
55. См. подробнее: Younessi B. Op. cit.
56. Ibid.-P.369.
57. Esposito J.L. Political Islam: Beyond the Green Menace //Current History.-Philadelphia,1994,Vol.93,N579.-P.21. 58. Younessi B. Op. cit
59. Ibid.
60. Сегодня.17.05.1995; Ouzani Ch. La guerre du Ramadan //Jeune Afrique.-1996,N1832.-P.10.
61. Hammadi A., Shaar S. (eds.). Algeria's Impasse.-Princeton, 1995.-P.8.

Глава 3.

1. Исаев М.И. Сто тридцать равноправных (о языках народов СССР).-М.,1970.-С.157.
2. Гаджиев К. Геополитические перспективы Кавказа в стратегии России //Мировая экономика и международные отношения.-1993,N2.-С.20-37.
3. Бабанов И., Воеводский К. Карабахский кризис.-Спб.,1992; Кровь на улицах Баку //Страна и мир.-Мюнхен, 1990, N1.-С.31-39; Черный январь. Документы и материалы.-Баку, 1990; Чобанян С.С. Государственно-организованный терроризм.-Ереван,1992.
4. Ежегодник СИПРИ 1995.-М.,1995.-С.27.
5. Аргументы и факты.-М.,1989,N39.
6. Там же.
7. См., например, высказывания госсоветника по внешней политике Азербайджана Вафа Гулузаде: Зеркало.-Баку,7 сентября 1996.
8. Маклина О. Геополитика и кровь Карабаха //Азия и Африка сегодня.-1994, N12.-С.19-22; Юнусов А. Карабах, кровь и политика //Экспресс-хроника.-1994, N37; Московские новости.11.09.1994.
9. Независимая газета.6.03.1993.
10. Зеркало.1.06.1996.
11. Московские новости.11.09.1994.

12. Зеркало. 28.09.1996.
13. Фурман Д. Возвращение в третий мир. Грустная история про азербайджанскую демократию //Свободная мысль.-1993,N11.-С.19-22.
14. См.,например, рассуждения Дм.Рогозина: Россия.18.11.1992.
15. Независимая газета.27.04.1993.
16. Сегодня.14.03.1995; Московские новости.-1995,N31.
17. Goble P. Forget the Soviet Union //Foreign Policy.-1992, Spring, N86.-P.56; Porter B.D. and Saivetz C.K. The Once and Future Empire: Russians and the "Near Abroad"//The Washington Quarterly.-1994, Vol.17, N3.-P.82.
18. Барсегов Ю.Г. О миротворческом потенциале США в армяно-азербайджанском конфликте //США ЭПИ.-М.,1995,N2.-С.20-32. 19. Независимая газета.3.01.1993.
20. Абхазский узел. Документы и материалы.-М., 1995.-С.115. См. подробнее также: Червонная С.М. Абхазия-1992: посткоммунистическая Вандея.-М., 1993.
21. Абхазский узел.-С.161.
22. Новое время.-1992,N35.-С.8
23. Там же.
24. Известия.4.09.1992.
25. Независимая газета.29.09.1993.
26. См. подробнее: Лордкипанидзе М. Абхазы и Абхазия. - Тбилиси, 1990; Колбая Г. Грузино-абхазское противостояние //Азия и Африка сегодня.-1995,N3.-С.24.
27. Абхазский узел.-С.159.
28. Московские новости.-1991,N36.
29. Известия.10.09.1992.
30. Независимая газета.22.08.1992.
31. Микадзе А., Шевелев М. Выходец из "Союза" //Московские новости. - 1.08.1993, N31.
32. Московские новости. - 31.10.1993, N44.
33. Там же.16.02.1996.
34. Червонная С.М. Указ. соч.-С.77.
35. Московские новости.-13.09.1992, N37.
36. Игнатенко А., Салмин А. Конфедерация народов Кавказа в политическом контексте Кавказского региона //МЭиМО.-1993,N9.-С.97-98.
37. Clogg P. Turmoil in Transcaucasia //The World Today. - L.,1994, Vol.50, N1.- P.4.
38. Независимая газета.16.10.1993.
39. United Nations Peace-Keeping.-N.Y.,1994,June.-P.128-135.
40. См. об этом подробнее: Червонная С.М. Указ. соч.
41. Московские новости.-1992,N47.
42. См. подробнее: Авксентьев В.А. Этническая конфликтология. Часть 2. - Ставрополь, 1996. -С.83-86.
43. Сосламбеков Ю. Пятый геноцид //Новое время.-1996,N4.-С.11.
44. См. подробнее: Тишков В.А. и др. Чеченский кризис. Аналитическое обозрение.-М., 1995; Новичков Н.Н. и др. Российские вооруженные силы в чеченском конфликте. - М., 1995.
45. Сегодня. 1.02.1995.

46. Бестужев И.В. Кавказские войны.//Советская историческая энциклопедия.- М.:1965, Т.6.-С.759-766; Потто В.А. Кавказская война. Т.т.1-5.-Ставрополь,1993.

47. Бибикина О. Репрессии длиной в жизнь //Азия и Африка сегодня. - 1995, N1. - С.3-4; Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919-1952.-Том 3, 1993.-С.169-258; Авторханов А. Указ. соч.; Negic. The Punished Peoples. -s.l.,1978. - P.175, 185, 228, 229.

48. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе.-М.,1963; Авксентьев А. Ислам на Северном Кавказе.-Ставрополь,1984; Кудрявцев А.В. Ислам и государство в Чеченской Республике // Восток. - М., 1994, N3. - С.64-71.

49. Независимая газета.23.02.1996.

50. Там же.21.04.1992.

51. Там же.23.02.1996.

52. Московские новости.-1994,n25.

53. Итоги.-М.,21.01.1997.-С.25.

54. Глинкин М. Тайные тропы "серых волков" //Общая газета.-1996,N1; Россия.-1992,N48.

55. Независимая газета.21.04.1992.

56. Багиров А. Наемники Дудаева борются с "русским империализмом" //Век.-М.,1996,N13.

Глава 4.

1. Белокреницкий В.Я. Проблемы и перспективы формирования центральноазиатского макрорегиона //Восток, 1993, N4 - С.42.

2. Россия и Юг. - С.217-228; Fuller G. Central Asia. The New Geopolitics. - Santa Monica, 1992.

3. Записка акад. В.В.Бартольда по вопросу об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народов Востока //Восток, 1991, N5; Масов Р. История топорного разделения. - Душанбе, 1992.

4. Ротарь И. Взорвется ли Средняя Азия? //Независимая газета. 21.01.1993; Третья мировая война может начаться с Таджикистана //Аргументы и факты, 1993, N3; Rumer V. The Gathering Storm in Central Asia //Orbis, 1993, Vol.37, N1.- P.89-105.

5. Демократическая Республика Афганистан. Справочник.- М.,1988; La guerre d'Afghanistan. Intervention Sovietique et resistance. - P.,1985; Roy O. Islam and Resistance in Afghanistan. - Cambridge, 1986.

6. Fuller G. Op. cit.

7. Демократическая Республика Афганистан. - С.9-11.

8. Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана.-М.,1995.-С.38.

9. Roy O. Islam and Resistance in Afghanistan.

10. Mazrui A. The Resurgence of Islam and the Decline of Communism: What is the Connection? //Futures. - P.,1991,Vol.23,N13.-P.273-288.

11. Huntington S. The Clash of Civilizations.//Foreign Affairs. N.Y.,1993,Summer.- P.22-47.

12. Ляховский А.А. Указ. соч. - С.58.

13. Ляховский А.А. Указ. соч.

14. Известия.29.12.1989.
15. Asia Yearbook 1988.-Hongkong,1988.-P.87.
16. Правда.30.04.1988.
17. См. подробнее: The New Geopolitics of Central Asia and its Borderlands.-L.,N.Y.,1994.-P.226.
18. Кузьмин О. Не столь таинственные талибы //Азия и Африка сегодня.-1996,N2.-С.14-16; Дубнов А. Талибан: джинн без бутылки //Новое время.-1996,N52.-С.30-32; Пахомов Е. Студенческая практика на Востоке //Итоги.-1996,22.10.-С.36-37. Правов А. "Ужасные дети" ислама //Общая газета.-1996,N40.
19. Известия.12.10.1996; Независимая газета.18.10.1996.
20. Умнов А. Только талибы могут объединить Афганистан //Независимая газета.31.10.1996.
21. Barfield Th. The Afghan Morass //Current History.-1996,Vol.95,N597.-P.38-43; Afghanistan and the Soviet Union: Colision and Transformation.-s.l.,1989.
22. Афганистан: проблемы войны и мира. - М., 1996.-С.82
23. Carrere d'Encosse H. La Gloire des nations ou la fin de l'Empire Sovietique.-P.,1990.-P.188.
24. Советская историческая энциклопедия. - Т.14, М., 1973.-С.41-42.
25. См. подробнее: Бушков В.И., Микульский Д.В. "Таджикская революция" и гражданская война. - М., 1995.
26. Шоисматуллоев Ш. Таджикистан в феврале 1990 года: начало всех начал //Анализ и прогноз межнациональных конфликтов в России и СНГ. -М.,1994. - С.161-170; Помнить или забыть? Первая кровь в Таджикистане пролилась еще при коммунистах //Московский комсомолец. 13.02.1996; Назруллоев Х. Страсти по Таджикистану //Независимая газета. 10.04.1993.
27. Независимая газета. 3.03.1993.
28. Ланда Р.Г. Указ. соч.; Малашенко А.В. Указ. соч.; Ислам и политическая борьба в странах СНГ.-М.,1992; Поляков С.П. Традиционализм в современном средне-азиатском обществе. М., 1989; Саидбаев Т.С. Указ. соч.
29. Азия и Африка сегодня.-1995, N4.-С.3.
30. Там же.
31. Сегодня.5.01.1995.
32. Московские новости.28.06.1990.
33. Монитор.-Баку, 1997, N4.-С.36; Известия.5.02.1997.
34. Сегодня.7.08.1996.
35. Там же.
36. См. подробнее: Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана.-М.,1980; Atkin M. Tajikistan: Ancient Heritage, New Politics //Nations and Politics in the Soviet Successor States.-Cambridge,1993.
37. См. подробнее: Ланда Р.Г. Указ. соч.
38. Микульский Д.В. Исламская партия возрождения Таджикистана (история создания, структура, идеологические установки) //Восток. -1994, N6. - С.47-58.
39. Там же.
40. Московские новости.30.08.1992.
41. Независимая газета.1.08.1991.
42. Там же. 7.03.1992.

43. Там же; Московский комсомолец.13.02.1996.
44. Московские новости.-1992,N25.
45. Там же.
46. Шукуров Р. После Набиева //Новое время. - 1992, N38. - С.12-13.
47. Международная безопасность и разоружение. Ежегодник СИПРИ 1993. - М., 1993.-С.56.
48. Суорд. Ночь над Таджикистаном //Московские новости.3.01.1991; Кушко Ю. И тогда пришел кулябец //Россия.3-9.02.1993,N6; Панфилов О. Правительство проводит чистку интеллигенции //Независимая газета.10.02.1993.
49. Независимая газета.23.06.1993.
50. Там же.23.02.1993.
51. Международная безопасность и разоружение. Ежегодник СИПРИ 1994.- М.,1994.-С.112; Независимая газета.4.11.19937
52. Там же.2.06.1993; Известия.6.05.1994.
53. Московские новости.11-18.02.1996.
54. Независимая газета 16.12.1996.
55. Сегодня.7.08.1996.
56. Известия.1.11.1996.
57. Независимая газета. 1.01.1996.
58. Московские новости.4-11.02.1996.
59. Общая газета.-1996,N40.
60. Афганистан: проблемы войны и мира. -С.79.
61. Независимая газета.25.09.1996.
62. Коммерсантъ.-1996,N38.-С.28-30.
63. Сегодня.22.02.1997; Дубнов А. Указ. соч.-С.31-32.
64. Правов А. Указ. соч.; Шакиков М. Война в Афганистане переместилась к границам СНГ //Новая газета.-М.,4.10.1996. Зеркало.18.10.1996.
65. Кузьмин О. Указ. соч.-С.14-15.
66. Малышева Д.Б. Религиозный фактор. - С.55-96.
67. Там же. - С.96-98.
68. Orbis.-Philad.,1987, Winter.-P.627.
69. Независимая газета.4.10.1993.
70. Мегполис-экспресс.-М.,1992,N49; Новое время, 1993, N4; Независимая газета.6.12.1992.
71. Новое время.-Там же.-С.15.
72. Независимая газета.16.12.1992.
73. Зеркало.1.06.1996.
74. Российские вести.11.01.1994.
75. Губарев В., Какоткин А. Россия в Таджикистане: миротворчество или авантюра? //Московские новости.29.08.1993.
76. Коммерсантъ. - М., 1996, N12.-С.11.
77. Там же.
78. Независимая газета. 29.01.1997.

Глава 5.

1. Финдлей Т. Предотвращение, разрешение вооруженных конфликтов и контроль над ними. - Ежегодник СИПРИ 1995. - М.,1996.-С.36-73; Морозов Г.И. ООН: опыт миротворчества //Мировая экономика и международные отношения. - 1994, N7. - С.16-26; Кременюк В.А. Свет и тени современного миротворчества //США ЭПИ, 1996, N3. - с.5-17. Evans G. Cooperative Security and Interstate Conflict //Foreign Policy.- Wash.,1994,N96. - P.1-12.
2. Boutros-Ghali Boutros. An Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peacekeeping.-N.Y.,1992.
3. См. подробнее: The Art of Conflict Prevention.-N.Y., 1994.
4. Хилл Р. Превентивная дипломатия, установление и поддержание мира. //Международная безопасность 1993.-С.23.
5. Kampelman M. Secession and the Right of Self-Determination: an Urgent Need to Harmonize Principle with Pragmatism. //The Washington Quarterly.-1993, Vol.16,N16.-P.5-12.
6. Burton J.W. Resolving Deep-Rooted Conflict. A handbook. - L.,1987.-P.8; The Military Balance 1995/1996.-L.,1995.-P.119.
7. Zartman W. Op.cit.-P.8.
8. Young O. The International Mediators. Third Parties in International Crises.- Princeton, New Jersey,1969.-P.34.
9. Zartman W. Op. cit.
10. См. подробнее: Звягельская И.Д. "Конфликтная политика" США на Ближнем и Среднем Востоке.-М.,1990; Черкасов П. Франция и конфликты на африканском континенте. //Мировая экономика и международные отношения, 1987, N8.
11. Морозов Г.И. Международное право и международные отношения (проблемы взаимосвязи). - М.,1997. - С.41. Durch W.J., Blechman В.М. Keeping the Peace: the United Nations in the Emerging World Order.-The Henry Stimson Centre, March,1992; Renner M. Critical Juncture: the Future of Peacekeeping.-Wash.,1993.
12. Там же. - С.43.
13. Managing Arms in Peace Processes. Somalia.-N.Y., Geneva, 1995.-P.17.
14. Морозов Г.И. Указ. соч. - С.43.
15. Зайцева О.Г., Утегенова Д.К. Миротворческие операции и миссии ООН (1948-1995) //США ЭПИ, 1996, N1. - С.108-116; The United Nations Peacekeeping and Lessons for American Policy.-Washington, 1995.
16. Морозов Г.И. Указ. соч. - С.41; Stremblau J. Sharpening International Sanctions. Toward a Strong Role of the United Nations.-Wash.,1996.
17. Stremblau J. Ibid.
18. Ежегодник СИПРИ 1995. - С.63-68.
19. См. подробнее: Этингер Я.Я. Межгосударственные организации стран Азии и Африки.-М.,1976;
20. Ежегодник СИПРИ 1995.-С.63.
21. Moindidi H. Die Organization des Islamischen Konferenz als Forum Politischer und Wirtschaftlicher Kooperation.-s.l.,1984.-P.72.
22. Urhart B. The Role of United States in the Iraq-Kuwait Conflict in 1990.//SIPRI Yearbook 1991.-N.Y.,1991.-P.617-637.
23. Keesing's Record of World Events, Bristol: 1990, v. 36, N7,8. - с.37635.
24. Малышева Д.Б. Религия и общетвенно-политическое развитие. - С.200.

25. Там же.
26. Потапов Г. После ухода "голубых касок" //Азия и Африка сегодня.-1995,N8.- С.23.
27. Managing Arms.-Р.103.
28. Там же.
29. См. подробнее: Брекман К. Возвращение хуту //Новое время.-1996, N52.- С.28-29; Death Shadows Africa's Great Lakes //The Economist.-L.,1996,Vol.341,N7988.- Р.51-53.
30. Цит. по: Независимая газета.25.12.1996.
31. Брекман К. Указ. соч.
32. См. подробнее: Левтонова Ю.О. Эволюция политической системы современных Филиппин. - М., 1985; Малышева Д.Б. Религиозный фактор.
33. Малышева Д.Б. Указ соч.-С.122-132.
34. Русская мысль.5.11.1996, N4139; ИТАР-ТАСС.17.10.1996. КОМПАС, N42.
35. Там же.
36. Пашин С. Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним. Ответственность за военные преступления //Правовые аспекты чеченского кризиса. - М., 1995. - С.100-110.
37. Freedman L. Order and Disorder in the New World //Foreign Affairs.- N.Y.,1992,Vol.71,N1.-Р.37.